

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.АКМУЛЛЫ**

Д.Б. Масленников

**РУССКОЕ
ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО
Ч.1. ФУТУРИСТЫ**

Уфа 2009

УДК 82.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)5-022
М 31

*Печатается по решению функционально-научного совета
Башкирского государственного педагогического университета
им.М.Акмуллы*

Масленников Д.Б.

Русское поэтическое словотворчество. Ч.1. Футуристы : монография [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – 160с.

Работа над изучением языкотворческой деятельности поэтов-футуристов начала двадцатого века дает богатейшую возможность для ознакомления с мемуарной, критической, литературоведческой и лингвистической литературой, для проникновения в своеобразие художественного мира поэта и для понимания неисчерпаемости источника «будетлянства» для его исследователей и последователей.

Данное издание – первая часть исследования русского поэтического словотворчества XX в. Книга адресуется филологам и всем, кто интересуется русской литературой.

Рецензенты:

*С.В. Вахитов, канд. филол. н., доц. (БГПУ им. М.Акмуллы);
Е.Е. Крашенинников, канд. психол. н., доц. (РУДН)*

ISBN 978-5-87978-569-2

© Масленников Д.Б., 2009
© Издательство БГПУ, 2009

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда на смену суетному, пропахшему порохом, бензином и пивом двадцатому веку пришел апоплексически-апокалипсический век двадцать первый, зачарованная магией больших цифр и всяков-сячных цифровых и словесных палиндромов, раздавленная теорией больших и малых чисел интеллигенция ввела в обиход окказиональное словечко – «порубежье»...

Действительно, порубежье (рубеж двух веков) – время неслыханных потрясений и невиданных перемен. Во всяком случае, в России так было всегда: на стыке семнадцатого и восемнадцатого – грандиозный размах реформ Петра, кровавых по своей сути, с хрустом мослов и скрежетом зубовным, жутких, но положивших-таки конец «Руси боярской, дремотной»; век девятнадцатый идет на смену восемнадцатому – и, с одной стороны, Россию «втягивают» в неугасающую череду идущих в Европе «наполеоновских войн», приведшую к восстанию на Сенатской площади и, позже, к отмене крепостного права (а как иначе: зря что ли в Европу ходили, Парижи и Берлины башкирской конницей пугали, свободомыслия набирались?), а с другой – это эпоха небывалого расцвета русской поэзии, это Г. Державин, В. Жуковский и, конечно, великий Пушкин («красноречивый Александр»); девятнадцатый отступает от «железной поступи» века двадцатого – ослабленная Первой мировой Россия ввергается в пучину хаоса и смятения, в пучину революции...

Сейчас можно рассуждать, расквашивая друг другу в полемике носы, случайно это или нет, но почему-то именно во времена (или – лучше! – в безвременье) этого самого клятого «порубежья» стремительно развивается русская поэзия. Так было и в восемнадцатом, когда В. Тредиаковский и А. Кантемир стали складывать тяжелые свои силлаботонические вирши (чего стоит «Чудище обло, огромно и лайй...»), и в

«золотом» (эх, как хочется кавычки эти убрать!) девятнадцатом, так было и в веке двадцатом... Стремящиеся к вершинам стихосложения акмеисты, чуткие, дорожащие каждым (что, впрочем, тоже приводило к крайности – дрожащие над каждым) словом-образом символисты, неприступно-отстраненные белоперчаточники-имаженисты, неистово-бешеные футуристы с их хлебниковско-кручоновской «заумью» и горластым Владимиром Владимировичем – ой, неспроста начало двадцатого называют «серебряным веком русской поэзии»! Что-то еще будет в начале двадцать первого века...

Но, как говорится, ближе к теме: язык художественных произведений начала XX века интересовал автора всегда (ну не может настоящий филолог пройти мимо чуда рождения слова!). Особый интерес в этом смысле вызывают эквилибристические словоэксперименты русского футуризма, о которых, собственно, и пойдет речь далее.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1.1. КАК И О ЧЁМ? МЕТОДОЛОГИЯ ВОПРОСА

Лексический запас любого языка подвержен разного рода преобразованиям, и значительный вклад в этот процесс вносят художники слова. Поэты-футуристы, естественно, для реализации своего видения мира не могли не обратиться к словотворчеству. При этом они использовали не только имеющиеся в языке словообразовательные модели, именно поэтому среди футуристических неологизмов значительную часть занимают окказиональные слова («слово-новы» по А. Крученых), образованные по непродуктивным деривационным моделям.

Язык произведений русского футуризма на сегодняшний день недостаточно исследован. Это связано с тем, что произведения футуристов долгое время не издавались и приводились лишь в качестве отрицательного примера небрежного обращения с языком. Объектом изучения традиционно становилась лишь лексика произведений наиболее известных представителей этого литературного направления – В. Маяковского и В. Хлебникова. Вместе с тем необходимо отметить непреходящее стремление современных исследователей к освоению художественных текстов, созданных поэтами и писателями начала XX века.

Данная работа предоставляется интересной с точки зрения выявления отдельных сторон, связанных со словообразовательными потенциями русского языка и со сравнительно молодой областью лингвистики – неологией, в которой не очень давно стали изучаться индивидуально-авторские неологизмы как специфические единицы лексической системы русского языка, а именно они представляют интерес как представители потенциальных возможностей словообразовательной системы русского языка.

Необходимость собирания, изучения и описания новых фактов в словарном составе языка осознана в отечественном языкознании достаточно давно и не теряет актуальности по настоящее время. Особенно большой вклад в формирование теории неологии внесли Ф.И. Буслаев, М.М. Покровский, Е.Д. Поливанов, А.А. Потебня, А.М. Селищев, И.И. Срезневский, Л.П. Якубинский. Истоки теории нового слова, таким образом, восходят к отечественному языкознанию XIX века. Становление же неологии

как особой лингвистической отрасли относится ко второй половине XX столетия и связано с именами С.И. Алаторцевой, А.А. Брагиной, Р.А. Будагова, В.Г. Гака, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, И.Ф. Протченко, Е.В. Розен, Н.И. Фельдман, Э.И. Ханпиры и др. Ведущая роль в создании теории неологии принадлежит Словарному отделу Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), в частности, Ю.С. Сорокину и Н.З. Котеловой, благодаря деятельности которых собирание и изучение новых слов было поставлено на научную основу.

Что касается поэтической окказиональной лексики, представленной в произведениях, включенных в футуристические сборники начала XX века, то, очевидно, что на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий именно новообразования порубежья девятнадцатого и двадцатого веков могут расцениваться как яркий пример того, какую роль играют в общей системе языка окказиональные слова, какое место они занимают в литературе вообще и в художественной речи поэта в частности.

Автор, вслед за А.Г. Лыковым, В.П. Григорьевым, Э.И. Ханпирой и другими исследователями, полагает, что индивидуально-авторские неологизмы являются специфическими единицами лексики. Эта специфика находит свое выражение, во-первых, в словообразовательном плане. Создаются новые слова, отсутствующие в общелитературном языке, образование которых идет в соответствии с существующими в языке словообразовательными типами или по окказиональным моделям. Тогда авторские неологизмы служат демонстрацией словообразовательных потенций языка. Во-вторых, в лексико-семантическом плане: каждый индивидуально-авторский неологизм семантически соотносится с другими узуальными единицами, или определенным образом перекликается со значениями слов, зафиксированных в словарях современного русского языка. В-третьих, в стилистическом плане: индивидуально-авторские неологизмы выполняют особые стилистические функции в тексте художественного произведения. В силу своей специфики поэтические неологизмы являются единицами чрезвычайно высокого уровня художественной выразительности и экспрессивности, что делает их средством создания яркого, нетривиального художественного образа, отражающего индивидуальное авторское видение мира.

Материалом данной работы послужили многочисленные новообразования футуристов, так как в них наиболее ярко, на наш взгляд, проявляются тенденции развития номинативной системы современного русского языка. Декларированная ориентация поэтов-футуристов на языковое экс-

периментирование повышает ценность их поэтических и прозаических текстов при использовании их в качестве иллюстрации потенциальных и окказиональных способов словообразования. При этом в ходе работы над текстами кубо-футуристических сборников начала века (1911-1918гг.) нами было выявлено около тысячи окказионализмов, большая часть которых – имена существительные и прилагательные, чуть меньше – глаголов и глагольных образований (причастий и деепричастий), количество наречий и междометий незначительно. Следует отметить, что окказиональные слова признанного мэтра футуризма Велимира Хлебникова в данной работе не рассматриваются, так как этот пласт футуристического творчества к настоящему моменту достаточно изучен (см. работы В.П. Григорьева [Григорьев, 1976; 1979 а; 1979 б; 1982; 1983; 1985 а; 1985 б; 1986; 1987 и др.] и, особенно, Словарь неологизмов Велимира Хлебникова Н. Перцовой [Перцова, 1995]).

Выборка материала производилась из ранних футуристических сборников начала XX века: Н. Асеев «Зор» (М., 1914), Н. Асеев, Г. Петников «Леторей» (М., 1915), Н. Асеев «Ночная флейта» (М., 1916), Н. Асеев «Ой конин дан окейн» (М., 1916), К. Большаков «Мозаика» (М., 1911), К. Большаков «Поэма событий» (М., 1916), К. Большаков «Солнце на излете» (М., 1916), Д. Бурлюк и др. «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913), Е. Гуро «Небесные верблюжата» (СПб., 1914), Е. Гуро «Шарманка» (СПб., 1909), Р. Ивнев «Золото смерти» (М., 1916), Р. Ивнев «Пламя пышет» (М., 1913), В. Каменский «Звучаль веснянки» (М., 1918), В. Каменский «Землянка» (М., 1911), А. Крученых «Поросята» (СПб., 1913), А. Крученых «Черт и речетворцы» (СПб., 1913), Футуристы. К. Большаков, Бурлюки: Давид, Владимир, Николай и др. «Дохлая луна» (2 изд.) (М., 1914), В. Хлебников и др. «Дохлая луна. Сборник единственных футуристов мира!» (1 изд.) (М., 1913).

В последнее время окказиональная лексика интересует многих исследователей-лингвистов, что связано с созданием большого количества подобных единиц и активным функционированием их в современном поэтическом творчестве. Появляются работы, анализирующие с этой точки зрения поэтический язык Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Леонида Мартынова. Окказиональная же лексика Велимира Хлебникова, Алексея Крученых, Василия Каменского, Константина Большакова и других поэтов-футуристов начала двадцатого века не была предметом специального анализа лингвистов. Автор полагает, что причина этого заключается не только в затрудненности, не только в нелогичности футуристических текстов, не только в обилии в них окказиональной лексики, которая

зачастую не поддается анализу, здесь срабатывают и экстралингвистические факторы: дело в том, что официозная литература, провозгласив в 1934 году (на Первом съезде писателей СССР) социалистический реализм ведущим принципом советских литераторов, погребла под этим монолитом все алогичное, все хоть частично не укладывающееся в метод. Показателен тот факт, что с начала тридцатых годов, когда была предпринята серьезная попытка издать все сочинения В.В. Хлебникова (издание собрания сочинений Велимира Хлебникова в пяти томах было осуществлено под редакцией Ю.Н. Тынянова и Н.Г. Степанова в Ленинграде в период с 1928 по 1933 годы), до середины восьмидесятых, когда о футуризме вспомнили в связи со столетием со дня рождения (1985 год) Велимира Хлебникова, не было издано ни одной книги, принадлежащей перу поэтов-футуристов (за исключением тонкой книжечки, вышедшей в Малой серии «Библиотеки поэта», появившейся во время хрущевской оттепели – Хлебников В. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель. – 1960 – и, естественно, многочисленных произведений Владимира Маяковского, ставшего классиком советской литературы).

Почти пятьдесят лет футуристические тексты приводились только в качестве примера того, как «не надо писать», а самые яркие новообразования превращались в мишень малообоснованной критики. Время постепенно открывает нам поэтические тайны «Председателей Земного Шара» (термин В. Хлебникова). По жанру их творчество универсально, так как охватывает жизнь и в земном, и в космическом измерениях, универсально еще и потому, что для футуристической поэзии характерно смешение жанров: роман, драма, лирическое стихотворение – все равномерно представлено в футуристических текстах.

«Перебивка планов, непредсказуемое совмещение стилистических приемов, оригинальное воображение – все это порождает в поэзии, отличающейся глубокой иронией, ошеломляющий трагизм, беспощадную искренность, неожиданную словесную игру», – пишет М. Поляков во вступительной статье «В. Хлебников. Мировоззрение и поэтика» к сборнику «Творения» [Хлебников, 1987, с. 15]. Можно сказать, что особое смешение стилей в поэзии российского футуризма, где логика парадокса сосуществует с горечью неприятия тогдашнего общества, а своеобразный тонкий юмор поэтов-футуристов – с подлинной гражданственностью, патетикой, тоже можно считать одной из причин невосприимчивости футуристических текстов как со стороны читателей, так и со стороны ученых-лингвистов.

Наконец, одним из составляющих элементов футуристической поэзии начала XX века является безудержная, как мы уже отмечали, фантазия, пронизывающая все творчество поэтов-футуристов. Практика русского футуристического словотворчества изменяет, искажает пропорции понимания пространства, можно сказать, делает время податливым, эластичным.

Мы считаем, что футуристические новообразования – как совмещение различных исторических событий в одной плоскости – это удачная попытка преодолеть время, чему, вероятно, и должны способствовать такие словесные «изыски» футуристов, как «самовитая речь», «звездный язык», «речетворчество».

1.2. ЯЗЫК И РЕЧЬ. ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В современной лингвистической науке различаются понятия (и термины) язык и речь. Язык представляет собой сложное устройство, систему, которая может быть рассмотрена с различных точек зрения, в соответствии с чем и выделяются различные единицы языка и аспекты его изучения. Язык – одно из самых удивительных и, по всей видимости, одно из самых загадочных явлений, бытующих в человеческом обществе. Не будет преувеличением сказать, что язык является самым величайшим достижением человечества: язык создал человека, наделил его разумом.

Да, язык с трудом выдает свои тайны, но именно это и служит настойчивым призывом разгадать то, что написано между строк языка, а это, в свою очередь, «поможет нам лучше разобраться в сущности человеческой культуры, наиболее ярким проявлением которой всегда являлся и ныне является язык» [Маковский, 1989, с. 5].

Действительно, язык можно воспринять как некую субстанцию, живой организм, который можно исследовать, ставить над ним эксперименты, «строить не только лингвистические подобию – рефлекс нашего мира, но и фантомы, означающие то, чего нет, не бывает и даже, может быть, и быть не может в наших местах. И в этом смысле язык – вселенная безграничных возможностей, мир, в котором действительно возможен Всемогущий Творец» [Левин, Строчков, 1991, с. 75].

В специальной лингвистической литературе термин «язык» понимается как вся совокупность средств общения, присущих всему данному человеческому коллективу на данном этапе его развития и закрепленных в

словарях и академических грамматиках. Средства же языка (звуковые, словарные, грамматические) – это тот инструментарий, при помощи которого выполняются в первую очередь коммуникативная и эстетическая функции языка. В.В. Лопатин, анализируя соотношение языка и речи, так пишет об этом: «Они (средства языка) воспроизводятся разными людьми – носителями данного языка – в разных речевых ситуациях, в разных контекстах, в художественных произведениях, передаваясь от человека к человеку и от поколения к поколению» [Лопатин, 1973, с. 62].

Поразительно еще и то, что, оставаясь явлением социальным, непосредственным детищем человека и человечества, в то же время, по словам М.М. Маковского, язык «является самопорождающим и самонастраивающимся механизмом, действующим в рамках комбинаторных закономерностей и схем. При этом строгость тех или иных языковых процессов нередко является непосредственным следствием определенной «свободы» языковых преобразований» [Маковский, 1989, с. 9]. Можно представить, что «комбинаторные закономерности и схемы» – это и есть «идеальные» образы – стереотипы языка.

Представляет интерес семантическое развитие термина «стереотип». Если первоначально он использовался в области полиграфии, то в последнее время под «стереотипом» понимается совокупность процессов и явлений, проявляющихся в рамках той или иной культуры: от теоретических философско-научных и художественно-эстетических разработок до социально-практических и политических программ. Обычно, говоря о «стереотипах», имеют в виду так называемый «национальный стереотип», но при всей «живучести» данного термина он не может не эволюционировать в связи с постоянными изменениями материальных и социально-экономических аспектов существования человеческого общества. Всякое социальное мнение в большей или меньшей степени стереотипизировано в виде значений, обладающих вербальной закрепленностью лексических значений [Стереотипы в общественном сознании, 1988, с. 34].

Известна роль стереотипов в организации тех или иных форм общественного сознания – религиозной, философской, эстетической. При этом стереотипы нередко отождествляются с народными традициями, мифами, ритуальной символикой. Но следует отметить, что стереотипы, имея сходство с традициями и мифами, в значительной степени отличаются от них по своей психологической природе. Функциональное поле стереотипов – граница сознательного и бессознательного, формирующихся психо-

логических структур восприятия, тогда как культурные традиции, обычаи, мифы и т.д. являются объективированными, осознанными результатами такого закрепления рационализированными (идеология и политика) или иррационализированными (художественная поэтика и религиозная мистика) способами и средствами, в которых заинтересовано общество.

В результате неупорядоченного накопления образов восприятия человеком окружающей действительности возникают (осознанно или не совсем) повторяющиеся психолингвистические структуры, которые своеобразно идентифицируются в индивидуальном, коллективном и общественном сознании. У. Липпман дает следующее определение: «Стереотипы – упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права» [цит. по: Агеев, 1988, с. 34]. В данной работе рассматриваются вопросы, связанные с эстетической направленностью процесса разрушения стереотипов, в связи с чем автор исследует вышеназванный процесс только с лингвистической точки зрения.

Итак: языковой стереотип – это схематизированное и закрепленное в самом сознании данного языкового коллектива представление о правилах создания и употребления лингвистических единиц. Степень устойчивости стереотипа зависит не только от внешних условий, но и от конкретных носителей – общества, коллектива, личности – с их представлениями и интересами. Иными словами, языковой коллектив непосредственно участвует в создании, а затем – разрушении стереотипов как форм отражения объективной действительности. По мнению В.А. Малахова, стереотипы остаются на уровне скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего намеренно скрывают от «чужих» [Малахов, 1987, с. 77]. Причем постепенное разрушение стереотипов может осуществляться как в ходе эволюции языка, независимо от воли и сознания его отдельных носителей, так и одномоментно – в языке произведений представителей художественной культуры (другое дело, что изменения такого рода не всегда закрепляются в языковой практике).

Очевидно, что языковые стереотипы, как и лексика вообще, есть идеальные образы предметов и явлений реальной действительности. Этот «идеальный образ» в своем существовании напрямую связан с «телом знака» (термин А.А. Леонтьева) [Языковое сознание, 1988, с. 69]. Другими словами, общественная практика, отраженная в языковом сознании, порождает языковые стереотипы, которые, несомненно, должны способствовать более эффективной коммуникации.

В начале последнего столетия второго тысячелетия, когда происходит нивелирование патетики как символа и смысла художественности, актуализируется прагматический подход к эстетическому творчеству вообще: возобладала точка зрения, что художественная литература, искусство слова должны подчиняться единым законам – канонам социалистического реализма. Данная тенденция складывалась еще до Октябрьской революции, и неудивительно, что в среде писателей и поэтов возникло направление, декларирующее новое отношение к Слову, раскрытие потенциальных возможностей семантической и словообразовательной систем русского языка. Реализация этих планов позволила футуристам несколько иначе, более точно и образно выразить свое, отличное от других, видение мира, создать «мифологию» нового времени, ориентированную на материальные ценности техногенной цивилизации.

Знаменательно то, что великие представители науки, литературы и культуры обладают способностью сконцентрировать, выделить из общей массы человеческих наблюдений, впечатлений, переживаний самое характерное для той или иной части общества на определенном временном промежутке, самое типизированное и представить его общественному сознанию таким образом, что индивидуальное, абсолютно субъективное видение фактов и событий становится общепринятым, полностью стереотипизированным, своего рода классическим. И это несмотря на то, что личностные качества автора того или иного высказывания или окказионализма существенно влияют на популярность последнего, возможность его дальнейшего употребления.

Нельзя не отметить и тот факт, что большую роль в языке играют и так называемые «спонтанные процессы». Если взглянуть на язык в тот или иной период его существования, то все в нем кажется незыблемым и навсегда данным, так как «мы не можем использовать придуманные нами слова, не можем произвольно изменить значение тех или иных слов – иначе нас никто не поймет. Однако неподвижность, статичность языка – всего лишь иллюзия» [Маковский, 1989, с. 11]. Это отражает общую физическую картину мира, согласно которой точка отсчета обыденно является неподвижной, в результате чего у человека, находящегося в движущемся вагоне, возникает ощущение движения мира вокруг него.

Языковые изменения чаще всего подчиняются определенным законам (фонетическим, грамматическим), но иногда языковые единицы подвергаются преобразованиям разного порядка, иногда случайно, но обусловленными воздействием языковой системы. Во многом благодаря именно этим изменениям язык и может оставаться «вечно жи-

вым и функционирующим» [Тынянов, 1965, с. 12]. Функционирует же язык в речевой деятельности людей – носителей данного языка. Речь, таким образом, в отличие от языка – «это сама деятельность конкретного говорящего и результат этой деятельности» [Лопатин, 1973, с. 63].

Речь создается в процессе общения людей, непосредственно в процессе «говорения». Естественно, что применяются в ней прежде всего те или иные средства языка (например, определенные слова, формы слов, синтаксические конструкции) в зависимости от данной речевой ситуации, от стилистической направленности, от конкретного задания и цели говорящего, который стремится в каждом конкретном случае передать с помощью этих общезыковых средств определенную мысль, определенное содержание. Эта мысль была подчеркнута и выше. Известна точка зрения, что в языке нет ничего того, чего раньше не было бы в речи, и процесс словотворчества, никогда не прекращающийся и традиционно считающийся принадлежностью всего языкового коллектива, иногда может нарушаться отдельными авторами, предлагающими свою интерпритацию общепринятых методов словообразования (поэтами-футуристами). Случается, однако, что на определенном этапе эволюции эстетического восприятия мира существующие средства языка недостаточно полно отражают авторскую позицию релаксации. В результате возникает дисбаланс между общеупотребительным и потенциальным.

Таким образом, язык представляет собой прежде всего совокупность средств выражения, с помощью которых осуществляется его коммуникативная и эстетическая функции. Язык можно представить как сочетание комбинаторных закономерностей и схем, т.е. систему стереотипов, которые играют важную роль в организации различных форм общественного сознания (философии, религии, художественной эстетики).

Таким образом, под языковым стереотипом автор предлагает понимать схематизированное и закрепленное в языковом сознании данного языкового коллектива представление о правилах создания и употребления лингвистических единиц.

Основой же эстетики футуризма являлась направленность на разрушение стереотипов с целью создания «мифологии культуры» нового времени с ориентацией на материальные ценности технократической цивилизации.

1.3. ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

В лингвистике вопросам окказиональности как особой теме стали уделять внимание сравнительно недавно, очевидно в силу аномальности, противоречивости этого явления, хотя различные авторские новообразования всегда привлекали внимание исследователей. В настоящее время индивидуальное авторское словообразование (словотворчество) привлекает исследователей по разным причинам: кого-то интересует словотворчество как реализация авторской языковой игры, кого-то – возможности автора-словообразователя.

Основой любой науки являются категории. Категория в лингвистике – наиболее общее и существенное понятие, выражающее одно из основных отношений, существующих в языке (или речи). Категория окказиональности, лежащая в основе данной работы, – это наиболее общее понятие, объединяющее все виды проявления окказиональности в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, семантике. Окказиональность – это такая речевая реализация возможностей языковой системы, которая противоречит традициям и нормам употребления лексических единиц, речевое проявление того, что могло бы быть реальным фактом языка, но не нашло в нем отражение.

Категория окказиональности выделяется на фоне категории узуальности и противопоставлена ей. Категория узуальности является наиболее общим понятием, объединяющим в себе все устоявшееся, естественное в употреблении соответствующих единиц данного языка.

Категория окказиональности носит «межъярусный» характер и проявляется на всех уровнях структуры языка. Это означает, что категория окказиональности обнаруживается на всех уровнях, кроме фонологического.

«В бинарной оппозиции «окказиональность – узуальность» маркированным (сильным) членом является окказиональность, которая выделяется на «нейтральном» фоне узуальности. В соответствии с этим рассмотрение свойств окказионального слова последовательно осуществляется <...> на фоне соотносительных свойств обычных (узуальных, канонических) слов» [Лыков, 1976, с. 78].

Причиной возникновения окказиональности является противоречие между возможностью и ее осуществлением, между системой и нормой, которое предполагает преодоление разного рода ограничений в соединении единиц (морфем, слов) в процессе их появления в речи.

Возможное в языке становится реальным в речи, в которой «кроме слов общеупотребительных, входящих в активный словарный запас языка, встречаются и индивидуальные средства, присущие только данному отрезку речи» [Лопатин, 1973, с. 63], данному определенному контексту, создаваемые (подчеркнуто нами. – Д.М.), а не воспроизводимые говорящим именно в данной языковой ситуации. К индивидуально-речевым средствам было бы, как нам кажется, нецелесообразно применять термин «неологизмы», поскольку он уже закреплен за определенной группой слов. Наиболее распространенным названием таких индивидуальных новообразований является термин «окказионализмы», или «окказиональные слова» (от латинского «occasio» - случай), который впервые был употреблен применительно к русскому словообразованию в работе Н.И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография» [Фельдман, 1957]. Уже в самом термине заложена мысль о том, что подобные слова создаются однажды, некоторым образом – «по случаю».

В лингвистической литературе, впрочем, существуют также и другие названия окказиональных слов. Они предложены были разными авторами и не приняты на вооружение языковедческой науки [Лопатин, 1973, с. 65]. Однако нам кажется интересным уже сам перечень терминов, поскольку каждый из них, по-своему оправданных, характеризует рассматриваемое явление с определенной стороны, и тем самым явление окказиональности получает разностороннее освещение.

Мы считаем, что возможно сгруппировать предлагаемые термины по тем особенностям данного явления, которые они акцентируют, и, исходя из этого, выделяем четыре группы понятий, указывающих на следующее:

- 1) на авторскую принадлежность:
 - а) «индивидуальные слова»;
 - б) «авторские» или «индивидуально-авторские неологизмы»;
 - в) «слова-самоделки»;
 - г) «эгологизмы» (от латинского «ego» – я);
- 2) на стилистические возможности таких новообразований:
 - а) «стилистические неологизмы»;
 - б) «индивидуально-стилистические неологизмы»;
- 3) на фактор «сиюминутности», «недолговечности»:
 - а) «слова-экспромты»;
 - б) «слова-молнии»;
 - в) «слова-метеоры»;
- 4) на сферу функционирования окказиональных новообразований:

- а) «литературные» или «литературно-поэтические неологизмы»;
- б) «неологизмы поэта»;
- в) «поэтические неологизмы».

Таким образом, мы получаем четыре основных отличительных признака окказиональных слов:

а) во-первых, они не являются общеупотребительными, являясь индивидуально-речевыми по своему употреблению;

б) во-вторых, в определенных стилевых контекстах окказиональные слова обладают большей эмоционально-экспрессивной значимостью, нежели слова общеупотребительные;

в) в-третьих, окказиональные новообразования, действительно, не стремятся к закреплению в активном словарном запасе языка, это «временные» единицы языка, хотя иногда они (окказионализмы) и «переживают» своих авторов;

г) в-четвертых, своеобразной «средой обитания» окказиональных слов является художественная литература, поскольку функционируют они в художественных текстах и, как правило, не воспроизводятся вне определенного контекста.

В лингвистической литературе до сих пор существует терминологический разнобой в толковании понятий «неологизм», «потенциальное слово», «окказиональное слово». Анализируя соотношение данных понятий, Э.И. Ханпира отмечает следующее: «Самый старый из этих терминов – «неологизм». В литературоведческих работах до сих пор только он и бытует. <...> А между тем одного этого термина явно недостаточно для описания многообразия фактов, связанных с появлением новых слов» [Ханпира, 1966, с. 153]. Развивая свою мысль, вышеназванный исследователь предлагает «неологизмом» называть «новое слово языка» (разбивка Ханпиры) [Ханпира, 1966, с. 154], «потенциальным словом» – «слово, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности, а также слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык» [Ханпира, 1966, с. 154], «окказиональным словом» – «слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [Ханпира, 1966, с. 154]. Подобная трактовка, на наш взгляд, не позволяет разграничить данные понятия, поскольку проанализированный материал позволяет утверждать, что окказиональные слова образуются не только по малопродуктивным, но и по продуктивным моделям. В связи с этим возникает терминологи-

ческий дисбаланс между толкованием окказионального и потенциального слова. Если вслед за Э.И. Ханпирой под потенциальным словом понимать «слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык», то что значит потенциальное. Вряд ли стоит говорить о том, что потенциальное предполагает не существующее, а возможное. Поэтому мы разделяем точку зрения Г.О. Винокура: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т.е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур, 1991, с. 320].

Сходная трактовка в понимании термина «потенциальное слово» предложена В.В. Лопатиным. Отличие заключается в том, что названный исследователь внутри «окказиональных слов» выделяет две группы: «потенциальные слова языка» и «собственно индивидуально-авторские образования» [Лопатин, 1973, с. 94]. Первые возникают более свободно и образуются по продуктивным в современном русском языке словообразовательным моделям. Каждое из таких «потенциальных слов» – это лишь очередная демонстрация проявлений словообразовательных законов языка.

Заметим предварительно, что большое число окказионализмов поэтов-футуристов относится именно к этой группе. Например, В. Хлебников заполняет лауну в словарном запасе языка: черный → чернеет, белый → белеет, русый → ? (*Чья это головка русееет?* [Хлебников, 1987, с. 65]).

Вторые же, напротив, намеренно создаются авторами для того, чтобы отступить от языковых стереотипов, от словообразовательных закономерностей и норм русского языка. Такие индивидуально-авторские новообразования создаются или по непродуктивным в современном русском языке словообразовательным моделям («нянь» – существительное мужского рода – редеривация), или на базе соединения обычно не сочетаемых слов (сложные прилагательные типа «чудовищно-прекрасный», «бешено-сладкий» и др.). В тех же случаях, когда новообразования построены по продуктивным в языке словообразовательным моделям, они либо отклоняются от обычных для этих моделей закономерностей деривации (например, при сложении слов используются не только знаменательные, но и, в нарушение языковых норм, служебные слова: частицы («бы + ум = быум» – «желающий разум, сделанный не тем, что есть, а тем, чего хочется» [Хлебников, 1987, с. 483]), союзы («но + ум = ноум» – «враждебный ум, ведущий к другим выводам, ум говорящий <...> «но» [Хлебников, 1917, с.

483] и т.д.), либо образуются вместо других, общеупотребительных слов – синонимов того же корня («старизна», «мечтавый», «лебедивый» и другие. Ср.: старость, мечтательный, лебединый).

Несколько иная трактовка термина «окказиональное слово» предлагается А.Г. Лыковым, который выделяет девять признаков, отличающих русское окказиональное слово от канонического (узуального):

- 1) принадлежность к речи;
- 2) творимость (не воспроизводимость!);
- 3) словообразовательная производность;
- 4) ненормативность;
- 5) функциональная одноразовость;
- 6) экспрессивность;
- 7) номинативная факультативность;
- 8) синхронно-диахронная диффузность;
- 9) индивидуальная принадлежность.

Учитывая все вышесказанное, А.Г. Лыков считает, что «Окказионализм представляет собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. Вследствие этого окказиональное словообразование – при всей своей специфичности – является частью общего словообразования и выделяется внутри него» [Лыков, 1976, с. 53].

Неработанность проблемы окказиональности особенно отчетливо проявляется в исследованиях, посвященных проблематике разговорной речи. В одной из работ Е.А. Земской («Словообразование как деятельность» [Земская, 1992]) окказиональному словообразованию уделено достаточно много внимания, но (к сожалению) за рамками теории словообразования. Окказионализмы так и остаются аномальным явлением, выпадающим из общей системы русского языка. Работа «Словообразование как деятельность» построена на противопоставлении «потенциальных» и «окказиональных» слов языка (потенциальные – возможная реализация модели, окказиональные – нарушение модели). При этом отмечаются определенные трудности в классификации, особенно при описании словообразовательных значений. Е.А. Земская выделяет словообразовательные парадигмы: типичную и конкретную. Типичная словообразовательная парадигма является абстрактной моделью, включающей все возможные новообразования, при этом окказионализмы не входят в эту модель. Например, модель для образования существительных типа «председатель», «учитель» является потенциальной (то есть эти слова входят в ТСП (Типичную Словообразовательную Парадигму –

сокращение Е.А. Земской) [Земская, 1992, с. 92], слова «*опьянитель*» [Гуро 1914: с.15], «*улетатель*» [Каменский 1918: 32] являются окказиональными, мотивированные глаголами «опьянить», «улетать» и не входят в ТСП [Земская, 1992, с. 92]. Здесь, видимо, и проявляется противоречие между потенциальными и окказиональными словами.

Разграничить эти явления в поэтическом словотворчестве не представляется возможным, так как, используя продуктивные модели словообразования, поэты-футуристы при этом как бы «указывают» на явную необычность слова.

Вероятно, это сознательное стремление к нарушению закономерностей языка, к разрушению языковых стереотипов и привело к тому, что оценка окказиональных новообразований учеными-языковедами далеко неоднозначна.

Следует отметить тот факт, что в последнее десятилетие классификации способов неузального словообразования активно разрабатываются. Попытка объединить кодифицированные и неузальные (окказионализмы и неологизмы) способы словообразования проделана в работе И.С. Улуханова «Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация» [Улуханов, 1996], где неузальные способы словообразования рассматриваются не только как потенциально увеличивающие количество словообразовательных средств (появление новых аффиксов, новых комбинаций аффиксов и их значений), но и как расширяющие, практически – бесконечно, границы словообразовательной системы в целом.

В работе В.П. Изотова и В.В. Панюшкина «Неузальные способы словообразования» представлена оригинальная терминологически разработанная классификация способов окказионального словообразования [Изотов, Панюшкин, 1997, с. 7], которая включает наряду с описанными такой способ, как «гипотетическое словообразование», подразумевающий изучение того, что только обнаруживает тенденцию к возникновению.

О.Г. Ревзина так пишет об окказиональном словообразовании: «Высказаны противоположные точки зрения и очертился объем ментального пространства, в котором мыслят об окказионализмах в рамках лингвистики и лингвистической поэтики. Этот объем узок для окказионализма, их осмысление требует расширенного круга вопросов, которые могут быть к ним поставлены равно как и подхода в рамках современной научной парадигмы, видящей в языке знаковую систему, но и убежденных в том, что «сущность языка лежит по ту сторону замкнутых в себе знаков». Семантика свободы, которую мы приписываем окказионализмам, как раз и

открывается при полагании научными объектом триединства человека, языка и мира» [Ревзина, 1996, с. 307].

На наш взгляд, сам термин «потенциальное слово» недостаточно корректен, поскольку потенция подразумевает нереализованную возможность. И в этом заключается его принципиальное отличие от окказионального слова, которое уже реализовано в пространственно-временном контексте художественного произведения, массово тиражировано и закреплено в сознании читающего.

Окказиональные слова целесообразно разделить на две группы в зависимости от продуктивности-непродуктивности языковых средств, использованных при их образовании: на окказионализмы, образованные по продуктивным моделям (окказионализмы первого порядка), и окказионализмы, образованные по непродуктивным моделям (окказионализмы второго порядка).

Основанием для выделения окказионализмов является факт их незафиксированности в толковых словарях. Причем окказионализмы первого порядка могут возникать достаточно свободно, поскольку их значение мотивировано значением составляющих морфем.

Что касается окказионализмов второго порядка, то они могут быть разделены на две группы по выводимости-невыводимости лексического значения из семантики компонентов, составляющих слово. Предлагается различать окказионализмы «ясной семантики» и окказионализмы «затемненной семантики». К первым будут относиться лексические единицы, образованные на базе несуществующих (потенциальных) слов (с пропуском деривационного шага: например, крыло → *крыловый* → крылово), квазификсальные лексические единицы (образованные при помощи квазификсов: например, зуд + *ахарь* → *зудахарь*), лексические единицы, образованные по способам, не характерным для современного русского словообразования (например, скорнение: *подвиг* + *отвага* → *повага*). Вторые мы предлагаем разделить на звукоподражательные (дыр, бул, еуы – А. Крученых) и словоуподобленные (раздабырдывай – В. Каменский). Модель представлена на следующей странице (см. модель 1).

Обобщая рассмотренные точки зрения, окказиональное слово можно определить следующим образом – это лексическая единица, созданная автором художественного произведения как по продуктивным, так и по непродуктивным словообразовательным моделям, не зафиксированная в толковых словарях, но обладающая значением, складывающимся из значе-

ний составляющих его компонентов (производящих слов, словообразовательных морфем).

Исходя из этого определения, окказионализм есть авторская (подчеркнуто нами. – Д.М.) реализация «потенциального слова», произведенная в целях создания определенного художественно-эстетического контекста, т.е. «потенциальное слово» – не подвид окказиональной лексики, а база для создания данной единицы. Неологизмы же можно определить как лексические единицы, реализующие потенциальные возможности системы языка и воспринимаемые языковым сознанием как «привычные», возможные в рамках узуса.

Схематически это можно представить следующим образом (см. Схему 1).

Очевидно, корни неприятия футуристической поэзии и словотворчества (их экспериментов над словом, во всяком случае) нужно искать в несогласии некоторых исследователей с нарушением «будетлянами» языковых норм, в попытке разрушить стереотипы языка и, смеем предположить, в непонимании временной открытости футуристической поэзии начала XX века (с выходом на прошлое, будущее, вечное).

Мы считаем, что окказиональные слова таких мастеров русской словесности, как Велимир Хлебников, Константин Большаков, Рюрик Ивнев, Василий Каменский, отнюдь не «засоряют» язык, не являются буквально-абсолютным искажением нормы, а наоборот – обнаруживают скрытые возможности словообразования вообще и отдельных способов словообразования в частности.

Нам кажется, что было бы ошибкой думать, что окказионализмы ущербны, аномальны. Нет, это реальные речевые факты, подчас более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные общеупотребительные слова. Но «специфика их заключается в том, что, обслуживая данный конкретный случай, данную речевую ситуацию, определенный контекст, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке, войти в общее употребление» [Лопатин, 1973, с. 65].

Специфичность эта и определяет еще одно весьма важное свойство окказиональных новообразований, объясняющее их привлекательность для думающего читателя: они сохраняют свою новизну всегда, ощущаются, воспринимаются нами как нечто новое абсолютно независимо от времени своего создания.

Схема 1.

Мы уже отмечали, что неологизмы – новые слова языка – обычно, в отличие от окказионализмов, весьма скоро перестают восприниматься таковыми (новыми), стареют. Достаточно вспомнить известное изречение В.В. Маяковского, косвенно касающееся, но образно раскрывающее процессы выхода слов из активного словарного запаса:

«Слова
у нас
до важного самого
В привычку входят,
ветшают,
как платья...»

[Маяковский, 1988, с. 261]

Новизна неологизмов со временем как бы «стирается». Окказионализмы же сохраняют свою новизну бесконечно.

Стремление к словотворчеству свойственно каждому писателю или поэту, каждому настоящему творцу. Другое дело, что далеко не у каждого

это стремление оказывается реализованным, а в случае реализации – удачным. Ф.М. Достоевский, например, является автором единственного слова – «штушеваться». По подсчетам исследователей, у В.В. Маяковского окказиональных новообразований немногим более двух тысяч [Гончаров, 1976, с. 17]. У великого теоретика и практика футуризма Велимира Хлебникова их в сотни раз больше. В.П. Григорьев, ссылаясь на американского великогомироведа Рональда Вроона, ведет речь о почти тридцати тысячах окказиональных слов поэта.

Владимир Маяковский в статье-некрологе «В.В. Хлебников» отмечал: «Поэтическая слава Хлебникова неизмеримо меньше его значения.

Всего из сотни читавших – пятьдесят называли его графоманом, сорок читали его для удовольствия и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только десять (поэты-футуристы, филологи «ОПОЯЗа») знали и любили этого Колумба новых поэтических материков, ныне заселенных и возделываемых нами.

Хлебников – не поэт для потребителей. Его нельзя просто читать. Хлебников поэт для производителя» [Маяковский, 1988, с. 630].

Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Василий Каменский, Алексей Крученых, Елена Гуро – вот имена «Колумбов поэтических материков», творцов, способных дать жизнь новым словам, заставляющих по-новому смотреть на мир окружающий.

Е.А. Земская в своей книге «Как делаются слова» пишет об окказиональных новообразованиях: «Если говорящий нарушает сложившиеся в языке обычаи, традиции словоупотребления (узус) или закономерности словообразования, получают слова-беззаконники» [Земская, 1963, с. 132].

Мы считаем, что окказионализмы являются полноправными компонентами русской речи, которые «отличаются от неологизмов, имеющих в каждый момент в словарном составе языка, тем, что они не получили распространения, не вошли в язык и в силу этого сохраняют свою новизну независимо от момента» [Лопатин, 1973, с. 65].

Говоря далее об окказиональных словах, Е.А. Земская приходит к следующим выводам: «В каких случаях это (нарушение языковых традиций) происходит? Нарушителями языка бывают люди, не овладевшие еще языком, или люди с тонким чувством слова, прекрасно знающие язык. К числу первых относятся дети, люди, плохо знающие родной язык, и иностранцы, к числу вторых – лица, очень

внимательные к языковой форме и стремящиеся как-то ее обновить, освежить, среди них, конечно, в первую очередь писатели.

У этих нарушителей законов языка разные установки, разные цели: первые нарушают закон бессознательно, сами того не ведая, вторые сознательно, борясь с властью узуса, стремясь освежить язык. Однако характер их нарушений с точки зрения «правовой», «юридической», а именно того, какие законы языка и как нарушаются, бывает аналогичен. И те и другие берут имеющиеся в языке «стройматериалы» слова (морфемы), а не придумывают их из головы, индивидуальным, непринятым является только их соединение» [Земская, 1963, с. 132 – 133].

Действительно, плеяда поэтов-футуристов начала XX века принадлежит к числу вторых «нарушителей языка» (по Е.А. Земской), для которых главное – стремление освежить русский язык, борьба за «самовитость» русского слова. Зачастую это стремление и приводило «будетлян» к разрушению устоев языка – языковых стереотипов.

Очевидно, что «стереотипизация лексического символа есть своеобразное производство типизированных потребностей на основе создания неких коннотативных, типизированных, эмоционально-оценочных представлений о предметах вообще» [Языковая норма, 1977, с. 46]. На процессы стереотипизации в языке накладывают отпечаток многие факторы как лингвистического, так и экстралингвистического плана. Следует признать, что очень многое, если не все, зависит от так называемых национально-культурных факторов, которые определяют форму и характер мотивации стереотипизации тех или иных языковых явлений [Языковое сознание, 1988, с. 101].

С одной стороны, содержание стереотипа отражает объективную социальную действительность, с другой – это содержание как бы преломляется в сознании субъектов, в их деятельности (в том числе и речевой), предполагающей субъективную, в той или иной степени типизированную систему внутренних и внешних связей, отношений, ассоциаций [Рыжков, 1982, с. 87]. Именно отсюда и возникает возможная полярность в восприятии (или в невосприятии) того или иного стереотипа той или иной социальной группой в определенных исторических обстоятельствах.

Одним из способов разрушения невоспринимаемых футуристами языковых стереотипов явилось «словотворчество» как реализация хлебниковской теории «самовитого слова».

Исходя из теоретических воззрений футуризма, впервые сформулированных в статье В.В. Хлебникова «Наша основа», словотворчество как таковое «есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка».

Заменяя в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую и, как путейцы, пролагаем пути сообщения в стране слов через хребты языкового молчания» [Хлебников, 1987, с. 624].

Поэт приоткрывает завесу тайны над новообразованиями своих друзей-футуристов: «Если мы имеем пару таких слов, как двор и твор, и знаем о слове дворяне, мы можем построить слово творяне – творцы жизни. Или, если мы знаем слово землероб, мы можем создать слово времяпахарь, времяроб, то есть назвать прямым словом людей, так же возделывающих свое время, как земледелец свою почву» [Хлебников, 1987, с. 626].

В общем, соотношение понятий «стереотип», «словарнозафиксированная лексема», «окказиональное слово», «потенциальное слово» можно представить следующим образом (см. Табл. 1):

Таблица 1.

Понятия	Языковой стереотип	Словарно-зафиксированная лексема	Окказионализм	Потенциальное слово
Признаки				
Схематичность	+			
Нормативность	+	+		
Реализованность	+	+	+	
Возможность	А	+	+	Б

Примечание: А – реальный путь возникновения языкового стереотипа; Б – возможный путь фиксации слова в языковом сознании.

Таким образом, проведенный анализ литературы по данной проблеме позволяет утверждать следующее.

Окказиональная лексика создается с учетом словообразовательных возможностей русского языка, при этом используются как продуктивные, так и непродуктивные способы деривации.

Рассмотрение многочисленных точек зрения, высказанных ранее исследователями, позволяет сделать вывод о неоднозначном понимании

явления окказиональности: не существует единого, унифицированного толкования данного понятия, не всегда последовательно проводятся терминологические границы между «неологизмами», «потенциальными» и «окказиональными словами», не всеми исследователями признаются специфические футуристические способы словообразования («скорнение», «поединок слов», «переогласовка» и т.д.).

Отсутствие единого понимания термина «окказиональное слово» вызывает необходимость определения собственной позиции по данному вопросу. Мы предлагаем следующую дефиницию: окказиональное слово – это лексическая единица, созданная автором художественного произведения как по продуктивным, так и по непродуктивным словообразовательным моделям, не зафиксированная в толковых словарях, но обладающая значением, складывающимся из значений составляющих его компонентов (производящих слов, словообразовательных морфем).

Окказиональные слова целесообразно разделить на две группы в зависимости от продуктивности-непродуктивности языковых средств, использованных при их образовании: на окказионализмы первого порядка, образованные по продуктивным моделям, и окказионализмы второго порядка, образованные по непродуктивным моделям.

Что касается окказионализмов второго порядка, то они могут быть разделены на две группы по выводимости-невыводимости лексического значения из семантики компонентов, составляющих слово: окказионализмы «ясной семантики» и окказионализмы «затемненной семантики». К первым будут относиться лексические единицы, образованные на базе несуществующих слов (с пропуском деривационного шага), квазификсальные лексические единицы, лексические единицы, образованные по способам, не характерным для современного русского словообразования. Вторые мы предлагаем разделить на звукоподражательные и словоуподобленные.

Отличительными чертами окказионализмов являются яркая образность, основанная на столкновении узуально несовместимых слов, невозпроизводимость вне определенного контекста, эмоционально-экспрессивная окрашенность, направленная на более точное отображение окружающей реальности.

1.4. ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Творчество любого автора, как уже отмечалось выше, обычно выступает и в форме словотворчества. У представителей классических литературных течений – в меньшей степени, у поэтов-футуристов начала XX века – в большей. Но поскольку, согласно теоретическим воззрениям футуризма, поэт претендует на создание нового слова, то любая неудача при этом становится заметней, тем более что она перечеркивает титаническое творческое усилие. «У такого «нововведения» в язык, – замечает В.П. Григорьев, – еще нет никакой внутренней формы, ее ничто не поддерживает в поэтическом языке» [Григорьев, 1979 б, с. 151].

Такая особенность окказиональной лексики диктует необходимость определения ее статуса в языке художественных произведений, поскольку авторские новообразования функционируют именно в литературных текстах.

Факторами, позволяющими включать окказионализмы в язык художественной литературы, можно считать общеэстетическую направленность на создание образности, эмоционально-экспрессивную окрашенность, опору на передачу общечеловеческих культурно-исторических ценностей.

Вместе с тем, окказиональная лексика характеризуется специфическими чертами, позволяющими определить их относительную самостоятельность. К ним можно отнести следующие: обязательное наличие автора; незакрепленность в словарях, в результате чего они получают возможность более свободного истолкования; особую выразительность, благодаря выделению в обозначаемых явлениях, предметах, процессах ранее не отмеченных сторон, связей и отношений; обращенность прежде всего к авторскому осмыслению окружающей действительности.

«Новая единица» оказывается чрезвычайно хрупкой, поскольку не закреплена языковой традицией. В связи с этим она находится в двойственном положении, так как с одной стороны опирается на существующие ассоциативные связи, а с другой – не всегда может быть воспринята вне контекста, что обусловлено направленностью данной лексической единицы на обозначение уникального явления или иного ракурса авторского мировосприятия. Поэтому очень важно зафиксировать сам момент создания нового слова, так как в процессе «словосоздания» для автора ценен весь поэтический язык в целом, во всем богатстве его функций, средств и возможностей.

Если языковой коллектив осуществляет функцию словотворчества (как в фольклорной, так и в повседневной речевой деятельности), используя для этого все возможности, заложенные в языке, то было бы удиви-

тельно, если бы поэтическое творчество вдруг начало ограничивать себя в этом отношении, другое дело, что автор-словотворец нарочито стремится к оппозиционности поэтического слова кодифицированным лексическим единицам. Это достигается противопоставлениями и формальными, и семантическими (необычностью звучания слова при сохранении его значения и семантическими преобразованиями внутри существующей лексемы). Художник слова воспринимает мир по-своему и свое видение окружающей реальности стремится выразить более точно, емко, ярко, что не всегда возможно осуществить современными ему языковыми средствами. Поэт, являясь подлинным, настоящим творцом, не ведает границ в словотворчестве. «Достаточно многочисленные же неудачи и весьма двусмысленный статус «окказиональных слов» для большинства удачных новообразований – это естественная плата за стремление авторов ввести в язык новое слово, новую экспресему» [Арутюнова, 1987, с. 152].

Размытость стилистических границ, отсутствие строгой стилистической дифференциации (особенно на уровне словообразования), уникальность лексем делают затруднительным четкое разграничение продуктивных и непродуктивных способов деривации потенциальных и окказиональных слов [Габинская, 1985, с. 34], это проявляется не только в разговорной речи, имеющей свои специфические черты, но и в художественных текстах.

В связи с возросшим влиянием отдельных творческих личностей (или речевой манеры отдельной личности) в наше время на широкие слои носителей языка при помощи средств массовой коммуникации четкое разграничение нормативности – ненормативности, употребительности – неупотребительности, характерное для прошедшего этапа развития русского языка, смещаются от центра к периферии и наоборот. Это связано и с такими характеристиками окказиональных образований, как индивидуальная принадлежность и функциональная одноразовость [Елисеева, 1984, с. 17]. «Окказиональное слово подобно любой ранее усвоенной лексической единице может в любой момент быть использованным носителем языка в речи» [Изотов, Панюшкин, 1997, с. 7].

Следует отметить, что в работах подавляющего большинства ученых существование такого явления, как окказиональность, признается фактом, заслуживающим пристального внимания лингвистической науки, но двусмысленность статуса «окказионализмов» порождает определенную неоднозначность оценок исследователей. Не все специалисты согласны со значимостью окказиональной лексики для создания идиостиля поэта, считая ее излишней, засоряющей литературный язык. Так, Ф.П. Фомин в своей статье «Язык художественной литературы и читатель» пишет: «Уста-

новка на индивидуальное словотворчество как на главный арсенал художественной литературы мало что дает взыскательному читателю, а к литературному языку ничего не прибавит, так как продукты такой установки не выйдут за пределы индивидуального текста. Незачем ломать русский литературный язык: он настолько необъятно богат, что в нем может воплотиться любое художественное творчество, любая индивидуальность» [Фомин, 1977, с. 31].

Полностью согласившись с последней частью высказывания названного исследователя о несомненном богатстве русского языка, считаем необходимым высказать некоторые сомнения в отношении всей мысли в целом.

Во-первых, словотворчество все же, как нам кажется, нельзя оценивать как «главный арсенал» даже для тех же «будетлян», т.к. большинство авторов вообще не использует по тем или иным причинам словотворчество, довольствуясь имеющимися в языке средствами. В. Хлебников, В. Каменский, А. Крученых и их последователи-футуристы отстаивали лишь значимость так называемого «самовитого слова», боролись за право поэта на «слово-новшество» (термин А. Крученых).

Во-вторых, именно «взыскательному» читателю индивидуальное словотворчество и открывает глаза на новые стороны звучания и значения слов, так как именно на него («взыскательного читателя»), а не на «безликое общество приобретателей» [Дуганов, 1985, с. 136] рассчитаны авторские нововведения в язык художественных произведений.

И, наконец, в-третьих, такие окказионализмы, как «чингизхань» и «достоевскиймо» В. Хлебникова, «сливеют» В. Маяковского, «встречаль» В. Каменского, «самосожженствуй» Е. Евтушенко, «леонардоввинчиваясь» Л. Мартынова, по-разному проецируясь на нормы литературного языка, как раз и «утверждают их (нормы) как общий фон, сами же они функционируют в несколько ином пространстве художественных текстов» [Григорьев, 1983, с. 91].

Интерес же «взыскательного читателя» к творчеству (и, особенно, к словотворчеству) русских футуристов начала XX века в настоящее время обусловлен еще и тем, может быть, что все они: Хлебников, Каменский, Ивнев, Петников, Крученых – были предтечей типа художника-ученого, совмещившего в себе дарование филолога и математика [Намиитокова, 1988, с. 42] (в качестве примера – см. статью В.В. Хлебникова «Закон поколений» [Хлебников, 1987, сс. 648-652] и другие теоретико-философские трактаты футуризма), и одинаково преуспевали и в той, и в другой областях.

В.О. Перцов пишет о Велимире Хлебникове (при этом, конечно, имея в виду его главенствующую роль как теоретика футуризма):

«Понять и осмыслить, как из хаоса рождалась классика, как нарастал гражданский пафос хлебниковского новаторства, необходимо и для читателя, и для развития нашей поэзии.

И вот что необходимо: новое издание лучших работ Хлебникова – поэтических, лингвистических, историко-математических – для самого широкого читателя, с хорошим критическим комментарием и с оценкой значения его гипотез с современных позиций. Ничто доброе в истории нашей поэзии не должно быть потеряно для будущего» [Перцов, 1977, с. 177]. Подобные слова можно отнести и к творчеству любого поэта-футуриста.

Таким образом, определяя место и значение окказиональной лексики в системе языка художественных произведений, отметим общие и специфические черты, с одной стороны, не позволяющие выводить их за пределы литературного языка, а с другой стороны – определяющие их особое положение в этой системе. Поскольку художественные произведения в качестве одной из основных своих целей ставят эстетическое воздействие на читателя, окказионализмы оказываются средством усиления подобного воздействия. Этому способствует ненормативность, каузуальность авторских новообразований, в результате чего появляется возможность «более свежего» взгляда на привычные вещи.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Анализ основных понятий, лежащих в основе данной проблемы, позволяет сделать следующие выводы.

1. Окказионализмы являются составным компонентом словотворческой практики поэтов-футуристов начала XX века, обладающим наряду со специфическими чертами признаками узуального слова. Поскольку язык представляет собой прежде всего совокупность средств выражения (в том числе и индивидуально-авторские новообразования), с помощью которых осуществляется его коммуникативная и эстетическая функции, его можно представить как сочетание комбинаторных закономерностей и схем, т.е. систему стереотипов, которые играют важную роль в организации различных форм общественного сознания (философии, религии, художественной эстетики).

2. Языковым стереотипом как основой мировосприятия мы предлагаем считать схематизированное и закрепленное в языковом сознании данного языкового коллектива представление о правилах создания и употребления лингвистических единиц. Именно на их базе происходит адекватное восприятие художественного произведения. Новое литературное течение, организационно оформившееся в начале XX века, ставило одной из своих целей критическое осмысление предшествующего культурно-исторического опыта с целью создания «мифологии культуры» нового времени с ориентацией на материальные ценности технократической цивилизации. Основой эстетической концепции футуризма являлась декларлируемая позитивная направленность на разрушение сложившихся в современном ему общественном сознании. При этом речь шла о «новом видении» мира, не столько в созерцательном, сколько в созидательном плане, что отчасти воплощалось в создании новых слов.

3. Окказиональная лексика создается с учетом словообразовательных возможностей русского языка, при этом используются как продуктивные, так и непродуктивные способы деривации, как реально существующие аффиксы, так и квазификсы (уникальные морфемы).

4. Явление окказиональности неоднозначно понимается в лингвистической литературе: не существует единого, унифицированного толкования данного понятия, не всегда последовательно проводятся терминологические границы между «неологизмами», «потенциальными» и «окказиональными словами», не всеми исследователями признаются специфические футуристические способы словообразования («скорнение», «поединок слов», «переогласовка» и т.д.).

5. Отсутствие единого определения термина «окказиональное слово» вызывает необходимость дать следующую дефиницию: окказиональное слово – это лексическая единица, созданная автором художественного произведения как по продуктивным, так и по непродуктивным словообразовательным моделям, не зафиксированная в толковых словарях, но обладающая значением, складывающимся из значений составляющих его компонентов (производящих слов, словообразовательных морфем).

6. Окказиональные слова целесообразно разделить на две группы в зависимости от продуктивности-непродуктивности языковых средств, использованных при их образовании, на окказионализмы первого порядка, образованные по продуктивным моделям, и окказионализмы второго порядка, образованные по непродуктивным моделям.

7. Окказионализмы второго порядка могут быть разделены на две группы по выводимости-невыводимости лексического значения из семан-

тики компонентов, составляющих слово: окказионализмы «ясной семантики» и окказионализмы «затемненной семантики». К первым будут относиться лексические единицы, образованные на базе несуществующих слов (с пропуском деривационного шага), квазификсальные лексические единицы, лексические единицы, образованные по способам, не характерным для современного русского словообразования. Вторые мы предлагаем разделить на звукоподражательные и словоуподобленные.

8. Отличительными чертами окказионализмов являются яркая образность, основанная на столкновении узуально несовместимых слов, невоспроизводимость вне определенного контекста, эмоционально-экспрессивная окрашенность, направленная на более точное отображение окружающей реальности.

9. Место и значение окказиональной лексики в системе языка художественных произведений определяется наличием общих и специфических черт, с одной стороны, не позволяющих выводить их за пределы литературного языка, а с другой стороны – определяющих их особое положение в этой системе. Поскольку художественные произведения в качестве одной из основных своих целей ставят эстетическое воздействие на читателя, окказионализмы оказываются средством усиления подобного воздействия. Этому способствует ненормативность, каузальность авторских новообразований, в результате чего появляется возможность «более свежего» взгляда на привычные вещи. Футуристическая словотворческая практика как раз и предполагает иной подход, иное видение мира.

ГЛАВА 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1. ИСТОКИ И СВОЕОБРАЗИЕ ФУТУРИСТИЧЕСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Футуристическое наследие в настоящее время изучают не только филологи-литературоведы и лингвисты, но и математики, биологи, философы, историки: оказывается, идеи и прозрения В. Хлебникова, А. Крученых и других футуристов не только актуальны сегодня, созвучны нашей эпохе, но и, может быть, опережают время.

В 1910г. вышел в свет поэтический сборник «Садок судей», ставший символом рождения российского футуризма. В. Каменский, В. Хлебников, Д. Бурлюк, Е. Гуро – таков состав его авторов [Степанов, 1975, с. 17]. Это был первый шаг к формированию нового литературного направления начала XX века.

В декабре 1912г. появился знаменитый манифест российского футуризма «Пощечина общественному вкусу», подписанный Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым, главным постулатом которого явилось провозглашение так называемого «самоценного (самовитого) слова».

Можно констатировать, что именно работа над преобразованием слова и явилась той теоретической базой, на которой утвердился российский футуризм. Особенности национального характера, русское лицо движения [Степанов, 1975, с. 23] противопоставили российский футуризм аналогичным направлениям в литературе западноевропейских стран, ориентированным на полный отказ от исторических корней.

Стремление футуристов к единению с природой, своеобразная идеализация языческой Руси и всего славянского вообще – достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что само слово «футуризм (футуристы)» теоретики течения заменяют новым термином – «будетлянство (будетляне)» – загадочным образом сочетались в футуристической словообразовательной практике с неприятием всего «старого», отжившего свой век по мнению поэтов-футуристов.

Своеобразие футуристической поэзии в том и состоит, что мифологические представления о мире, об отдаленном прошлом русского народа органично сливаются в футуристической практике с видением технократической реальности в «мифологию нового времени». В своеобразной «первобытной цельности человека» [Степанов, 1975, с. 42] выделялся В. Хлебников, В. Каменскому и другим футуристам выход из противоречий окружающей их действительности.

Для первобытного сознания «мифология представляет и науку, и историю, и религию, и поэзию» [Степанов, 1975, с. 43], что, видимо, и явилось отправным моментом для футуризма.

В слиянии поэтических и познавательных начал видят «будетляне» возможность восстановления необходимого, по их мнению, «мифологического восприятия мира» [Гарбуз, Зарецкий, 1991, с. 85]. Но совершенно очевидно, что поэтическое сознание футуристов не только и не столько обращается к воспроизведению «старых мифов» (это было характерно, скорее, для символистов, воссоздававших, перелавших мифы античности, вспомним для примера хотя бы В. Брюсова с его классическим «Ассаргадоном»), сколько создает «мифы новые», основанные на кровавых событиях глобального характера. Футуристы пользуются мифологической моделью мира, перенося ее на современность. Так, в стихотворениях классика футуризма В. Хлебникова слышатся дальние отзвуки древнейших языческих заклинаний:

«Тебе поем родун!

Тебе поем бывун!

Тебе поем радун!

Тебе поем ведун!» [Хлебников, 1989, с. 271]

«Атмосфера язычества возникает из «зазови водностных тайн», из «пламеней леунности влас». Из этого языческого сознания появляются «водняги», «белостыни снежных птиц», «любиков смеяние в вместилищах воды» и «навигов скакание в грустилицах зари» [Степанов, 1975, с. 47].

Для поэтов-футуристов, впрочем, обращение к язычеству и славянству – еще и средство протеста против разброда и мельчания общества. Мир языческой Руси с ее верой в демоническое, в силы природы, с одной стороны, отвергается футуризмом, а с другой – именно в нем находят Хлебников, Каменский, Большаков идеал целостности, красоты, героики, мистического волшебства. Для них (футуристов) «мир, где человек и природа слагаются в единое целое, время, когда рождаются мифы <...>, органично связаны с современностью, со временем, в котором рождаются мифы новые» [Степанов, 1975, с. 53].

Футуристическая практика стихосложения и словотворчества открыли в поэтическом языке те возможности, которые в дальнейшем вошли неотъемлемой частью в русскую словесность. Как в свое время отметил О.Э. Мандельштам, поэт, во многом далекий от футуризма: «Хлебников возится со словами, как крот, он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...» [Мандельштам, 1987, с. 33].

Утверждая в своем творчестве право на эксперимент, теоретики футуризма В. Хлебников и А. Крученых выходят на опыты по «разложению» слова. Причем слово поэтическое (в отличие от бытовизмов) воспринимается футуристами как способ построения мифологического сознания.

В. Хлебников через принцип «самовитого слова» таким образом выходит на мифологические корни языка в теоретической статье «Наша основа» (май 1919г.):

«Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли.

Самовитое слово отрешается от признаков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. Так слово «зирь» значит и звезды и глаз; слово «зень» – и глаз и землю. Но что общего между глазом и землей? Значит, это слово означает не человеческий глаз, не землю, населенную человеком, а что-то третье. И это третье потонуло в бытовом значении слова, одном из возможных, но самом близком к человеку» [Хлебников, 1987, с. 624].

Действительно, разрушение привычных языковых стереотипов зачастую приводило поэтов-футуристов на край, на грань смысла [Костецкий, 1975, с. 33]. Однако перед футуризмом никогда не стояла задача создания нового слова, новой формы только ради самой формы. В поиске новых для поэта и поэзии форм словесного выражения видится нам стремление футуристов обнаружить тайные, сокровенные закономерности в процессе речи.

«Штукарство мало интересовало Хлебникова, никогда не делавшего вещей ни для хвастовства, ни для сбыта», – пишет В. Маяковский [Маяковский, 1988, с. 632]. Очевидно, что стремлением к «штукарству» меньше всего можно объяснить стремление футуристов к словотворчеству.

Вообще же в футуристическом подходе к слову можно выделить несколько основных аспектов:

1) во-первых, это непосредственное обращение к корню слова как носителю ядра лексического значения и базе деривации и образование но-

вых слов, зачастую напоминающих древнеславянскую речь, при помощи различных префиксов и суффиксов (в том числе – квазификсов);

2) во-вторых, так называемая «звукопись», в большей степени характерная для словоновшеств теоретиков футуризма – В. Хлебникова и А. Крученых, в которой слова подбирались по некоей своей эмоционально-звуковой выразительности. По мнению Н.Л. Степанова, это «приводило Велимира Хлебникова к «зауми», то есть к отказу от предметного смысла речи, к превращению ее в чисто звуковой ряд» [Степанов, 1975, с. 127] (нам, впрочем, кажется, что здесь ученый несколько категоричен в своих оценках, так как в практике футуристического словотворчества любой звуковой ряд имеет то или иное семантическое содержание, пусть не являющееся полноценным лексическим значением, но указывающее на возможную предметную область);

3) в-третьих, попытка создания языка, названного В. Хлебниковым «звездным» или «мировым» (так называемая «азбука ума» – подробнее – см. статью «Опыт лингвистического толкования окказионализмов поэтического языка В. Хлебникова» [Масленников, 1996]), своеобразного «наднационального» иероглифического языка понятий.

Футуристическое словообразование не ограничивается «корнесловием», то есть «оживлением «внутренней формы» слова в результате разложения его на составные части» [Степанов, 1975, с. 134]. Поэты-футуристы обращаются и к звуковой оболочке слова, к фонетической выразительности. Это и приводит к созданию знаменитой «зауми», «которая при отказе от значения и при переходе только на звучание рождает «звездный язык» [Степанов, 1975, с. 136].

Опыты экспериментирования над словом свидетельствуют, по нашему мнению, о стремлении авторов выйти за пределы «бытового языка» [Хлебников, 1987, с. 624], найти первооснову всех понятий в самой структуре русского слова.

Приписывая звуку постоянное (зачастую – лишь желаемое) устойчивое значение, раскрывающее древнейший мифологический смысл [Дудин, 1985, с. 51], футуристы тем не менее полностью не добились своего. Образцы «чистого» звучания не всегда выводят на предметное осмысление звуков – конечную цель словоразложения. Экспериментируя с «заумью», и Хлебников, и Крученых, и другие авторы, вынуждены были постоянно прибегать к своего рода расшифровкам, комментариям «звукописи»:

«Вэо-вея – зелень дерева,
Нижеоты – темный ствол,

Мам-эами – это небо,
Пучь и чапи – Черный грач.

Мам и эмо – это облако...» [Хлебников, 1987, с. 488].

Необходимость постоянных разъяснений лишней раз подчеркивает недостаточность «заумного языка» для восприятия футуристического произведения обыкновенным человеком. Поэтому для футуристов «заумные стихи» – это, прежде всего, языковой эксперимент, а уже потом – объект эстетического наслаждения.

Необычность художественной манеры письма, яркость образов, притягательность синтаксического и ритмического строя стиха, творческая оригинальность и самобытность, чрезвычайное стремление к свободе (как к свободе личной, так и к свободе творчества и словоторчества) – вот главные черты, отличительные свойства футуристической поэзии. Поэт-футурист не должен раскрывать своего внутреннего мира, своих переживаний, они всегда остаются загадкой, недосказанностью.

Можно сказать, что футуристическая поэзия вообще тяготеет к эпосу: стихотворения В. Хлебникова, В. Каменского, К. Большакова, Н. Асеева кажутся лишь фрагментами эпохального незавершенного эпического полотна. Говоря о творчестве В. Хлебникова, В. Маяковский признается:

«Законченность его напечатанных вещей – фикция. Видимость законченности – чаще всего дело рук его друзей.

Мы выбирали из вороха бросаемых им черновиков кажущиеся нам наиболее ценными и сдавали в печать. Нередко хвост одного наброска приклеивался к посторонней голове, вызывая веселое недоумение Хлебникова.

К корректуре его нельзя было подпускать, – он перечеркивал все, целиком, давая новый текст» [Маяковский, 1987, с. 630].

Логика стихов Велимира Хлебникова и других поэтов-футуристов далека от общепринятой, так как она основана на связи явлений, которые не осознаются как явления одного порядка, поскольку они, как правило, не связаны традиционной причинной связью. В этом и состоит основная трудность в понимании и восприятии футуристических текстов.

Логические, смысловые связи, мотивация в построении фраз у Крученых, Каменского, Хлебникова зачастую заменяются звуковыми, фонетическими переключками («звукописью»).

Чувство постоянной связи с миром, всеохватность поэтического сознания, единение человека и природы как высшая цель и высшее благо

для всех, обостренное восприятие всего «космического» как собственного «Я» – это и есть мистическое очарование футуристической поэтики.

Однако, несмотря на появление в последние десятилетия ряда фундаментальных исследований, творчество (и словотворчество) футуристов в целом (за исключением, пожалуй, творчества признанных мэтров футуризма – В. Хлебникова и В. Маяковского), на наш взгляд, все-таки еще недостаточно изучено, особенно с лингвистической, а не литературоведческой точки зрения. Наша работа, таким образом, является попыткой компенсировать в известной мере эту недостаточность.

В работе выбраны три основных направления для исследования окказиональной лексики российского футуризма начала XX века:

а) характеристика футуристических новообразований с деривационной точки зрения;

б) семантический анализ ряда окказионализмов А. Крученых и В. Каменского;

в) изучение особенностей стилистического функционирования окказиональной лексики в творчестве поэтов-футуристов начала XX века.

Следует оговориться, что если для деривационного исследования нами был использован весь фактический материал, то при семантическом и стилистическом анализе мы опирались в основном только на «словоновы» А. Крученых и В. Каменского как на самые многочисленные в представленном материале, поскольку достаточно полное и объективное исследование всего фактического материала с данных позиций, ввиду его объема и семантической разнородности, представляется нам в рамках этой работы невозможным. Нам кажется, что окказионализмы, подвергнутые семантико-стилистическому анализу, семантически и словообразовательно тесно связаны между собой и отражают общие тенденции в футуристическом поэтическом словоновшестве.

Подводя предварительные итоги, отметим, что до последнего времени окказионализмы футуристов не были объектом специального исследования лингвистической науки. Существующие работы касались прежде всего литературоведческого аспекта, но уже в них представлена точка зрения, что российский футуризм существенно отличается от своих аналогов в западноевропейских странах. В качестве общего момента мирового футуристического процесса можно отметить декларативный отказ от историко-культурных корней и неприятие традиционного искусства. Однако в России подобный подход претерпел существенные изменения: внешнее отрицание включает в себе в то же время опору на славянство, что проявляется в особом отношении поэтов-футуристов к слову. Одно из проявле-

ний этого – право на эксперимент через реализацию принципа «самовитого слова». Осуществить это позволило футуристам непосредственное обращение к корню и создание новообразований, напоминавших древнеславянскую речь; «звукопись», которая, однако, не становилась самостоятельным средством выражения мысли, а поэтому требовала дополнительного комментирования; работа над языком иероглифических понятий («азбука ума»).

2.2. ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В процессе работы над футуристическими стихотворными сборниками нами было выявлено около тысячи окказиональных слов разных авторов, основную массу которых составляют окказионализмы-существительные (около четырехсот). На втором месте по числу обнаруженных нами окказионализмов – имена прилагательные (более двухсот). На третьем – глаголы и глагольные образования (немногим более ста: из них причастий – семь, деепричастий – три). Было также обнаружено сравнительно небольшое число (тридцать четыре) наречий и одно междометие.

Словоновшества футуристов – особый мир языка, мир со своим нетрадиционным пространственно-временным измерением, со своей особой логикой построения.

Проблема их возникновения, деривационный аспект поэтического словотворчества «будетлян» в последние десятилетия стали предметом научных интересов лингвистов. Этому вопросу посвящены работы О.И. Александровой [Александрова, 1973; 1978; 1979; 1980], В.П. Григорьева [Григорьев, 1976; 1979 а; 1979 б; 1982; 1983; 1985 а; 1985 б; 1986; 1987], других авторов.

В своем словотворчестве поэты-футуристы, естественно, пользуются всеми существующими в языке способами словообразования. Однако для создания новой экспрессы футуристическая практика словотворчества предусматривает и особые способы деривации, играющие большую роль в образовании поэтических окказионализмов.

Приведем в связи с этим лишь ряд замечаний, сделанных по этому поводу В.П. Григорьевым в книге «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта»:

«1. Именно со «словотворчеством» связаны <...> «поединок слов», за которым скрывается, по-видимому, особый и неединообразный способ

словосложения, пока не упоминавшийся в литературе о поэте (сонзори, мразнеги, тучлана, спорвер и пр.), и «сопряжение корней».

2. У Хлебникова – в духе времени – немало аббревиатур и сложносокращенных слов, не только общераспространенных (РКП, Чека, военмор) или переосмысленных («главлес»), но и оригинальных (главздравсмысел, нырлетскач, советпослы, ходнырлет).

3. Большую трудность соотнесения с материалом представляют «вывихи слова».

«Вывихи слова» – это, все же, скорее, те многочисленные у позднего Хлебникова окказионализмы, которые получили в литературе названия «релятивных»: ончина (кончина), отобняк (особняк) и подобные.

Возможно, что сюда относится и более значительное множество окказионализмов типа вервонцы (червонцы), весничий (лесничий) и тому подобные, изобилующие в статье «Наша основа» и в «Зангези» (могатство могачей и прочие)...» [Григорьев, 1986, с. 32].

Все эти замечания В.П. Григорьева вполне можно отнести и к общим тенденциям поэтического словотворчества футуристов в целом.

Следует также отметить, что в рамках многоаспектного явления, названного теоретиком футуризма В. Хлебниковым «звездным языком» [Хлебников, 1987, с. 480], существует так называемый «способ «разложения слова», который противопоставляется другому «собственно-футуристическому способу словообразования – «скорнению согласных» (Так, слово «Пресня» Хлебников «разлагает» на «Эр и песня»)» [Григорьев, 1986, с. 33].

Поскольку в нашем материале наиболее широко представлены окказиональные существительные (около четырехсот слов), то основной упор будет сделан на деривационный анализ имен существительных (следует также отметить, что большинство из них дают новое, футуристическое, «будетлянское» определение каким-либо состояниям и явлениям природы и направлены на то, чтобы показать единение природы и человека, исходя из концепции футуризма, имеющей свои корни в «мифологичности сознания поэта» [Гарбуз, Зарецкий, 1991, с. 74]).

Как показывают наши наблюдения, наиболее продуктивным способом словообразования в области имен существительных у поэтов-футуристов выступает суффиксация (около 50% примеров).

В ходе работы были выделены следующие продуктивные и непродуктивные в современном русском языке суффиксы, а также квазификсы (то есть суффиксы, не характерные для современного русского словообразования и встречающиеся только в словотворчестве поэтов-футуристов на-

чала XX века); предполагаемые значения слов здесь не рассматриваются (см. Приложение 1):

- айк: колыбайка [Каменский 1918: 57], провожайка [Каменский 1918: 10];
- ак: зудак [Крученых 1915 а: 4];
- ан: летан [Каменский 1918: 43], углан [Каменский 1918: 92];
- арь: зударь [Крученых 1915 а: 3], речарь [Асеев 1915: 24];
- ахарь: зудахарь [Крученых 1915 а: 3];
- еёк: журчеёк [Каменский 1918: 484];
- ёныш: зудёныш [Крученых 1915 а: 4];
- ёжк: зудёжка [Крученых 1915 а: 4];
- ей: гудей [Футуристы 1914: 21], журчей [Футуристы 1914: 73], злей [Крученых 1915 а: 4];
- ел: парусел [Асеев 1915: 19];
- ель: рождествель [Каменский 1918: 3];
- ениј: зудесение [Крученых 1915 а: 3];
- ень: брежжень [Асеев 1915: 29], ярчень [Каменский 1918: 146];
- ес: дееса [Крученых 1915 а: 3], живеса [Крученых 1915 а: 3], зудеса [Крученых 1915 а: 3], милеса [Крученых 1915 а: 3];
- ец: зудивец [Крученых 1915 а: 3], зудилец [Крученых 1915 а: 3];
- иј: Кавказия [Каменский 1918: 134], любилия [Каменский 1918: 49], поэмия ([Каменский 1918: 36];
- ийц: зудийца [Крученых 1915 а: 3];
- ик: беловатик [Гуро 1914: 121], водик [Гуро 1914: 48], дуратик [Гуро 1914: 121], зудесик [Крученых 1915 а: 4], зудик [Крученых 1915 а: 4];
- ил: гудило [Каменский 1911: 81], зудила [Крученых 1915 а: 3], зудило [Крученых 1915 а: 3];
- иниј: грустиния [Каменский 1918: 43];
- инк: богатинка [Гуро 1909: 124], водинка [Каменский 1911: 88], лесинка [Каменский 1918: 85], цветинка [Каменский 1918: 85];
- иц: песница [Каменский 1918: 129];
- ич (-ичь): зудич [Крученых 1915 а: 4], везичь [Асеев 1915: 11];
- их: зудариха [Крученых 1915 а: 4];
- к: зударка [Крученых 1915 а: 4];
- лк: звенчалка [Футуристы 1914: 74];
- ль: гремль [Асеев 1914: 8], любиль [Каменский 1918: 50], чурль [Каменский 1918: 49];

-мк: зюзюмка [*Крученых 1915 а: 4*];

-ниј: крылование [*Каменский 1918: 43*], утрование [*Каменский 1918: 19*];

-ник: зудесник [*Крученых 1915 а: 4*], зудильник [*Крученых 1915 а: 4*];

-ниц: вдовница [*Каменский 1918: 73*], венчальница [*Каменский 1918: 93*], вестинница [*Каменский 1918: 58*], грустинница [*Каменский 1918: 14*];

-ность: ветвинность [*Каменский 1918: 58*], лебединность [*Каменский 1918: 71*];

-няк: грустняк [*Футуристы 1914: 74*];

-обырь: лозобырь [*Асеев 1914: 6*];

-овь: быстровье [*Асеев 1915: 17*], железовье [*Асеев 1914: 3*];

-ок: зудок [*Крученых 1915 а: 3*];

-онок (-ёнок): дружонок [*Каменский 1918: 134*], снежонок [*Каменский 1918: 137*], зудёнок [*Крученых 1915 а: 4*], татарёнок [*Каменский 1918: 89*], цветёнок [*Каменский 1918: 137*];

-ончик: пушончик [*Гуро 1914: 121*];

-ость: венчальность [*Каменский 1918: 131*];

-тель: зудитель [*Крученых 1915 а: 3*], летатель [*Гуро 1914: 15*], пьянитель [*Бурлюк 1914: 61*], создатель [*Гуро 1914: 15*];

-ть: быть [*Асеев 1915: 14*];

-ув: грозува [*Асеев 1915: 11*];

-унј: зовунья [*Каменский 1918: 49*], кликунья [*Каменский 1918: 49*];

-уратик: кошуратик [*Гуро 1914: 121*];

-уш: девчонуша [*Каменский 1918: 59*];

-чик: зудавчик [*Крученых 1915 а: 4*], зудимчик [*Крученых 1915 а: 4*], зудунчик [*Крученых 1915 а: 4*];

-щик: пролетарщик [*Каменский 1918: 132*];

-ын: зударыня [*Крученых 1915 а: 3*];

-ыш: задыш [*Крученых 1915 а: 4*];

-юг: дремлюга [*Асеев 1915: 11*];

-юн (-ун): горюн [*Асеев 1915: 18*], зовун [*Каменский 1918: 49*], зудун [*Крученых 1915 а: 4*];

-янк (-иянк, -ниянк): веснеянка [*Каменский 1918: 1*], лесняянка [*Каменский 1918: 3*], милянка [*Каменский 1911: 76*], песнянка [*Футуристы 1914: 74*];

-∅: быстрь [*Асеев 1916 б: 9*]), везь ([*Асеев 1915: 11*], волнь [*Асеев 1915: 20*], зор [*Асеев 1914: 1*], клонь [*Асеев 1915: 12*].

Таким образом, наиболее продуктивными суффиксами в словотворческой практике поэтов футуристов следует признать следующие:

- 1) -аль- (восемнадцать новообразований);
- 2) -ель- (-иль-, -ль-) (тринадцать новообразований);
- 3) -ик- (одиннадцать новообразований);
- 4) -ин- (десять новообразований).

Достаточно большое число окказионализмов-существительных (от пяти до десяти новообразований) образовано при помощи суффиксов -иј, -ил, -инк, -ниц, -ность, -овј, -онок (-ёнок), -тель, -чик (-щик), -янк (-иянк, -ниянк).

Остальные суффиксы и квазификсы, представленные в фактическом материале, малопродуктивны.

При помощи суффиксации образованы также некоторые окказиональные имена прилагательные, глаголы и наречия. Наиболее продуктивными в футуристической практике суффиксами для образования данных частей речи следует признать следующие:

1) для образования окказиональных имен прилагательных (около пятидесяти новообразований):

а) -н-: зойный [Крученных 1915 а: 4], майный [Каменский 1918: 32], поцелуйный [Каменский 1918: 141] – четырнадцать слов;

б) -ист-: корнистый [Каменский 1918: 84], огнистый [Большаков 1911: 23] – шесть слов;

в) -ев- (-ов-): дневий [Асеев 1915: 11], долиновый [Каменский 1918: 130], небовый [Каменский 1918: 24] – пять слов (случаи использования других суффиксов для образования окказиональных имен прилагательных (например, -ат- (врематый [Асеев 1914: 6]), -к- (леткий [Каменский 1918: 32]), -л- (сверкалый [Асеев 1915: 19]), -чив- (поимчивый [Асеев 1915: 12]) единичны);

2) для образования окказиональных глаголов (всего двадцать четыре новообразования):

а) -и(ть): бритвить [Футуристы 1914: 15], взорить [Большаков 1916 б: 18], свирелить [Каменский 1918: 55] – двенадцать слов;

б) -е(ть): желудеть [Бурлюк 1914: 63], инеть [Каменский 1918: 63], ночень [Футуристы 1914: 21] – шесть слов;

в) -а(ть): ближать [Асеев 1914: 4], звукать [Футуристы 1914: 22], тряскасть [Футуристы 1914: 22] – три слова (также имеет место использование для образования окказиональных глаголов суффикса -ова (-ева) (например, крыловать [Каменский 1918: 143], ножеветь [Ивнев 1916: 12]);

3) для образования окказиональных наречий (пятнадцать новообразований) поэты-футуристы используют продуктивный суффикс -о, при этом практически во всех случаях данные наречия образуются от несуществующих прилагательных, включающих непродуктивные суффиксы и квазификсы (т.о. происходит пропуск деривационного шага: например, летать → несуществ. *летайный* → летайно [Асеев 1916 а: 43]; блеск → несуществ. *блеский* → блеско [Гуро 1914: 63]; крыло → несуществ. *крылистый* → крылисто [Каменский 1918: 43] и т.д.).

Вторым по количеству исследуемых нами окказиональных имен существительных является способ сложения (сто четырнадцать новообразований):

1) наиболее часто футуристами используется способ сложения корней (девятьюсто четыре слова):

а) на основе сочинительных сочетаний образованы такие окказиональные имена существительные, как: береговечер [Каменский 1918: 65], боргора [Каменский 1918: 79], небозеромут [Каменский 1918: 13] (в последнем случае В. Каменский использовал три производящих корня) и др. (двадцать семь слов);

б) на основе подчинительных сочетаний образованы такие окказиональные имена существительные, как: аэромечта [Большаков 1916 б: 20], громопал [Асеев 1914: 3], стихопис [Каменский 1911: 14] и др. (шестьдесят семь слов);

2) по способу сложения основ произведены окказиональные имена существительные моресвинка [Каменский 1918: 48], небозём [Асеев 1915: 18], шаро-правительство [Каменский 1918: 86] и др. (семнадцать слов);

3) количество окказиональных имен существительных, образованных способом сложения слов, незначительно (три): воркотик [Гуро 1914: 121], золото-россыпь [Каменский 1918: 47], краски-звуки [Большаков 1911: 13].

Следует отметить, что сложение слов нехарактерно для футуристического словотворчества: так, кроме вышеперечисленных окказионализмов-существительных, в анализируемых текстах обнаружено два окказиональных прилагательных (двухсердешный [Каменский 1918: 41] и триневластный [Асеев 1915: 11]) и одно наречие (глупо-вяло [Каменский 1918: 78]).

В поэтических сборниках начала XX века кроме окказиональных имен существительных нами обнаружено семь глаголов и глагольных форм (причастий и деепричастий) (винопьющий [Футуристы 1914: 21],

головокружиться (головокружась – деепричастие) [*Большаков 1916 б: 2*], звездойть [*Каменский 1918: 19*], [*Каменский 1918: 19*], солнцеалеющий [*Футуристы 1914: 71*], солнцегреться [*Каменский 1918: 79*], топокопытить [*Футуристы 1914: 20*]), шесть наречий (безоблачно-небесно [*Каменский 1918: 38*], голосисто-нежно [*Каменский 1911: 81*], мальчишески-задорно [*Каменский 1911: 120*], молочно-нежно [*Гуро 1914: 79*], пестро-цветно [*Каменский 1911: 110*], четко-хрустально [*Большаков 1916 б: 12*]) и около ста пятидесяти имен прилагательных (например, ветвино-стройно-гибкий [*Каменский 1918: 24*], восторженногордый [*Большаков 1911: 14*], всемогуще-громкий [*Большаков 1911: 12*] и др.).

Среди окказиональных имен прилагательных, образованных путем сложения, целесообразно выделить следующие семантические группы:

1) оригинальные окказиональные цветообозначения: бриллиантово-черный [*Каменский 1918: 13*], возбужденно-белый [*Гуро 1909: 29*], глубоко-синий [*Футуристы 1914: 74*], голубовато-глуповатый [*Ивнев 1913: 2*], утроснежный [*Каменский 1918: 134*] и др. (достаточно большое – сорок три единицы – количество окказиональных имен прилагательных, обозначающих различные оттенки цветовой гаммы, можно объяснить, вероятно, постоянными творческими контактами поэтов-футуристов и художников, исповедующих это направление в живописи, ведь известно, что В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Хлебников постоянно участвовали в футуристических вернисажах, а футуристы-художники (например, В. Кандинский) с удовольствием помещали свои опусы в стихотворных сборниках «будетлян»);

2) сложные окказиональные имена прилагательные со значением зрительного восприятия, образованные от основ -око-, -глаз-: грустноокий [*Футуристы 1914: 74*], желтоокий [*Каменский 1911: 62*], кровавоодноокий [*Бурлюк 1913: 63*], небоглазый [*Каменский 1918: 122*], полутороглазый [*Бурлюк 1913: 64*], странноокий [*Каменский 1918: 81*] и другие (здесь наблюдаются интересные параллели с хлебниковским словотворчеством: см. Струнин В. Поэма глаз Велимира Хлебникова [Струнин, 1985]);

3) сложные имена прилагательные – зоонимы: в пространственно-временном контексте стихов футуристов встречаются «корнерогие лани...» [*Каменский 1918: 71*], «пестрошерстые кошки...» [*Бурлюк 1913: 91*], «сверлоголовые угланы...» [*Каменский 1918: 92*], «синеусые рыбы...» [*Асеев 1915: 14*], «синехребтые чудища...» [*Каменский 1911: 95*], «яростнокрылые...» [*Асеев 1916 а: 17*] и «яснокрылые птицы...» [*Каменский 1918: 62*] (Ю.К. Олеша отмечал, что В. Хлебников «дал серию зве-

риных метафор, может быть, наиболее богатую в мире» [Олеша, 1965, с. 259]: «прошлоекрылый селезень и будущехохольная утка...», «молодѐжепѣрый кур застыл перед проведенной чертой...», «мордастоногие дива...», «колковзорый шиповник...», «пролетала низко над землей сомне-ниекрылая ласточка...», «пел влаголикий соловей...», «правдохвостый сом...», «равенствоzubая щука...», «времяклювая цапля...» («Искушение грешника» [Хлебников, 1987, с. 274]);

4) группа окказиональных сложных имен прилагательных, обозначающих признаки космогонических явлений и понятий (относящихся к небесным телам, календарным временам года и так далее): вневечный [*Футуристы 1914*: 16], лучезвонный [*Каменский 1911*: 107], невыносимовесенный [*Гуро 1914*: 95] и др.;

5) наконец, мы считаем возможным выделить в исследуемых футуристических текстах сравнительно небольшую (шесть слов), но представляющую определенный интерес группу сложных окказиональных имен прилагательных, связанных с ювелирным делом: бриллиантово-черный [*Каменский 1918*: 13], изумрудно-святой [*Каменский 1918*: 13], лучисто-хрустальный [*Каменский 1918*: 50], хрустально-четкий [*Большаков 1916 б*: 11], чеканно-хрустальный [*Каменский 1918*: 131], черно-стеклярусный [*Большаков 1916 б*: 24].

Незначительная часть окказионализмов образована префиксальным способом – три новообразования: завуаль [*Футуристы 1914*: 74], нелюба [*Каменский 1918*: 49], спокой [*Каменский 1918*: 54].

Восемьдесят четыре новообразования образовано префиксально-суффиксальным способом:

1) сорок окказиональных имен существительных: вспенье [*Футуристы 1914*: 23], окличье [*Асеев 1914*: 7], помолвье [*Асеев 1914*: 6] и др.;

2) двадцать один глагол: закострить [*Каменский 1918*: 154], прорубинить [*Большаков 1916 б*: 11], раскрылять [*Футуристы 1914*: 74] и др.;

3) двадцать окказиональных прилагательных: озноенный [*Хлебников 1913*: 22], омирщенный [*Асеев 1915*: 19], оснеженный [*Каменский 1918*: 14] и др.;

4) два наречия: бесфонарно [*Футуристы 1914*: 21], перезвучально [*Каменский 1918*: 145].

Достаточно многочисленными следует признать и новообразования, образованные поэтами-футуристами сложноссуффиксальным способом (шестьдесят три слова):

1) тридцать семь окказиональных имен существительных (например, бирюзосмолье [Асеев 1916 а: 47], гдетотамя [Каменский 1918: 6], черноводье [Гуро 1914: 33] и др.);

2) восемнадцать окказиональных имен прилагательных (например, белометный [Асеев 1915: 12], зарерайский [Футуристы 1914: 74], солнце-вейный [Каменский 1918: 24], стозорный [Асеев 1915: 26]);

3) восемь глаголов (например, небовеснить [Футуристы 1914: 74], песнепьянствовать [Футуристы 1914: 74], синеозерить [Большаков 1916 б: 17]).

Суффиксально-постфиксальным способом образовано двадцать семь глаголов (например, водонебиться [Каменский 1918: 7], гориться [Каменский 1918: 18], далиться [Каменский 1918: 12] и др.).

Также в исследуемых текстах футуристических сборников начала XX века было обнаружено девять случаев образования глаголов постфиксальным способом (например, взголубиться [Каменский 1918: 32], взыскриваться [Футуристы 1914: 16], упоеваться [Асеев 1915: 19]).

Что касается специфически-футуристических способов образования окказиональных слов, то в ранних сборниках этого литературного направления нами обнаружены примеры так называемого «скорнения» (именно «скорнения», а не сложения корней – термин В.П. Григорьева [Григорьев, 1986, с. 32-33]) и «переогласовки».

Иллюстрацией к такому необычному способу «словоновшества», как «скорнение», может послужить отрывок из «сверхповести» В. Хлебникова «Зангези», в котором на базе существительного «дочь» поэт образует семь окказионализмов:

«Иверни выверни,

Умный игрень!

Кучери тучери,

Мучери нучери,

Точери тучери,

Вечери очери.

Чётками чуткими

Пали зари.

Иверни выверни,

Умный игрень!..» [Хлебников, 1987, с. 495].

В исследуемом материале обнаружено девятнадцать случаев «скорнения» в области имен существительных (например, гонитва [Асеев 1914: 19], дремя [Асеев 1914: 6], рекамень [Каменский 1918: 9], свер-

кат [Асеев 1914: 4], толичество [Асеев 1915: 20]), пять в области глаголов (мелендеветь [Асеев 1914: 12], милыбаться [Асеев 1914: 2], одиначевать [Каменский 1918: 6], труверить [Большаков 1916 б: 18], цветанствовать [Футуристы 1914: 74]), а также по одному прилагательному (летистенный [Каменский 1918: 32]), наречию (плёско [Асеев 1916 а: 129]) и междометию (зудиссимо [Крученных 1915 а: 4]), являющегося, по-видимому, единственным междометием в футуристической словообразовательной практике вообще.

Способом «переогласовки» образовано три из обнаруженных нами окказиональных имен прилагательных: давий [Асеев 1915: 11], денниться [Каменский 1918: 39], жироскоп [Крученных 1915 а: 3].

Таким образом, проведенный нами анализ индивидуально-авторских новообразований ранних футуристических сборников позволяет выделить следующие закономерности, касающиеся деривационного аспекта окказионализмов.

Основная масса окказиональных имен существительных футуристической поэзии образована суффиксальным способом при помощи продуктивных и непродуктивных в современном русском словообразовании суффиксов.

Менее продуктивным в словотворческой практике футуризма является способ сложения слов, основ и корней. Следует отметить тот факт, что в отличие от общеязыковой тенденции поэты-футуристы используют при данном способе словообразования не только знаменательные, но и служебные слова, а также то, что количество образующих основ не обязательно равняется двум.

Достаточно часто используются префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы образования имен существительных.

К собственно футуристическому «словоновшеству» можно отнести «скорнение» и «переогласовку», но в силу своей нелогичности эти способы не могут быть достаточно объективно оценены с точки зрения формальной логики. Очевидно, что окказиональные имена существительные, образованные с помощью «скорнения», и являются самым ярким примером стремления разрушить стереотипы русского словообразования, а точнее – попытки добавить к уже существующим способам новые, не имеющие оттенка столь не любимой футуристами «традиционности».

В области словообразования имен прилагательных наибольший интерес представляют окказионализмы, образованные способом сложения; которые делятся на пять лексико-семантических групп: оригинальные окказиональные имена прилагательные, обозначающие цвета или их оттенки;

окказиональные имена прилагательные со значением зрительного восприятия, образованные от основ -око-, -глаз-; сложные имена прилагательные – зоонимы; окказиональные имена прилагательные, обозначающих признаки космогонических явлений и понятий; окказиональные имена прилагательные, связанные с ювелирным делом.

В отличие от окказиональных имен в области глаголов используются иные способы образования слов – суффиксально-постфиксальный, постфиксальный, сложносуффиксальный.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что в основе новообразований футуризма лежат не только существующие в современном русском языке способы образования слов, но и специфически-футуристические, что помогало поэтам реализовывать декларируемый подрыв традиционных стереотипов мышления.

Через нелогичность восприятия окружающего мира, через зачастую парадоксальное словотворчество выражают футуристы свою обеспокоенность судьбами мира, вымеряют свободу слова, мысли и свободу творчества. А свобода (свобода словотворчества, свобода поэтической мысли, свобода вообще) для Д. Бурлюка, В. Маяковского, Р. Ивнева, В. Хлебникова, А. Крученых и В. Каменского – первооснова всего.

2.3. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КРУЧЕНЫХ И В. КАМЕНСКОГО

Российский футуризм был далеко не столь однозначен, как это представляла читателю официальная литературная критика социалистического реализма. В его стенах свободно сосуществовали великий лирик В. Маяковский и гениальный «будетлянин» В. Хлебников, большие мастера поэтического слова Н. Асеев, К. Большаков и В. Каменский; к разным футуристическим группировкам примыкали такие неординарные авторы, как Р. Ивнев, И. Северянин и В. Шершеневич.

Одним из теоретиков футуризма был А. Крученых, о котором неспециалисты знают лишь то, что В. Маяковский назвал его «футуристическим иезуитом слова» [Михайлов, 1988, с. 88] и что он является автором скандально известного «Дыр... Бул... Щыл... убешшур...». Интересно, что в постреволюционной России муза Крученых, что называется, смолкла (его итоговые работы по теории поэзии написаны в 1922-23 гг., а последняя изданная им книга датируется 1934 годом).

Полностью скандальное стихотворение А.Е. Крученых – а это не что иное как стихотворение – выглядит следующим образом:

**Дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л эз.**

Алексей Елисеевич Крученых, провинциальный учитель рисования, приехавший в Петербург за несколько лет до Октябрьского переворота и через короткое время, если можно так сказать, «переполошивший» литературную критику обеих столиц, один из лидеров русских футуристов, поэт и художник (точнее – «поэтохудожник»). «Дыр бул щыл...» же появился на свет в декабре 1912 года. Инициативу его возникновения Алексей Крученых приписывал Давиду Бурлюку, который попросил его написать целое стихотворение из «неведомых слов» [Корнеева, 1971, с. 96]. Так, собственно, и родился «заумный язык», знаменитая «заумь».

Впрочем, стихотворений, положивших начало «заумному языку» было три. И если второе выглядит скорее попыткой объяснить первое:

**Фрот фрон ыт
не спорю влюблен
черный язык
то было у диких
племен, -**

то третье, на наш взгляд, является еще одним образцом «азбуки ума»:

**Та са мае
ха ра бау
саем сию дуб
радуб мола
аль.**

Над разгадкой крученовской «зауми» ломали головы многие: Д. Бурлюк, например, давал достаточно рациональную расшифровку «дырбулщыла»: «Дырой будет уродное лицо счастливых олухов». Он приписывал этой строке пророческий смысл, считал ее приговором, «произнесенным всей дворянской буржуазии задолго до революции». Футурист И. Терентьев видел иначе, для него «Дыр... Бул... Щыл...» – «Дыра в будущее».

В. Брюсов, напротив, полагал, что «эти сочетания букв кроме того, что они абсолютно «не выразительны», еще и крайне неприятны для слуха» (В. Брюсов «Среди стихов: 1894-1924»).

Интересно, что то, что В. Брюсову неприятно, импонировало П. Флоренскому: «Мне лично это «дыр бул щыл» нравится: что-то лесное, коричневое, корявое, всклокоченное, выскочило и скрипучим голосом «р л эз» выводит, как немазаная дверь» (П. Флоренский «У водоразделов мысли»).

Аналогичной точки зрения придерживался и В. Шкловский, который, отмечая огромное значение звуковой стороны поэтической речи, упоминает, в качестве примера, «о любви простого народа к непонятным словам Священного писания, о заклинаниях и глоссарии сектантов» (В. Шкловский «О поэзии и заумном языке» [цит. по: Языковое сознание, 1988, с. 94]) (по свидетельству К. Малевича, сам Алексей Крученых, доказывая правоту существования своего «заумного» детища, ссылаясь на такое понятие, как религиозный экстаз).

Можно было бы привести еще немало суждений об этом стихотворении, но ограничимся высказыванием самого Крученых: «Оно написано для того, чтобы подчеркнуть фонетическую сторону русского языка. Это характерно только для русского. <...> В русском языке это от русско-татарской стороны. Не надо в нем искать описания вещей и предметов звуками. Здесь более подчеркнута фонетика звучания слов. Это есть в поэзии негров и в народной поэзии. <...> Часто в детских считалках» [Крученых, 1913 б, с. 4].

Зачастую исследователи напрямую противопоставляют А. Крученых В. Хлебникову. Так, по словам А. Рогачевского, «эксперименты Крученых (в отличие от фонетических и морфологических изысканий Велимира Хлебникова) предназначались в первую очередь для привлечения внимания прессы и читательской аудитории и поэтому носили провокационный характер, будучи при этом намеренно лишены всякого смысла» [цит. по: Айги, 1992, с. 12].

Оказывается, впрочем, что авторский интерес к словотворчеству А. Крученых оправдан: в последние несколько лет его имя все чаще упоминается в культурных и ококультурных сферах. По данным сети Интернет:

- в 1993 году в Вене с участием российских актеров был реконструирован легендарный спектакль Театра Футуристов в Петербурге 1913 года «Победа над солнцем» по пьесе А. Крученых (текст Крученых, пролог Хлебникова, музыка Матюшина);

- В 1997 году эту же пьесу ставит Российский академический молодежный театр;

- на одном из московских аукционов 90-х годов одна из его книг уходит за 2200 долларов (для сравнения: почти в два раза дороже, чем первое издание поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Полтава»);
- в 1996 году в издательстве «РА» выходит сборник мемуарной прозы Алексея Крученых «Наш выход», впервые полностью воспроизводящий авторизированный машинописный экземпляр 1932 года;
- в начале 90-х годов поэт и филолог С. Бирюков основывает в Тамбове, где преподает в университете, Академию зауми;
- имя Алексей Крученых в «Яндексе» (Интернет) дает ссылки на 62 тысячи (!!!) ресурсов, так или иначе затрагивающих тему творчества поэта.

Именно А. Крученых, наряду с В. Хлебниковым, являлся «поэтом для производителя», «Колумбом новых поэтических материков, ныне заселенных и возделываемых нами» [Маяковский, 1988, с. 630], так как его работа над «самовитым словом» сродни хлебниковской, его вклад в раскрытие потенциальных возможностей языка просто неизмерим. Можно сказать, что именно А. Крученых и В. Хлебников и были «классическими теоретиками» российского футуризма.

А. Крученых, несомненно, стоял у истоков российского футуризма, его организационного оформления, подпись поэта стояла под первым манифестом футуристов «Пощечина общественному вкусу», где после воинственных футуро-нигилистических лозунгов («Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности...») следовало:

«Мы приказываем чтить права поэтов:

1. – на увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (слово-новшество).
2. – на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
3. – с ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веток сделанный вами венок грошовой славы.
4. – стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще в наших строках остались грязные клейма ваших «Здравого смысла» и «Хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) слова» [Хлебников, 1913, с. 3-4].

Если не принимать во внимание общий эпатажирующий настрой этого документа, то останется главное, ненаносное – «самовитое слово», «слово-новшество» как право поэта, как его высшая свобода и цель.

В 1913 году А. Крученых издает в Санкт-Петербурге небольшую – в шестнадцать страниц – книжицу «Поросята», в которую включает несколько поэтических и прозаических опусов, в том числе «опыты по созданию новых слов» – «Словоновы на «З» (именно «опыты», так как автор абсолютно не желает никому навязывать свой эксперимент, как нечто бесспорно данное) [*Крученых 1915 а: с.3-4*].

На полутора страницах поэт приводит сорок восемь неологизмов («словонов» по А. Крученых), в том числе сорок существительных, шесть прилагательных, по одному наречию и междометию.

Большая часть «словонов» – тридцать восемь – образована от корня -зуд-.

Из сорока неологизмов-существительных – тридцать три однокоренные (-зуд-), из которых лишь два образованы способом сложения:

- 1) зудодей – сложением корней (ср. блудодей);
- 2) чудо-зудо – сложением слов (ср. чудо-юдо).

Из 30 новообразований, созданных суффиксальным способом путем прибавления к корню -зуд- разнообразных продуктивных и непродуктивных в современном русском языке суффиксов (все суффиксы выверены по словарю морфем русского языка [Кузнецова, Ефремова, 1986]), наибольший интерес представляют производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образованные от основ имен прилагательных и глаголов:

- а) отприлагательное существительное, имеющее значение отвлеченного признака: зудина (ср. седой – седина);
- б) отприлагательное существительное со значением лица мужского пола: зудрец (квазификс, ср. мудрый – мудрец);
- в) отглагольные существительные, обозначающие лиц мужского пола: зудак (ср. дурить – дурак), зудахарь (квазификс, ср. знать – знахарь), зудун (ср. бегать – бегун).

Выделяются также существительные, имеющие размерно-оценочные значения: зудик (ср. дом – домик), зудок (ср. друг – дружок), и существительные, имеющие значение «невзрослости», образованные при помощи суффиксов -ич-, -онок- (-енок-), -оныш- (-еныш-): зудич (ср. князь – княжич), зуденок (ср. тигр – тигренок), зуденыш (ср. змея – змееныш).

Что касается существительного мужского рода зударь, то, хотя в данном случае и прослеживается взаимосвязь со словами, образованными при помощи непродуктивного суффикса -арь- (ср. бочкарь, виноградарь), здесь мы, видимо, имеем дело с релятивным неологизмом (ср. зударь – су-

дарь), которые часто встречаются, например, у Велимира Хлебникова (ср. ончина – кончина, отобняк – особняк).

От существительного зударь образованы «словоновы» женского рода зудариха, зударка, зударыня (ср. купчиха, сударка, боярыня).

Посредством суффиксации Алексей Крученых образует также окказиональные существительные:

а) мужского рода: зудавчик (ср. рукавчик), зудесник (ср. чудесник), зудивец (ср. ленивец), зудилец (ср. кормилец), зудимчик (ср. любимчик), зудильник (ср. будильник);

б) женского рода: зудель (ср. качель), зудежка (ср. долбежка), зудилица (ср. кормилица);

в) среднего рода: зудило (ср. зубило), зудеса (ср. чудеса), зудесение (ср. вознесение);

г) общего рода: зудила (ср. мазила), зудийца (ср. убийца).

Кроме названных выше, в анализируемом тексте использованы также следующие окказионализмы-существительные:

1) злей и злостеболь (с корнем -зл-): первое образовано суффиксальным способом от существительного (ср. грамот + ей + (□)), второе – сложением основ существительных (злост + е + боль + (□));

2) Зий (вероятно, по аналогии с гоголевским Виём);

3) задыш (А. Крученых заканчивает свои «Словоновы на «З» фразой: «Задора задыш!» [*Крученых 1915 а: 4*]. Таким образом, «задыш», по всей вероятности, – конец, то есть то, что находится в конце, сзади);

4) зыба-кит (употребляется в «классическо-сказочном» сочетании: «Чудо-зудо зыба-кит»);

5) зюзюмка (возможно, от «зюзюкать»; ср. «зюзюка» – тул., тмб. картавый, шепелявый [Даль, 1979-1980, I, с. 88];

б) и, наконец, абсолютно необъяснимое существительное зюрица (по нашей классификации – словоуподобленный окказионализм «затемненной» семантики – Д.М.), которое лишь предположительно (по созвучию) можно соотнести со словом «курица».

Из шести неологизмов-прилагательных пять являются суффиксальными производными от корня -зуд-: зудавный (ср. гнусавый), зудейный (ср. коробейный), зудуйный (ср. поцелуйный), зудутный (ср. могутный – устар.), зудырный (ср. пузырьный).

Прилагательное зойный произведено, по-видимому, от архаизма «зой» – зык, вопль, крик, шум, гул, вой, визг, рык [Даль, 1979-1980, I, с. 690] также суффиксальным способом (ср. дойный).

Единственное наречие зудесьма и междометие зудиссимо (междометия-неологизмы вообще чрезвычайно редки в словотворчестве футуристов) образованы А. Крученых от все того же корня -зуд- и явно соотносятся со словами «весьма» и «брависсимо».

Возникает вопрос, с чем связано образование «словонов» А. Крученых от столь неблагозвучного корня -зуд-. Вероятно, «зуд» для него – это жажда деятельности. Неслучайны поэтому о многом «говорящие» параллели: зудеса – чудеса, зудахарь – знахарь, зудесник – кудесник, зудитель – учитель, зудрец – мудрец, зудун – ведун, а чудо-зудо – высшая цель для зударей и зударниц, зудичей, зударынь и зудодеев, которым, впрочем, мешает злостеболь, противостоят зудаки – Зий и злей.

Другим не менее ярким представителем футуристической поэзии является Василий Каменский, которому принадлежит существенная часть анализируемых новообразований (около четырехсот). Судьба этого «речетворца» интересна еще и тем, что В. Каменский был одним из первых российских авиаторов. Небо притягивало этого неординарного человека (сохранились свидетельства очевидцев, что на знаменитых нарочито эпатазирующих выступлениях футуристов, где Д. Бурлюк неизменно появлялся во фраке и цилиндре, а В. Маяковский в своей скандально-знаменитой «кофте фата» («галстуковой рубашке или рубашковом галстук»), Василий Каменский выступал в летном шлеме и кожаной куртке, на лбу же его был всегда нарисован маленький черный аэроплан), и, вполне понятно, что значительное число окказионализмов В. Каменского имеют отношение к воздушной стихии.

Мы в дальнейшем позволим себе называть такие новообразования «окказионализмами полета».

В исследуемых текстах В. Каменского девяносто два новообразования попадают под специфическое определение «окказионализмы полета» (Д.М.). Это сорок два существительных (например, аэротишь [*Каменский 1918: 12*], берегонебо [*Каменский 1918: 65*], звездаль [*Каменский 1918: 19*] и др.), двадцать три прилагательных (например, залетайность (употребляется в окказиональном фразеологическом обороте «залетайный стан», то есть небо) [*Каменский 1918: 42*], летивый [*Каменский 1918: 32*], летистенный [*Каменский 1918: 32*] и др.), двадцать один глагол (например, взголубиться [*Каменский 1918: 32*], звездойть [*Каменский 1918: 19*], звездржать [*Каменский 1918: 19*] и др.) и шесть наречий (например, безоблачно-небесно [*Каменский 1918: 38*], крылисто [*Каменский 1918: 43*], летайно

[Каменский 1918: 43] и др.), которые мы считаем возможным сгруппировать следующим образом:

1) новообразования с производящим корнем -солнц- (восемнадцать слов):

а) имена существительные: солнцевсход [Каменский 1918: 96], солнцедень [Каменский 1918: 77], солнцелей [Каменский 1918: 60], солнцелование [Каменский 1918: 13], солнцелуч [Каменский 1918: 17], солцень [Каменский 1918: 146], солнцепад [Каменский 1918: 49], солнцепуть [Каменский 1918: 39], солнцесвет [Каменский 1918: 11], солнцецветение [Каменский 1918: 129];

б) имена прилагательные: солнцеалый [Футуристы 1914: 74], солнцевейный [Каменский 1918: 24], солнцевстальный [Каменский 1918: 14], солнцекудрый [Каменский 1918: 36], солнцедатный [Каменский 1918: 158], солнцелейный [Каменский 1918: 126];

в) глагол солниться [Каменский 1918: 39];

г) наречие солнцезарно [Каменский 1918: 11];

2) новообразования с производящим корнем -лет- (всево пятнадцать слов):

а) имена существительные: летайность [Каменский 1918: 22], летан [Каменский 1918: 43], летвистость [Каменский 1918: 32], летимось [Каменский 1918: 32], летиночка [Каменский 1918: 42], летокеан [Каменский 1918: 32], перелетность [Каменский 1918: 32], разлетайность [Каменский 1918: 43];

б) имена прилагательные: залетайный [Каменский 1918: 42], летивый [Каменский 1918: 32], летинный [Каменский 1918: 32], летистенный [Каменский 1918: 32], лёткий [Каменский 1918: 32];

в) наречия: летайно [Каменский 1918: 32], летисто [Каменский 1918: 32];

3) новообразования с производящим корнем -неб- (двенадцать слов):

а) имена существительные: берегонебо [Каменский 1918: 65], наберегонебо [Каменский 1918: 6], небожаворонок [Каменский 1918: 7], небозеромут [Каменский 1918: 131], небокрай [Каменский 1918: 65];

б) глаголы: водонебиться [Каменский 1918: 7], небовать [Каменский 1918: 43], небовеснить [Футуристы 1914: 74], небовесновать [Футуристы 1914: 74], небоводиться [Каменский 1918: 7];

в) имена прилагательные: небовый [Каменский 1918: 24], небоглазый [Каменский 1918: 122];

4) новообразования с производящим корнем -звезд- (девять слов):

а) имена существительные: звездаль [Каменский 1918: 19], звездерево [Каменский 1918: 19], звездолина [Каменский 1918: 19], звездомик [Каменский 1918: 19], звездочерь [Каменский 1918: 19] (Здесь следует отметить особую космогоническую систему построения мира (Вселенной) по В. Каменскому, где созвездия – это «звездеревья» и «звездомики», а кометы – «звездочери»);

б) глаголы: звездиться [Каменский 1918: 19], звездойть [Каменский 1918: 19], звездрожать [Каменский 1918: 19];

в) прилагательное звездолинный [Каменский 1918: 160];

5) новообразования с производящим корнем -крыл- (девять слов):

а) глаголы: крыловать [Каменский 1918: 43], раскрылять [Футуристы 1914: 74], укрылить [Каменский 1918: 43], утрокрылиться [Каменский 1918: 130];

б) имена существительные: крылование [Каменский 1918: 43], раскрыленность [Каменский 1918: 43];

в) наречия: крылисто [Каменский 1918: 43], крыловейно [Каменский 1918: 43];

г) прилагательное яснокрылый [Каменский 1918: 62].

Новообразования с другими производящими корнями (например, луномерцание [Каменский 1918: 129], мирутр [Футуристы 1914: 73], полномесяц [Каменский 1918: 12]) единичны.

Мы считаем возможным описать «окказионализмы полета» как некую совокупность синонимических рядов, создаваемых В. Каменским на основе существующего в языке «строительного материала» (морфем и словообразовательных моделей) с целью обогащения словарного запаса языка, а не разрушения «узуса».

На основе исследуемого материала можно выделить следующие синонимические ряды:

1) с доминантой «летать/лететь» (четырнадцать единиц): ветриться [Каменский 1918: 24] – взголубиться [Каменский 1918: 32] – голубиться [Каменский 1918: 74] – звездиться [Каменский 1918: 19] – звездойть [Каменский 1918: 19] – крыловать [Каменский 1918: 43] – небовать [Каменский 1918: 43] – небовеснить [Футуристы 1914: 74] – небовесновать [Футуристы 1914: 74] – прочелить [Каменский 1911: 59] – раскрылять [Фу-

туристы 1914: 74] – солниться [*Каменский 1918: 39*] – укрылить [*Каменский 1918: 43*] – утрокрылиться [*Каменский 1918: 130*];

2) с доминантой «заря» (как утренняя, так и вечерняя) (тринадцать единиц): звенидень [*Каменский 1918: 104*] – звениночка [*Каменский 1918: 41*] – солнцевсход [*Каменский 1918: 96*] – солнцедень [*Каменский 1918: 77*] – солнцелей [*Каменский 1918: 60*] – солнцелование [*Каменский 1918: 13*] – солнцелуч [*Каменский 1918: 17*] – солцень [*Каменский 1918: 146*] – солнцепад [*Каменский 1918: 49*] – солнцесвет [*Каменский 1918: 11*] – солнцецветение [*Каменский 1918: 129*] – утрование [*Каменский 1918: 19*] – утровечерие [*Футуристы 1914: 73*];

3) с доминантой «небо» (одиннадцать единиц): аэротишь [*Каменский 1918: 12*] – голубинная дорога (оказиональный фразеологический оборот) [*Каменский 1918: 74*] – залетайный стан (оказиональный фразеологический оборот) [*Каменский 1918: 42*] – звездадь [*Каменский 1918: 19*] – звездолина [*Каменский 1918: 19*] – летокеан [*Каменский 1918: 32*] – мирут [*Футуристы 1914: 73*] – небозеромут [*Каменский 1918: 113*] – разлунность [*Каменский 1918: 53*] – солнцепуть [*Каменский 1918: 39*] – утроветер [*Каменский 1918: 7*];

4) с доминантой «полет» (восемь единиц): крылование [*Каменский 1918: 43*] – летайность [*Каменский 1918: 32*] – летвистость [*Каменский 1918: 32*] – летимость [*Каменский 1918: 32*] – летиночка (ночной полет) [*Каменский 1918: 42*] – перелетность [*Каменский 1918: 9*] – разлетайность [*Каменский 1918: 43*] – раскрыленность [*Каменский 1918: 43*];

5) с доминантой «горизонт» (три единицы): берегонебо [*Каменский 1918: 65*] – наберегонебо [*Каменский 1918: 6*] – небокрай [*Каменский 1918: 65*].

Каждый из нас вправе найти в любом «новосозданном» слове что-то свое, понятное и близкое. «Слово нельзя отдать одному говорящему, – писал М.Бахтин. – У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя» [Поэзия, 1999, с. 12].

Теоретик и практик футуризма Велимир Хлебников так писал о потребности «словоновшества»:

«Если вы находитесь в роще, вы видите дубы, сосны, ели...

Но все это разнообразие листвы, стволов, веток создано горстью почти неотличимых друг от друга зерен. Весь лес в будущем – поместится у вас на ладони.

Словотворчество учит, что разнообразие слова исходит от основных звуков азбука, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь двадцатью восьмью звуками азбуки, зернами языка.

Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы «азбучных истин», и тогда для звуко-веществ может быть построено что-то вроде закона Менделеева...

Общественные деятели вряд ли учитывали тот вред, который наноситься неудачно построенным словом. Это потому, что нет счетоводных книг расходования народного разума. И нет путейцев языка.

Как часто дух языка допускает прямое слово, простую перемену согласного звука в уже существующем слове, но вместо этого весь народ пользуется сложным и ломким описательным выражением и увеличивает растрату мирового разума временем, отданным на раздумье.

Кто из Москвы поедет в Киев через Нью-Йорк? А какая строчка современного книжного языка свободна от таких путешествий? Это потому, что нет науки словотворчества.

Если бы оказалось, что законы простых тел азбуки одинаковы для семьи языков, то для всей этой семьи народов можно было бы построить новый мировой язык...» [Хлебников, 1987, с. 624].

Иллюстрацией же к реализации тяги ко всему славянскому вообще могут послужить высказывания В. Хлебникова из теоретической статьи «Курган Святогора»:

«Конечно, правда взяла звучалью уста того, кто сказал слова лишь слышимые числа нашего бытия. Не потому ли высший суд славобича всегда лежал в науке о числах? И не в том ли пролегла грань между былым и идущим, что волим ныне и познания от «древа мнимых чисел»?..

И не злой ли ворожкой висит над нашей славобой тень северного моря, не узнающая в сыне лика своего отца? И не признающая в сыне сына?..

И если живой и сущий в устах народных язык может быть уподоблен доломерию Евклида, то не может ли народ русский позволить себе роскошь, недоступную другим народам, создать язык – подобие доломерия Лобачевского, этой тени чужих миров? На эту роскошь русский народ не имеет ли права?

Русское умнечество, всегда алчущее прав, откажется ли от того, которое вручает сама воля народная: права словотворчества?» [Хлебников, 1991, с. 579 – 580], где «славобич» и «славоба» – это литератор и литера-

тура, «идутное» – настоящее, «доломерие» – геометрия, а «умнечество» – интеллигенция.

«Поэт воспроизводит действительный мир, перерабатывая элементы первобытного хаоса, и воссоздает новое, гармонично выстроенное жизненное единство, выступая одновременно в двух ипостасях – как творец художественного текста и как его герой» [Самойлов, 1982, с. 11]. А читатель тоже потенциальный творец, и это замечательно, когда чье-то творчество служит мощным импульсом для других. И если даже согласиться с тем, что все новое в творчестве – это всего лишь перепевы давно известного старого, то нельзя не заметить, что поэтическая традиция футуристического словотворчества дает большой простор для независимого, оригинального читательского мышления.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Проведенный нами анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

1. Хотя окказионализмы относятся к числу не общеязыковых, а индивидуально-речевых средств лексики и функционируют лишь в художественных текстах, можно сказать, что они раскрывают новые возможности языка, демонстрируя еще не устоявшиеся, необычные способы и средства образования слов.

2. Поскольку окказиональные слова обладают большей, нежели слова общеупотребительные, эмоционально-экспрессивной значимостью, они позволяют автору поэтического текста более полно выразить свои мысли, более ярко, доходчиво и более оригинально донести до читателя чувства и переживания поэта.

3. Поэтическое творчество выражается не только в создании определенных художественных произведений, но и в словотворчестве. В этом отношении большим потенциалом обладали, в частности, такие поэты-футуристы начала XX столетия, как В. Хлебников, А. Крученых, В. Каменский, Е. Гуро, К. Большаков, Н. Асеев и др. Наличие значительного числа новообразований в их поэтических и прозаических произведениях позволяет говорить об устойчивом характере футуристического «словоновшества», являющегося, по-видимому, одним из средств выражения авторского концепта, теоретических воззрений этого литературного направления.

4. Исследованный нами фактический материал в ряде случаев подтверждает обнаруженные другими исследователями закономерности, в других – позволяет выявить новые. Так, результаты анализа футуристических текстов сопоставимы с данными В.П. Григорьева о процентном соотношении разных частей речи в новообразованиях В. Хлебникова. По В.П. Григорьеву, среди них преобладают имена существительные (среди хлебниковских окказионализмов это порядка десяти тысяч (!) лексем), далее следуют имена прилагательные (более тысячи слов), глаголы (около трехсот) и наречия (всего тридцать). В нашем материале частеречное соотношение окказиональных новообразований остается почти тем же самым: 443 : 254 : 103 : 33 (междометие А. Крученых «зудиссимо», похоже, единственный пример окказионального междометия в футуристической практике словотворчества). Очевидно, что нами была исследована лишь небольшая часть окказионализмов русской футуристической поэзии, но можно утверждать, что закономерности, выявленные на этой сравнительно небольшой группе окказиональных слов, отражают общий характер словотворчества поэтов-футуристов.

5. Словообразовательный анализ поэтических неологизмов показал следующее:

- хотя «словоновы» футуристов могут быть как «потенциальными» словами языка (по терминологии Э.И. Ханпиры) – «окказионализмы первого порядка» (по нашей терминологии – Д.М.), так и собственно окказиональными (индивидуально-авторскими) – «окказионализмы второго порядка», созданными по образцу конкретного слова («творяне» – дворяне, «могатырь» – богатырь, «гнестр» – Днестр), подавляющее их большинство образовано по продуктивным в современном русском языке словообразовательным моделям;

- основная масса окказиональных имен существительных образована суффиксальным способом;

- менее продуктивным в словотворческой практике футуризма следует признать способ сложения;

- количество имен существительных, образованных при помощи префиксов, незначительно, а префиксально-суффиксальный способ используется часто;

- продуктивным является сложносуффиксальный способ;

- в проанализированном материале представлены окказиональные имена существительные, образованные особыми футуристическими способами – «скорнением» и «переогласовкой»;

- подавляющее число окказиональных имен прилагательных образовано способом сложения, также в текстах футуристических сборников встречается достаточно большое количество прилагательных, образованных путем суффиксации, также используются префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы образования;

- в области образования глаголов используются аффиксальные (суффиксально-постфиксальный и суффиксальный) способы образования слов, а также сложносуффиксальный;

- окказионализмы-наречия и междометия не характерны для футуристического словоновшества.

6. В семантическом отношении большая часть окказионализмов футуристической поэзии связана с описанием явлений и состояний живой и неживой природы, так как именно в единении природы и человека видят футуристы выход из кризисного положения, из противоречий цивилизации.

7. Стилистической особенностью футуристического словотворчества является ориентация (зачастую – официально не признанная) на все славянское как первородное. Не случайны в «словоновшестве» футуристов обращения к славянским корням («баячь»), суффиксам (-ахарь, -ын и др.), создание окказионализмов, внешне напоминающих старославянские слова («восчла», «деймо», «бывьмо» и др.). Очевидно, что создание поэтами-футуристами окказиональных слов нередко вызвано стремлением заменить лексемы иноязычного происхождения (напр., «летбище» вместо аэродром, «будетляне» вместо футуристы, «самолет» вместо аэроплан). В этом проявляется скрытое увлечение поэтов-футуристов славянофильскими идеями. Однако не только этим обусловлено создание новых слов в практике футуристического «словоновшества». Это и стремление к эпатажу, и попытка создания «вселенского языка», и проявление ощущения недостаточности имеющихся в языке лексем для выражения определенных чувств, мыслей, настроений.

8. Ориентированность поэтов-футуристов на использование «аномальных» лексических единиц, на создание и тиражирование в прозаических и поэтических текстах большого числа окказионализмов создают условия для привлечения читателя к своеобразной «игре в прятки». Чтение футуристических текстов невозможно без активного соучастия со стороны читающего, который должен разыскать скрытый смысл окказионального слова. Подобная языковая игра призвана активизировать скрытые потенции языка и заставить читателя размышлять не только над какой-либо одной лексемой, но и над всем текстом в целом.

9. Русская поэзия, благодаря представителям футуризма, чьи идеи создания единого сообщества людей («лада мира» по В. Хлебникову), сформированного с природой, актуальны и в наше время, получила импульс для развития на сотни лет вперед.

10. Поскольку окказионализмы встречаются не только в русском языке, можно предположить, что окказиональные слова не только речевое, но и языковое явление. В связи с этим возникает необходимость создания словаря окказионализмов, один из вариантов которого предложен автором данной работы.

11. Так как главная функция языка художественной литературы – это функция эстетическая, которая заключается в том, что языковой знак является составным элементом образа, то индивидуально-авторские неологизмы, выполняя определенные функции (чаще даже – несколько функций одновременно), являются средством создания художественного образа, передающего специфическое авторское видение мира, и оказываются тесно связанными с особенностями идиостиля поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над изучением языкотворческой деятельности поэтов-футуристов начала двадцатого века дала богатейшую возможность для ознакомления с мемуарной, критической, литературоведческой и лингвистической литературой, для проникновения в своеобразие художественного мира поэта и для понимания неисчерпаемости источника «будетлянства» для его исследователей и последователей. Футуристическое словотворчество необъятно, оно ждет человека, который сможет преподнести миру каждую строчку «Председателей земного шара» («предземшаров» – по В. Хлебникову) во всем ее великолепии.

Любой «будетлянин» – настоящий творец, отстаивающий свое право на словотворчество, столь ценное для существования и развития языка. Проведенный анализ фактического языкового материала убеждает нас в том, что, по-своему воспринимая мир, поэты-футуристы по-своему его воссоздают в своих произведениях. Результатом этого нетрадиционного воссоздания эпической картины окружающего мира и является окказиональное словотворчество футуристической поэзии. Можно сказать, что, пропагандируя и претворяя в жизнь право на «словоновшество», разрушая привычные нормы языка, поэты-футуристы создают нормы (стереотипы) новые, демонстрируя при этом недюжинную изобретательность и тайные языковые возможности. Причем причины словотворчества поэтов-футуристов состояли не только в поисках подмены иноязычным словам. Футуристы стремились развить все заложенные в русском языке словообразовательные возможности.

Программой же создания окказионализмов, программой всего словотворчества В. Хлебникова, А. Крученых, Д. Бурлюка, В. Каменского и других поэтов футуристического круга начала двадцатого века можно считать, во-первых, манифест футуризма «Пощечина общественному вкусу» (1913 год), во-вторых, предисловие ко второму сборнику футуристов «Садок судей» (1913 год), где провозглашались задачи поиска художественной формы, обновления поэтических приемов, в-третьих, ряд теоретических статей Велимира Хлебникова – «Курган Святогора», «О расширении пределов русской словесности», «Письмо двум японцам», «Труба марсиан», «Наша основа» – и Алексея Крученых – «Черт и речетворцы», «Наш выход», «Взорваль» – и других авторов.

Основная задача поэта при создании новых слов – обновление языка, внесение в него свежей струи. И все метаморфозы поэтического языка футуризма подчинены единой, фундаментальной задаче: (по В. Хлебникову) «размер, где звери и люди были бы стопы».

Естественно, что окказионализмы возникают у футуристов с такой обязательностью и настойчивостью не только с целью своеобразной словесной игры, а, в большей степени, для реализации мировоззренческих принципов. Ведь поэт наделен особым даром, особой магической силой: сверхзрением, сверхслухом, сверхречью.

Что касается общих выводов по работе, то можно сказать следующее.

Окказионализмы являются составным компонентом словотворческой практики поэтов-футуристов начала XX века, обладающим наряду со специфическими чертами признаками узуального слова. Поскольку язык представляет собой совокупность средств выражения (в том числе и индивидуально-авторские новообразования), с помощью которых осуществляется его коммуникативная и эстетическая функции, его можно представить как сочетание комбинаторных закономерностей и схем, т.е. систему стереотипов, которые играют важную роль в организации различных форм общественного сознания (философии, религии, художественной эстетики).

Языковым стереотипом как основой мировосприятия мы предлагаем считать схематизированное и закрепленное в языковом сознании данного языкового коллектива представление о правилах создания и употребления лингвистических единиц. Именно на их базе происходит адекватное восприятие художественного произведения. Новое литературное течение, организационно оформившееся в начале XX века, ставило одной из своих целей критическое осмысление предшествующего культурно-исторического опыта с целью создания «мифологии культуры» нового времени с ориентацией на материальные ценности технократической цивилизации. Основой эстетической концепции футуризма являлась декларируемая позитивная направленность на разрушение сложившихся в современном ему общественном сознании. При этом речь шла о «новом видении» мира, не столько в созерцательном, сколько в созидательном плане, что отчасти воплощалось в создании новых слов.

Окказиональная лексика создается с учетом словообразовательных возможностей русского языка, при этом используются как продуктивные,

так и непродуктивные способы деривации, как реально существующие аффиксы, так и квазификсы (уникальные морфемы).

Явление окказиональности неоднозначно понимается в лингвистической литературе: не существует единого, унифицированного толкования данного понятия, не всегда последовательно проводятся терминологические границы между «неологизмами», «потенциальными» и «окказиональными словами», не всеми исследователями признаются специфические футуристические способы словообразования («скорнение», «поединок слов», «переогласовка» и т.д.).

Отсутствие единого определения термина «окказиональное слово» вызывает необходимость дать следующую дефиницию: окказиональное слово – это лексическая единица, созданная автором художественного произведения как по продуктивным, так и по непродуктивным словообразовательным моделям, не зафиксированная в толковых словарях, но обладающая значением, складывающимся из значений составляющих его компонентов (производящих слов, словообразовательных морфем).

Окказиональные слова целесообразно разделить на две группы в зависимости от продуктивности-непродуктивности языковых средств, использованных при их образовании, на окказионализмы первого порядка, образованные по продуктивным моделям, и окказионализмы второго порядка, образованные по непродуктивным моделям.

Окказионализмы второго порядка могут быть разделены на две группы по выводимости-невыводимости лексического значения из семантики компонентов, составляющих слово: окказионализмы «ясной семантики» и окказионализмы «затемненной семантики». К первым будут относиться лексические единицы, образованные на базе несуществующих слов (с пропуском деривационного шага), квазификсальные лексические единицы, лексические единицы, образованные по способам, не характерным для современного русского словообразования. Вторые мы предлагаем разделить на звукоподражательные и словоуподобленные.

Отличительными чертами окказионализмов являются яркая образность, основанная на столкновении узуально несовместимых слов, невоспроизводимость вне определенного контекста, эмоционально-экспрессивная окрашенность, направленная на более точное отображение окружающей реальности.

Место и значение окказиональной лексики в системе языка художественных произведений определяется наличием общих и специфических черт, с одной стороны, не позволяющих выводить их за пределы литературного языка, а с другой стороны – определяющих их особое положение в этой системе. Поскольку художественные произведения в качестве одной из основных своих целей ставят эстетическое воздействие на читателя, окказионализмы оказываются средством усиления подобного воздействия. Этому способствует ненормативность, казуальность авторских новообразований, в результате чего появляется возможность «более свежего» взгляда на привычные вещи. Футуристическая словотворческая практика как раз и предполагает иной подход, иное видение мира.

Хотя окказионализмы относятся к числу не общеязыковых, а индивидуально-речевых средств лексики и функционируют лишь в художественных текстах, можно сказать, что они раскрывают новые возможности языка, демонстрируя еще не устоявшиеся, необычные способы и средства образования слов.

Поскольку окказиональные слова обладают большей, нежели слова общеупотребительные, эмоционально-экспрессивной значимостью, позволяют автору поэтического текста более полно выразить свои мысли, более ярко, доходчиво и более оригинально донести до читателя чувства и переживания.

Поэтическое творчество выражается не только в создании определенных художественных произведений, но и в словотворчестве. В этом отношении большим потенциалом обладали, в частности, такие поэты-футуристы начала XX столетия, как В. Хлебников, А. Крученых, В. Каменский, Е. Гуро, К. Большаков, Н. Асеев и др. Наличие значительного числа новообразований в их поэтических и прозаических произведениях позволяет говорить об устойчивом характере футуристического «словоновшества», являющегося, по-видимому, одним из средств выражения авторского концепта, теоретических воззрений этого литературного направления.

Исследованный нами фактический материал в ряде случаев подтверждает обнаруженные другими исследователями закономерности, в других – позволяет выявить новые. Очевидно, что нами была исследована лишь небольшая часть окказионализмов русской футуристической поэзии, но можно утверждать, что закономерности, выявленные на этой сравни-

тельно небольшой группе окказиональных слов, отражают общий характер словотворчества поэтов-футуристов.

Словообразовательный анализ поэтических неологизмов показал следующее:

- подавляющее большинство футуристических «словонов» образовано по продуктивным в современном русском языке словообразовательным моделям;

- основная масса окказиональных имен существительных образована суффиксальным способом;

- менее продуктивным в словотворческой практике футуризма следует признать способ сложения;

- количество имен существительных, образованных при помощи префиксов, незначительно, а префиксально-суффиксальный способ используется часто;

- продуктивным является сложносуффиксальный способ;

- в проанализированном материале представлены окказиональные имена существительные, образованные особыми футуристическими способами: «скорнение» и «переогласовка»;

- подавляющее число окказиональных имен прилагательных образовано способом сложения, также в текстах футуристических сборников встречается достаточно большое количество прилагательных, образованных путем суффиксации, также используются префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы образования;

- в области глаголов используются аффиксальные (суффиксально-постфиксальный и суффиксальный) способы образования слов, а также сложносуффиксальный;

- окказионализмы-наречия и междометия не характерны для футуристического словоновшества.

В семантическом отношении большая часть окказионализмов футуристической поэзии связана с описанием явлений и состоянии живой и неживой природы, так как именно в единении природы и человека видят футуристы выход из кризисного положения, из противоречий цивилизации.

Стилистической особенностью футуристического словотворчества является ориентация на древнеславянское как первородное. Не случайны в «словоновшестве» футуристов обращения к славянским корням («баячь»),

суффиксам (-ахарь, -ын и др.), создание окказионализмов, внешне напоминающих старославянские слова («восчла», «деймо», «бывьмо» и др.). Очевидно, что создание поэтами-футуристами окказиональных слов нередко вызвано стремлением заменить лексемы иноязычного происхождения. В этом проявляется скрытое увлечение поэтов-футуристов славянофильскими идеями. Однако не только этим обусловлено создание новых слов в практике футуристического «словоновшества». Это и стремление к эпатажу, и попытка создания «вселенского языка», и проявление ощущения недостаточности имеющихся в языке лексем для выражения определенных настроений.

Ориентированность поэтов-футуристов на использование «аномальных» лексических единиц, на создание и тиражирование в прозаических и поэтических текстах большого числа окказионализмов создают условия для привлечения читателя к своеобразной «игре в прятки». Чтение футуристических текстов невозможно без активного соучастия со стороны читающего, который должен разыскать скрытый смысл окказионального слова. Подобная языковая игра призвана активизировать скрытые потенции языка и заставить читателя размышлять не только над какой-либо одной лексемой, но и над всем текстом в целом.

Русская поэзия, благодаря представителям футуризма, чьи идеи создания единого сообщества людей, сообразованного с природой, актуальны и в наше время, получила импульс для развития на сотни лет вперед.

Поскольку окказионализмы встречаются не только в русском языке, можно предположить, что окказиональные слова не только речевое, но и в известном смысле – языковое явление. В связи с этим возникает необходимость создания словаря окказионализмов, один из вариантов которого предложен автором работы.

Так как главная функция языка художественной литературы – это функция эстетическая, то индивидуально-авторские неологизмы, выполняя определенные функции (чаще даже – несколько функций одновременно), являются средством создания художественного образа, передающего специфическое авторское видение мира, и оказываются тесно связанными с особенностями идиостиля поэта.

Поэты-футуристы: Велимир Хлебников, Алексей Крученых, Василий Каменский, Бенедикт Лившиц, Елена Гуро, Константин Большаков и другие – великие дети эпохи, чьи творения (и поэтические, и прозаиче-

ские) ждут того момента общественного развития, когда человек, все человечество повзрослеет, созреет окончательно для футуристически «слово-нового» «вселенского языка». И звучат как самоотречение, как осознание себя частицей вселенной, робкие, грустные, по-детски беспомощные слова в пространстве:

"Мне мало надо!

Краюшку хлеба

И каплю молока.

Да это небо,

Да эти облака!" [Хлебников, 1987, с. 83]

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФУТУРИЗМА

(на материале поэтических сборников начала XX века)

А

АЛОШЁЛКОВО, нареч. – подобно красному знамени. ~ "Весна народная": *Развейся судьба алошелково* [Каменский 1918: 86]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *алошёлковый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: ал(ый) + шелк + ов → *алошёлковый*): алошелков(ый) + о.

АЭРОМЕЧТА, -ы, ж., н. – мечта о полете. ~ "*Аэромечта*" [Большаков 1916 б: 20]. # Сложение корней: аэро + мечт(а).

АЭРОТИШЬ, -и, ж., н. – тишина воздуха, небо, небесная сфера. ~ "У реки на песке": *А я рядом слушаю аэро тишь* [Каменский 1918: 12]. # Сложение корней: аэро + тишь.

Б

БАЯЧЬ, -и, ж., н. – разговор, речь. ~ *Указав на этот конец конца баячи* [Крученых 1913 б: 16]. # Скорнение (здесь и далее – специфический способ словообразования футуристов – термин В.П. Григорьева): *баять* + *речь*. Ср. НП: баяч (колл.) /2/ [Слово 11,11,12] С-МО МС: баять ✧ <...> Мы, баячи будетляне, больше думали о слове (с. 89).

БЕЖАЛЬ, -и, ж., н. – то, что быстро движется, бежит. ~ "Карусель": *Бежалъ* [Каменский 1918: 42]. # Афф., суф.: бег + аль (г//ж). Ср.: НП: бежалъ /2/ [П 21; SS 392] {RV 108-110, ВГ 136} С-ж МС: бежать ✧ Знать / Бежалъ / Леталь / Цветаль / Писаль / см. также плескаль (с. 93).

БЕЗМОЛВНО-ОКУНУТЫЙ, -ое, -ая – опушенный в жидкость без характерного всплеска. ~ "Вечер": *Безмолвно-окунутый спит в изумруде ... гнев* [Большаков 1916 б: 47]. # Сращение наречия и прилагательного: безмолвно + окунутый.

БЕЗМОЛВНО-ХРУПКИЙ, -ое, -ая – предрассветный; Б.-х. (час) – час, тишина которого вот-вот нарушится. ~ К.Б. "Весна, изысканность мужского туалета...": *Безмолвно-хрупкий час* [*Футуристы 1914*: 123]. # Сращение наречия и прилагательного: безмолвно + хрупкий.

БЕЗМОЛВНО-ЧЁРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – молчаливый. ~ "Ночь придет...": *Упадет с безмолвно-черных башен звон полночных роковых минут* [*Большаков 1911*: 54]. # Сращение наречия и прилагательного: безмолвно + черный.

БЕЗОБЛАЧНО-НЕБЕСНО, нареч. – под чистым небом. ~ "Моя карьера": *Жить безоблачно-небесно* [*Каменский 1918*: 38]. # Сложение слов: безоблачно + небесно.

БЕЛОВАТИК, -а, м., о. – небольшое существо белого цвета. ~ "Слова любви и тепла": *Беловатик, кошуратик-потасик* [*Гуро 1909*: 121]. # Афф., суф.: беловат(ый) + ик.

БЕЛОМЕТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф., – 1) видный издалека; 2) отмеченный белым, с белой меткой (отметиной). ~ Н.А. "Грозува": *Ее белометная грудь* [*Асеев 1915*: 12]. # 1) Сложноссуф.: бел(ый) + мета(ть) + н; 2) Сложноссуф.: бел(ый) + мети(ть) + н.

БЕРЕГОВОР, -а, м., н., н.ф. – Сосновый лес (бор) на берегу реки. ~ "Берег": *И берегоборы!* [*Каменский 1918*: 65]. # Сложение корней: берег + бор.

БЕРЕГОВАЛ, -а, м., н. – крутой берег, обрыв. ~ "Берег": *И береговал* [*Каменский 1918*: 65]. # Сложение корней: берег + вал.

БЕРЕГОВЕЧЕР, -а, м., н. – вечер на берегу. ~ "Берег": *И береговечер* [*Каменский 1918*: 65]. # Сложение корней: берег + вечер.

БЕРЕГОГОРА, -ы, ж., н., н.ф. – река, окруженная горами, река, оба берега которой обрывисты. ~ "Берег": *И берегогора* [*Каменский 1918*: 65]. # Сложение корней: берег + гор(а).

БЕРЕГОДЕНЬ, -я, м., н. – день на берегу. ~ "Берег": *И берегодень* [Каменский 1918: 65]. # Сложение корней: берег + день.

БЕРЕГОКАМА, -ы, ж., н. – берег реки Камы. ~ "Берег": *И берегокама* [Каменский 1918: 65]. # Сложение корней: берег + Кам(а).

БЕРЕГОНЕБО, -а, с., н. – место, где сливаются небо и берега, то есть горизонт. ~ "Берег": *И берегонебо* [Каменский 1918: 65]. # Сложение корней: берег + неб(о).

БЕРЕГОРЕКА, -и, ж., н., н.ф. – река в берегах (здесь, очевидно, – пляж). ~ "Смотрите ясно": *На золото-россынях берегореки* [Каменский 1918: 65]. # Сложение корней: берег + рек(а).

БЕСКОНЕЧНО-ВИТЬСЯ (БЕСКОНЕЧНО-ВЬЮЩИЙСЯ – прич.) н.ф. – виться без конца (Б.-в. лента (ФО) – река). ~ "Бельгия": *Синей бесконечно-вьющейся лентой* [Большаков 1916 б: 55]. # Сращение наречия и глагола: бесконечно + виться.

БЕСКОНЕЧНО-ГОРЯЧИЙ, -ее, -ая, н.ф. – не знающий покоя от жары. ~ "Так жизнь идет": *Улица стала бесконечно-горячей* [Гуро 1909: 41]. # Сращение наречия и прилагательного: бесконечно + горячий.

БЕСФОНАРНО, нареч. – темно, неосвещенно, без света. ~ В.Ш. "Прямо в небо качнул я вскрик свой...": *Прямо в пухлое небо без гудка, бесфонарно* [Футуристы 1914: 21]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *бесфонарный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: бес + фонарь + н → *бесфонарный*): бесфонарн(ый) + о.

БЕСЦЕННО-МИЛЫЙ, -ое, -ая – дорогой, преданный. ~ *Бесценно-милый друг* [Большаков 1916 а: 4]. # Сращение наречия и прилагательного: бесценно + милый.

БЕСШАБАШИТЬСЯ, -усь, -ишься, НСВ – поступать бесшабашно, лихачить. ~ "Любовь поэта": *Я люблю бесшабашиться* [Каменский 1918: 129]. # Афф., суф.-постф.: *бесшабашн(ый)* + и(ть) + ся (усеч. основы).

БИРЮЗОСМОЛЬЕ, -я, с., н., н.ф. – синеватый песок, смола цвета бирюзы (здесь, вероятно, янтарь). ~ "Смотрите ясно": *На россыпях бирюзосмолья* [Каменский 1918: 47]. # Сложносуф.: бирюз(а) + смол(а) + ј.

БЛЕДНО-ГРУСТНЫЙ, -ое, -ая – побледневший от постоянных переживаний. ~ "Странная песня": *Бледно-грустный, но живой ... призрак песни* [Большаков 1911: 129]. # Срращение наречия и прилагательного: бледно + грустный.

БЛЕСКО, нареч. – с блеском. ~ "Море плавно и блеско" [Гуро 1914: 63]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *блеский* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: блеск + Ø → *блеский*): блеск(ий) + о.

БЛЕСТЕЛЬ, -и, ж., н., то, что блестит. ~ "Карусель": *Блестель*. [Каменский 1918: 42].# Афф., суф.: блесте(ть) + ль.

БЛИЖАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – становиться ближе, приближаться. ~ *Гром ближает* [Асеев 1914: 4]. # Афф., суф.: близ + а(ть) (з/ж).

БЛОХОБОЙСТВО, -а, с., н., н.ф. – умерщвление (битье) блох. ~ *Бросьте все, учитесь блохобойству* [Крученых 1913 а: 13]. # Сложносуф.: блох(а) + би(ть) + ств.

БОГАТИНКА, -и, ж., н., н.ф. – маленькая, но очень дорогая вещь. ~ "Домашние": *Они принесли любимые богатинки* [Гуро 1909: 124]. # Афф., суф.: богат(ый) + инк.

БОЛЕЗНЕННО-ЧЁРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – почерневший от болезни. ~ "Перед весной": *Бездонные болезненно-черные глаза* [Гуро 1909: 10]. # Срращение наречия и прилагательного: болезненно + черный.

БОРГОРА, -ы, ж., н., н.ф. – лесистый склон горы. ~ "Жду": *Я стою ... на боргоре* [Каменский 1918: 79]. # Сложение корней: бор + гор(а).

БРЕГОБЕГ, -а, м., н. – волны набегающие на берег, прибой. ~ Н.А. "Брегобег" [Асеев 1915: 13]. # Сложение корней: брег + бег.

БРЕЖЖЕНЬ, -и, ж., н. – то, что брежит, м/б рябь на воде. ~ Г.П. "Валы": *В быстробрежную брежжень* [Асеев 1915: 26]. # Афф., суф.: брежи(ть) + ень (усеч. осн.).

БРИЛЛИАНТОВО-ЧЁРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – цвета звездного неба, черный с блестками. ~ "План изумрудный": *Бриллиантово-черная ... , буд-то звездная ночь в Тегеране* [Каменский 1918: 13]. # Сращение наречия и прилагательного: бриллиантово + черный.

БРИТВИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – брить, резать, царапать. ~ В.Ш. "К Большакову": *И чьи-то острые глаза бритвят по щекам моим* [Футуристы 1914: 15]. # Афф., суф.: бритв(а) + и(ть).

БУЩА, -и, ж., н. – роща (куща) того, что было. ~ Н.А. "Заповедная Буща" [Асеев 1915: 11]. # Скорнение: быть + куща(пуща).

БЫСТРОБРЕЖНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – 1) набегающий на берег; 2) то, что быстро перемещается (брежит). ~ Г.П. "Валы": *В быстробрежную брежжень* [Асеев 1915: 26]. # 1) Сложносуф.: быстр(ый) + берег + н (г//ж); 2) Сложносуф.: быстр(ый) + брежи(ть) + н (усеч. основы).

БЫСТРОВЬЕ, -я, с., н., н.ф. – нечто быстрое, стремительное. ~ Г.П. "Ветрогон": *Разуметь не можно быстровий* [Асеев 1915: 17]. # Афф., суф.: быстр(ый) + овьj.

БЫСТРЬ, -и, ж., н. – нечто быстрое, стремительное. ~ "За отряд прилетевших уток...": *За тебя с пролетающей быстрыю* [Асеев 1916 б: 9]. # Афф., суф.: быстр(ый) + Ø. Ср. В.Д.: быстрь (быстрый) – ж. самое быстрое, бойкое место потока, русла; стрежень (1, с. 150).

БЫТЬ, -и, ж., н., н.ф. – то, что было. ~ Н.А. "У самого синего...": *Инописец старинных бытей* [Асеев 1915: 14]. # 1) Афф., суф.: бы(ть) + ть; 2) Переосмысл.: быть (гл.) → быть (сущ.).

В

ВДОВНИЦА, -ы, ж., о. – вдова. ~ "В Дельфине": *Ах, любовница - вдовница! Где вы?* [Каменский 1918: 73]. # Афф., суф.: вдов(а) + ниц.

ВЕЗИЧИТЬ, -у, -ишь, НСВ, н.ф. – перевозить нечто. ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Везичь везей впереди* [Асеев 1915: 11]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *везич* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: *везь* + *ич* → *везич*): *везич* + *и(ть)*; м/б ВЕЗИЧЬ, -и, ж., о. – тот, кто везет # Афф., суф.: *вез(ти)* + *ичь*.

ВЕЗЬ, -и, ж., н., н.ф. – то, что везут, поклажа. ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Везичь везей впереди* [Асеев 1915: 11]. # Афф., суф.: *вез(ти)*+ ∅.

ВЕЛЕБА, -ы, ж., о. – богиня, повелительница неба. ~ Н.А. "Граница": *Грозась, несет велеба* [Асеев 1915: 10]. # Скорнение: *велеть* + *небо*.

ВЕНЧАЛЬ, -и, ж., н. – конец. ~ "Акафист": *О поэтическая венчаль!* [Каменский 1918: 44]. # Афф., суф.: *венча(ть)* + *ль*.

ВЕНЧАЛЬНИЦА, -ы, ж., о., н.ф. – та, что венчает (венчается), м/б невеста. ~ "Дарю": *Чтобы гулялось всегда венчальнице* [Каменский 1918: 93]. # Афф., суф.: *венчаль* + *ниц*.

ВЕНЧАЛЬНОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – то, что заканчивает (венчает) что-либо (дело), м/б окончание. ~ "На Великий Пролом": *В стройных венчальностях души* [Каменский 1918: 131]. # Афф., суф.: *венчаль* + *ность*.

ВЕРТЕЛЬ, -и, ж., н. – то, что вертит (вертится). ~ "Карусель": *Вертель* [Каменский 1918: 42]. # Афф., суф.: *верте(ть)* + *ль*.

ВЕРХОГЛАВЬЕ, -я, ж., н. – то, что находится наверху, м/б правительство. ~ *Верхоглавье страны светлошапой* [Асеев 1914: 9]. # Сложно-суф: *верх* + *глав(а)* + *ј*.

ВЕСЕЛЬ, -и, ж., н., – веселье, то, что веселит (веселиться). ~ "Карусель": *Веселье*; [Каменский 1918: 42]. # Усеченное от веселье.

ВЕСЕННЕ-БЕЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – цвета весенних белых цветов. ~ "Готическая миниатюра": *И подобно весенне-белым цветам красоты* [Гуро 1909: 139]. # Сложение основ: *весенн(ий)* + *бел(ый)*.

ВЕСЕННЕ-КРУГЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – имеющий отношение к весне; весенне-круглые игры (ФО) - хороводы. ~ "Странная": *В играх весенне-круглых таились сказки* [Каменский 1918: 59] # Сложение основ: весенн(ий) + кругл(ый).

ВЕСЕННИТЬСЯ, -юсь, -ишься, н.ф. – вести себя по-весеннему, влюбляться, "жить" весной. ~ "Грустинница": *Весеннится луна* [Каменский 1918: 58]. # Афф., суф.-постф.: весенн(ий) + и(ть) + ся.

ВЕСНЕЯНИЕ, -я, с., н. – весеннее сияние. ~ "Небо + озеро + омут": *Пасхальность. Христос. Веснеяние* [Каменский 1918: 13]. # Скорнение: весна + сияние.

ВЕСНЕЯНКА, -и, ж., о., н.ф. – девушка весной, представительница весны. ~ "Звучаль веснеянки" [Каменский 1918: 1]. # Афф., суф.: весн(а) + еянк.

ВЕСНЕ-ЯСНЫЙ, -ое, -ая – светлый по-весеннему. ~ "Жду": *Я лишь искатель весне-ясный* [Каменский 1918: 76]. # Необ. сложение корней (должно быть два прил.): весн(а) + ясный.

ВЕСТИННИЦА, -ы, ж., н. – вестница, м/б вестница неба – заря. ~ "Грустинница": *В небе льет вестинница* [Каменский 1918: 58]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *вестина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: *весть* + *ин* → *вестина*): вестин(а) + ниц.

ВЕТВИННОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – 1) разветвленность; 2) невинность ветвей. ~ "Грустинница": *В ветвинностях близки* [Каменский 1918: 58]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *ветвина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: *ветвь* + *ин* → *ветвина*): ветвин(а) + ность; 2) Скорнение: ветвь + невинность.

ВЕТВИНО-СТРОЙНО-ГИБКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – обладающий качеством стройных гибких ветвей. ~ "Таиться зов": *В ветвино-стройно-гибких линиях* [Каменский 1918: 24]. # Необ. сращение двух наречий и прилагательного: ветвино + стройно + гибкий.

ВЕТКА-ПРИВЕТКА, -и, ж., н. – ветка, посылающая привет. ~ "Вольный рыбак": *Где-то ветка-приветка качается* [Каменский 1918: 71]. # Сложение слов (при образовании пропущен один деривационный шаг: привет + к → *приветка*): ветка + приветка.

ВЕТРИВО, нареч. – под действием ветра. ~ *Галстучек ветриво трепался* [Асеев 1914: 11]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *ветривый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: ветер + ив → *ветривый*): ветрив(ый) + о.

ВЕТРИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – действовать подобно ветру, под воздействием ветра. ~ "Таится зов": *Ветрится смысл в ветрах* [Каменский 1918: 24]. # Афф., суф.-постф.: ветер + и(ть) + ся.

ВЕЧЕРИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – что-либо делать вечером, темнеть, смеркаться. ~ "Солнцегреюсь": *Вечерится разливые* [Каменский 1918: 79]. # Афф., суф.-постф.: вечер + и(ть) + ся. Ср. В.Д.: вечериться (вечер) – пск. Гулять поздно вечерами, шататься, волочиться (I, с. 189).

ВЕЧНОГОЛУБОЙ, -ое, -ая, н.ф. – всегда голубого цвета. ~ Н.А. "Выбито на ветре": *Вечноголубые эти жалобы* [Асеев 1915: 9]. # Срращение наречия и прилагательного: вечно + голубой.

ВЕЧНО-ЖЕНСТВЕННЫЙ, -ое, -ая – всегда изменчивый, подобный женщине. ~ Б.Л. "Пьянителю рая": *И вечно-женственный камыш* [Бурлюк 1913: 61]. # Срращение наречия и прилагательного: вечно + женственный.

ВЕЧНО-ЖЁЛТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – всегда окрашенный желтым, солнечный; В.-ж. сторона (ФО) – м/б Китай. ~ Б.Л. "Тепло": *Из вечно-желтой стороны еще не додано объятий* [Хлебников 1913: 13]. # Срращение наречия и прилагательного: вечно + желтый.

ВЕЧНО-НОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – всегда остающийся новым, молодым. ~ "Я хочу быть странным, странным": *В вечно-новой перемене все волю в напев стихов* [Большаков 1911: 35]. # Срращение наречия и прилагательного: вечно + новый.

ВЗГОЛУБИТЬСЯ, -юсь, -ишься, СВ, н.ф. – 1) окраситься голубым цветом; 2) стать подобным голубю, м/б подняться вверх. ~ "Развесенье": *Взголубились крылья майные* [Каменский 1918: 32]. # Префиксальное образование от потенциального производящего глагола *голубиться* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: голуб(ой) + и(ть) + ся → *голубиться*): вз + голубиться. Возможно: афф., преф.-суф.-постф.: 1) вз + голуб(ой) + и(ть) + ся; 2) вз + голубь + и(ть) + ся.

ВЗМОТОРИТЬ, -ю, -ишь, СВ – взлететь, подняться вверх при помощи мотора. ~ "Аэромечта": *Взмоторить вверх* [Большаков 1916 б: 20]. # Префиксальное образование от потенциального производящего глагола *моторить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: мотор + и(ть) → *моторить*): вз + моторить. Возможно: афф., преф.-суф.: вз + мотор + и(ть).

ВЗОРИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – смотреть. ~ "Мягко в моторе...": *Взорили сердце* [Большаков 1916 б: 18]. # Афф., суф.: взор + и(ть). Ср. В.Д.: взорить (взирать) - твр. взетить, удивить, усмотреть, узреть (I, с. 197).

ВЗОРНОМЕРКНУТЬ (ВЗОРНОМЕРКНУЩИЙ –прич.) н.ф. – гаснуть на глазах. ~ "Пил безнадежный чай...": *Над взорномеркнувшей свечой* [Большаков 1916 б: 13]. # Сложение основ (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: взор → *взорный*): взорн(ый) + меркнуть.

ВЗЫСКРИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – вспыхивать подобно искре (от искры). ~ В.Ш. "Послушайте! Я и сам знаю...": *Электрической пылью взыскриваются ваши глаза* [Футуристы 1914: 16]. # Афф., преф.-суф.-постф.: вз + искр(а) + ива(ть) + ся.

ВИЗГ-ПОЮЗГ, -а, м., н., н.ф. – визжаще-поющий звук. ~ "Словонovy": *Визги-поюзги* [Крученых 1913 а: 4]. # Сложение слов (при образовании пропущен один деривационный шаг: пе(ть) + юзг (е\o) → *поюзг*): визг + поюзг.

ВИНОГРАДНО, нареч. – гибко, подобно виноградной лозе. ~ "Тифлис": *Я виноградно закружился* [Каменский 1918: 159]. # Афф., суф.: виноградн(ый) + о.

ВИНОПИТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – пить вино; (ВИНОПЬЮЩИЙ – прич.) – пить вино, пьянствовать. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": Винопьющих за оградой стекольной [Футуристы 1914: 21]. # Сложение слов: вино + пить.

ВМОРФЛЕННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – 1) находящийся под воздействием морфия; 2) находящийся в каждой части слова (морфе). ~ "Святое ремесло": И вморфлена ты, кровь искусства [Большаков 1916 б: 23]. # 1) Суффиксальное образование (образуется форма слова) от несуществующего глагола вморфить (при образовании пропущен один деривационный шаг: в + морф (морфий) + и(ть) → вморфить): вморфить + енн (ф//фл); 2) то же, от «морф».

ВНЕВЕЧНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – находящийся вне вечности (вне времени); вневечный кегельбан (ФО) – м/б вселенная. ~ В.Ш. "К. Большакову": А я - солнечным шаром в кегельбане вневечном [Футуристы 1914: 16]. # Сложение основ: вне + вечн(ый).

ВНЕМИРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – находящийся вне мира, м/б умерший. ~ И в чем уплыл как не в кровати ли в пространство внемирное [Большаков 1916 а: 6]. # Сложение основ: вне + мирн(ый). Ср. Н.П.: внемирный /2/ [SS 382] {RV 85; ВГ 158} П МС: мир ✧ Мирщинность / Веюн игранств внемирных (с. 117).

ВОДИК, -а, м., н. – небольшой неглубокий водоем, лужа. ~ "От счастья легко рождаются слова!": Прудик, водит, бродик [Гуро 1914: 48]. # Афф., суф.: вод(а) + ик.

ВОДИНКА, -и, ж., н., н.ф. – капля. ~ Осыпали себя крупными брызгами - водинками [Каменский 1911: 88]. # Афф., суф.: вод(а) + инк.

ВОДОКРАЙ, -я, м., н., н.ф. – край воды, берег какого-либо водоема. ~ "У реки на песке": По водокраю кулик бежит [Каменский 1918: 12]. # Сложение корней: вод(а) + край.

ВОДОНЕБИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – выпадать в виде осадков, дождить. ~ "Водотражали": Водонебится небоводится [Каменский 1918: 7]. # Сложносуф. + постф.: вод(а) + неб(о) + и(ть) + ся.

ВОДОПАДНО, нареч. – подобно водопаду, стремительно, блестяще. ~ "Глубже неба поэзии": *Надо жить водопадно* [Каменский 1918: 154]. # Афф., суф.: водопадн(ый) + о.

ВОДОТРАЖАЛЬ, -и, ж., н., н.ф. – отражение в воде. ~ "Водотражали" [Каменский 1918: 7]. # Сложносуф.: вод(а) + отража(ть) + ль.

ВОЗБУЖДЁННО-БЕЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – бледный от возбуждения. ~ "Песни города": *Вот возбужденно-белые стоны* [Гуро 1909: 29]. # Сращение наречия и прилагательного: возбужденно + белый.

ВОЗВЕСТИК, -а, м., о., н.ф. – тот, кто возвестит о чем-либо. ~ "Странное": *Не угодно ли послать возвестника* [Каменский 1918: 59]. # Афф., суф.: возвести(ть) + ник (усеч. осн.). Ср. В.Д.: возвестник (возвещать) - объявитель вести, извещающий о чем; глашатай, вестник (I, с. 225).

ВОЛКЛО, нареч. – 1) сыро; 2) подобно волку, волчьему вою, тоскливо; 3) медленно, неспешно. ~ "Этим днем...": *Этим днем было... тихо и волкло* [Каменский 1918: 72]. # 1) переогласовка: волг_ло → волк_ло; 2) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *волклый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: волк + л → *волклый*): волкл(ый) + о; 3) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *волоклый* (при образовании слова (от гл. волочь, волочить) пропущен один деривационный шаг: воло(чь) + л → *волоклый*): волокл(ый) + о.

ВОЛНИСТО-МЛЕЧНЫЙ, -ое, -ая – подобный волнистому млечному пути, ночной, небесный. ~ "Городу": *Ты ткешь волнисто-млечный путь* [Большаков 1916 б: 45]. # Сращение наречия и прилагательного: волнисто + млечный.

ВОЛНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – быть подобным волне, волноваться. ~ "Любовь поэта": *Волнятся волны* [Каменский 1918: 129]. # Афф., суф.-постф.: волн(а) + и(ть) + ся.

ВОЛНЬ, -и, ж., н., – волна, волнение. ~ Г.П. "Туманы": *Волнь ветровая разрежет* [Асеев 1915: 20]. # Афф., суф.: волн(а) + Ø.

ВОЛТОРНОПАССАЖ, -а, м., н. – игра на волторне. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": *Засеменили вяло ... волторнопассаж* [Футуристы 1914: 22]. # Сложение корней: волторн(а) + пассаж.

ВОРКОТИК, -а, м., о. – 1) вороватый кот; 2) мурлыкающий ("воркующий") кот. ~ "Слова любви и тепла": *Воркотик дуратик, котик пушатик* [Гуро 1914: 121]. # 1) Сложение слов: вор + котик; 2) Скорнение: ворковать + КОТИК.

ВОРОНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – вести себя подобно вороне, каркать. ~ "Наследство ржавое": *Воронятся вороны* [Каменский 1918: 39]. # Афф., суф.-постф.: ворон + и(ть) + ся.

ВОСТОРЖЕННО-ГОРДЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – гордый до состояния восторга, надменный. ~ "Скрипач": *Яд воспоминаний не вонзался в его восторженно-гордую душу* [Большаков 1911: 14]. # Сращение наречия и прилагательного: восторженно + гордый.

ВПЕТЛИЧИТЬ, -у, -ишь, СВ, н.ф. (ВПЕТЛИЧИВ - деепр.) – вставить в петлицу. ~ "Посвящение": *Впетличив в сердце звездичной крови* [Большаков 1916 б: 17]. # Афф., преф.-суф.: в + петлиц(а) + и(ть) (ц/ч).

ВРЕМАТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся ко времени. ~ *Врематые дружины* [Асеев 1914: 6]. # Афф., суф.: врем(я) + ат. Ср. Н.П.: Врематый /2/ [IV 19; SS 384...; НХ-VIII 3] {RV 80; ВГ 158} П МС: время ✧ временный муж /Врематой были воздвиг я замок/ Нощатой зови узнал я весть, см. также босовь (с. 124).

ВСЕМОГУЩЕ-ГРОМКИЙ, -ое, -ая – признанный всеми. ~ "Скрипач": *Он дает ему всемогуще-громкий успех* [Большаков 1911: 12]. # Сложение основ: всемогущ(ий) + громк(ий).

ВСПЕНЬЕ, -я, с., н. – певучий звук. ~ В.Ш. "Прохожие липнут мухами...": *Вспенье трамваев из-за угла* [Футуристы 1914: 23]. # Афф., преф.: вс + пенье.

ВСТОЛБИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. (ВСТОЛБЛЕННЫЙ – прич.) – поставить крепко как столб. ~ "Маяковский": *Столб гудящий, встолбленный* [Каменский 1918: 85]. # Афф., преф.-суф.: в + столб + и(ть).

ВСТРЕЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) начало, встреча; 2) печальная встреча. ~ "Акафист": *О поэтическая встречаль* [Каменский 1918: 44]. # 1) Афф., суф.: встреча(ть) + ль; 2) Скорнение: встреча + печаль.

ВЫСОЛНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, СВ, н.ф. – расположиться под солнцем; страдать от засушливого лета. ~ "Смотрите ясно": *Девушки высолнились* [Каменский 1918: 48]. # Афф., преф.-суф.-постф.: вы + солнц(е) + и(ть) + ся (усеч. осн.).

ВЫЧЕРНЕТЬСЯ, -юсь, -ишься, СВ, н.ф. (ВЫЧЕРНЕВШИЙСЯ - прич.) – почернеть, стать черным. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": *Заводской трубой вычерневшее небо пробило* [Футуристы 1914: 2]. # Афф., преф.-суф.-постф.: вы + черн(ый) + е(ть) + ся.

Г

ГДЕТОТАМИЯ, -и, ж., н., н.ф. – неизвестная страна, находящаяся где-то там. ~ "В Гдетотамии нетамии..." [Каменский 1918: 6]. # Сложносуф.: где-то + там + иј.

ГИБКОСТРОЙНОСТЬ, -и, ж., н. – одновременное сочетание гибкости и стройности. ~ "Заячья мистерия": *Гибкостройность - весна песнянки* [Каменский 1918: 3]. # Афф., суф.: гибкостройн(ый) + ость.

ГИБКОСТРОЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – обладающий и гибкостью, и стройностью. ~ "Маяковский": *Гибкостройная ... девушка* [Каменский 1918: 85]. # Сращение наречия и прилагательного: гибко + стройный.

ГИБКОСТРУННЫЙ, -ое, -ая – обладающий гибкостью, присущей струнам. ~ "План изумрудный": *О гибкострунный восток* [Каменский 1918: 14]. # Сращение наречия и прилагательного: гибко + струнный. М/б сложносуф.: гибк(ий) + струн(а) + н.

ГЛУБОКО-СИНИЙ, -ее, -ая, н.ф. – синий до глубины, бездонный. ~ В.К. "Мне все говорило...": *Чашка мне кажется ... глубоко-синей* [Футуристы 1914: 74]. # Сращение наречия и прилагательного: глубоко + синий.

ГЛУПО-ВЯЛО, нареч. – медленно и бесцельно. ~ "Приехал в Ялту": *Гуляли глупо-вяло ... провинциалы* [Каменский 1918: 78]. # Сложение слов: глупо + вяло.

ГОЛОВОКРУЖИТЬСЯ, -усь, -ишься, НСВ, н.ф. (ГОЛОВОКРУЖАСЬ - деепр.) – кружиться до головокружения; кружиться над головой. ~ "Аэромечта": *Головокружась в мечтах кометами* [Большаков 1916 б: 2]. # Сложение основ: голов(а) + кружи(ть)ся.

ГОЛОСИСТО-НЕЖНО, нареч. – с нежным голосом. ~ *Голосисто-нежно разливаются жаворонки* [Каменский 1911: 81]. # Сложение слов: голосисто + нежно.

ГОЛУБИННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – 1) относящийся к голубю; 2) бездонный; голубинная дорога (ФО) - небо. ~ "Улыбнись": *Цвети, голубинная дорога* [Каменский 1918: 74]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *голубина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: голубь + ин → *голубина*): голубин(а) + н; 2) Скорнение: голубь + глубинный.

ГОЛУБИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – 1) окрашиваться голубым; 2) становиться похожим на голубя, лететь. ~ "Овечка у дома": *Небокрай голубится* [Каменский 1918: 65]. # 1) Афф., суф.-постф.: голуб(ой) + и(ть) + ся; 2) Афф., суф.-постф.: голубь + и(ть) + ся. Ср. В.Д.: голубиться (голубой) – окрашиваться, синиться (I, с. 370).

ГОЛУБОВАТО-ГЛУПОВАТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – уродливый, идиотический. ~ "Смотреть на глуповатые лица...": *Но в них, голубовато-глуповатых, есть что-то хорошее всегда* [Ивнев 1913: 2]. # Сращение наречия и прилагательного: голубовато + глуповатый.

ГОЛУБООСЕННИЙ, -ее, -ая, н.ф. – прозрачный после осеннего листопада. ~ "О, королева...": *На голубоосенней тишине* [Большаков 1916 б: 11]. # Сложение основ: голуб(ой) + осенн(ий).

ГОЛУБОЯСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – безоблачный. ~ *Голубоясные дни* [Каменский 1911: 27]. # Сложение основ: голуб(ой) + ясн(ый).

ГОНИТВА, -ы, ж., н., н.ф. – отгоняющая (оберегающая) молитва. ~ Г.П. "Миросель": *Так отвечает в гонитве* [Асеев 1915: 19]. # Скорнение: гонять + молитва.

ГОРАСТОЯЛЬ, -и, ж., н. – высокая гора. ~ "Водотражали": *Горастояль на берегонебе* [Каменский 1918: 6]. # Сложносуф.: гор(а) + стоя(ть) + ль.

ГОРИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – увеличиваться. ~ "В Крыму кофе": *А в сердце горе горится* [Каменский 1918: 18]. # Афф., суф.-постф.: гор(е) + и(ть) + ся.

ГОРНОУРАЛЬСКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к уральским горам. ~ "На Великий Пролом": *Горноуральский орлом* [Каменский 1918: 131]. # Сложение основ: горн(ый) + уральск(ий).

ГОРЬКО-СЛАДКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – любой; Г.-с. плоды (ФО) – здесь – абсолютно все. ~ *Кончилась Земля и горько-сладкие плоды ее* [Крученых 1913 б: 1]. # Сращение наречия и прилагательного: горько + сладкий.

ГОРЮН, -а, м., о. – тот, кто горюет. ~ Г.П. "Норов": *Горюн распластался на небоземе* [Асеев 1915:18]. # Афф., суф.: гор(е) + юн.

ГРЕМЛЬ, -я, м., н., – 1) то, что гремит, звук грома; 2) м/б повелитель (Бог) грома. ~ *Гремль* [Асеев 1914: 8]. # 1) Афф., суф.: греме(ть) + ль (усеч. основы); 2) Скорнение: гром + кремль.

ГРОЗУВА, -ы, ж., н. – гроза. ~ Н.А. "*Грозува*" [Асеев 1915: 11]. # Афф., суф.: гроз(а) + ув.

ГРОМКАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. (ГРОМКАЮЩИЙ – прич.) – издавать громкие звуки. ~ В.Ш. "Прямо в небо качнул я вскрик свой...": *Громкающий паровоз врезал свой стальной галоп* [Футуристы 1914: 21]. # Афф., суф.: громк(ий) + а(ть).

ГРОМОПАЛ, -а, м., н. – оружие, извергающее гром, стреляющее громом. ~ *Закидывает громопал за плечи* [Асеев 1914: 3]. # Сложение корней: гром + пали(ть) (усеч. осн.).

ГРУЗОВОЗ, -а, м., н. – нечто, перевозящее грузы. ~ В.М. "По эхам города проносят шумы...": *Ящики шума пронесет грузовоз* [Хлебников 1913: 22]. # Сложение корней: груз + вози(ть).

ГРУСТИНИЯ, -и, ж., н., н.ф. – страна грусти, м/б Земля. ~ "Над *Грустинией*" [Каменский 1918: 43]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *грустина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: грусть + ин → *грустина*): грустин(а) + иј.

ГРУСТИННИЦА, -ы, ж., о. – та, что грустит. ~ "План изумрудный": *Грустинница Севера* [Каменский 1918: 14]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *грустина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: грусть + ин → *грустина*): грустин(а) + ниц.

ГРУСТИННЫЙ, -ое, -ая – грустящий. ~ "Вечер на Каме": *Кто-то грустинный когда всколыхнет* [Каменский 1918: 16]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *грустина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: грусть + ин → *грустина*): грустин(а) + н (в этом случае (*грустиния, грустинница, грустинный*), очевидно, мы можем говорить о целом окказиональном словообразовательном гнезде).

ГРУСТНО-МИЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – добрый, но грустный. ~ "Самоубийца": *Грустно-милый взгляд* [Большаков 1916 б: 31]. # Срращение наречия и прилагательного: грустно + милый.

ГРУСТНООКИЙ, -ое, -ая, н.ф. (ГРУСТНООК – кр. прил.) – с печальными глазами. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Грустнооких грустняков* [Футуристы 1914: 74]; "Грустинница": *Жених твой грустноок* [Каменский 1918: 59]. # Сложение основ: грустн(ый) + ок(о).

ГРУСТНЯК, -а, м., н. – то, что грустит. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Грустнооких грустняков* [Футуристы 1914: 74]. # Афф., суф.: грусть + няк. Ср. Н.П.: грустняк /2/ [IV 9, 9, 19, 20; НП 65] {ВГ 138, 172, 182, 235} С-М МС: Грусть, грустить АС: ивняк ✧ см. блудатый, времяклювый, ширина, немвянный, первомирельщик (с. 141).

ГУДО, нареч. (ГУДЕЙ – сравн. степень) – громче. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": *И взметнулся моего голоса испуганный шмель, задевая за провода все сильнее и гудей* [Футуристы 1914: 21]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *гудый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: гуд + Ø → гудый): гуд(ый) + о.

ГУДИЛО, -а, с., н. – колокол. ~ *За речкой забренчало медное гудило* [Каменский 1911, с.81]. # Афф., суф.: гуде(ть) + ил (усеч. осн.).

Д

ДАВИЙ, -ье, -ья, н.ф. – происходивший давно. ~ Н.А. "Грозува": *Да давьяго дневьяго дня* [Асеев 1915: 11]. # Переогласовка: давний → давий.

ДАЛЕЧИНА, -ы, ж., н., н.ф. – то, что находится далеко. ~ "В Гдето-тамии Нетамии": *В царстве Далечин* [Каменский 1918: 6]. # Афф., суф.: далече + ин (усеч. осн.). Ср. В.Д.: далечина (далекий) – ж. сравнительно большое расстояние, не как свойство далеко, а по себе (I, с. 414).

ДАЛИТЬСЯ, -юсь, -ишься, н.ф. – отдаляться. ~ "У реки на песке": *Густоостров далится за дымьюсинь* [Каменский 1918: 12]. # Афф., суф.-постф.: даль + и(ть) + ся. Ср. В.Д. далиться (далекий) – уходить вдаль, удаляться (I, с. 415).

ДВУХСЕРДЕШНЫЙ, -ое, -ая – с двумя сердцами, холоднокровный. ~ "Пою": *Я ведь тоже парень ... двухсердешный* [Каменский 1918: 41]. # Сложение слов: двух + сердешный.

ДЕВЧОНУША, -□, ж., о., н.ф. – девушка. ~ "Странное": *Пышносмуглых девчонуш* [Каменский 1918: 59]. # Афф., суф.: дев(а) + чонуш. М/б: девчонк(а) + уш (усеч. осн.).

ДЕЕСА, -□, с., н. (мн.) – дела. ~ "Словоновы": *Дееса* [Крученых 1913 а: 3]. # Афф., суф.: дел(о) + ес (усеч. осн.). Ср. Н.П.: дееса /з/ [v 256, 299; НП 367] {ВГ 192} С-МН МС: деять, действие АС: чудеса ✧ я боюсь бесплодных отвлеченных прений об искусстве. Лучше всего было бы, что-

бы вещи (дееса) художника утверждали то или это, а не он, см. также деэбен, деюга (с. 145).

ДЕМОНИЧЕСКИ-ЗМЕИНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – имеющий отношение к демону (змею искусителю). ~ "Скрипач": *Лицо, мудрое от сознания демонически-змеиной божественности* [Большаков 1911: 11]. # Сложение основ: демоническ(ий) + змеин(ый).

ДЕННИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – рассветать. ~ "Наследство ржавое": *И разгульно день деннится невтерпеж* [Каменский 1918: 39]. # 1) Афф., суф.-постф.: день + и(ть) + ся; 2) переогласовка: денница → денниться.

ДЕТСКИ-БЕЗЗАБОТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – беззаботный по-детски, протекающий беззаботно. ~ *Детски-беззаботные* дни [Каменский 1911: 27]. # Сложение основ: детск(ий) + беззаботн(ый).

ДИКОЧИНА, -ы, ж., н., н.ф. – нечто неизведанное, связанное с дикостью. ~ "В Гдетотамии Нетамии": *Страннокожих Дикочин* [Каменский 1918: 6]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *дикочий* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: дик(ий) + оч → *дикочий*): дикоч(ий) + ин.

ДНЕВИЙ, -ье, -ья, н.ф. – дневной, относящийся к дню. ~ Н.А. "Грозува": *До давьяго дневьяго дня* [Асеев 1915: 11]. # Афф., суф.: день_ + ев.

ДОЛИНОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – находящийся в долине, относящийся к долине. ~ "На Великий Пролом": *В песнях долиновых* [Каменский 1918: 130]. # Афф., суф.: долин(а) + ов.

ДОЛЯНОЧКА, -и, ж., о. – 1) уменьшительно-ласкательное от доля; 2) жительница долины. ~ "Пролежала дорога в стороне...": *Доля, доля, доляночка!* [Гуро 1914: 76]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *доляна* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: дол + ян → *доляна*): долян(а) + очк; 2) афф., суф.: долин(а) + очк (и//я).

ДРЕМЛИВО, нареч. – сонно. ~ Г.П. "Ветрогон": *Див глянул дремливо* [Асеев 1915: 17]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *дремливый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: дрем(а) + ив → *дремливый*): дремлив(ый) + о.

ДРЕМЛЮГА, -и, о., о., н.ф. – соня, тот, кто любит поспать. ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Некуда дремлюге ныне* [Асеев 1915: 11]. # Афф., суф.: дрем(а) + люг. Ср. В.Д.: дремлюга (дрема) – юж. птица лилок, чурилка, козадой, кузнец (сиб.) *Caprimulgus europaeus* (I, с. 492).

ДРЕМЯ, -и, с., н. – время сна, ночь, уснувшее (остановившееся) время. ~ *Воинственное дремя* [Асеев 1914: 6]. # Скорнение: *дремать* + *время*. Ср. Н.П.: дремя /1/ [П 211, 211] {ВГ 229} С-С МС: дрема 'растение', дрема, дремать; время ✧ *Ведь мною засушено дремя / На память о старых богах* (с. 151).

ДРУЖОНОК, -а, м., о. – уменьшительно-ласкательное от друг. ~ "Девичья": *Дружнонок дальний* [Каменский 1918: 134]. # Афф., суф.: друг + онок (г//ж).

ДУРАТИК, -а, м., о. – дурачок. ~ "Слова любви и тепла": *Воркотик дуратик, котик пушатик* [Гуро 1914: 121]. # Афф., суф.: дурь + атик. М/б суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *дурат* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: дурь + ат → *дурат*): дурат + ик.

ДЫМЬЮСИТЬ, -и, ж., н. – туманный горизонт. ~ "У реки на песке": *Кустоостров далится за дымьюсинь* [Каменский 1918: 12]. # Сложно-суф.: дым + синь + ∅.

Ж

ЖЕЕСА-ЗЕЕСА, -□, с., н. (мн.) – чудеса жизни, вещи, созданные в процессе жизни. ~ "Словоновы": *Жееса-зееса* [Крученых 1913 а: 3]. # Словоуподобленный окказионализм «затемненной» семантики. М/б сложно-суф.: жи(ть) + ес + зуд + ес (усеч. основы).

ЖЕЛАННО-ПРЯМОЙ, -ое, -ая – непосредственно желанный. ~ "Не бойся, не бойся первых сомнений...": *На путь твой желанно-прямой* [Большаков 1911: 31]. # Срращение наречия и прилагательного: желанно + прямой.

ЖЕЛЕЗОВЬЕ, -я, с., н. – нечто железное, боевое оружие (меч) или орудие труда (цеп). ~ *Над поляной крути железовье* [Асеев 1914: 3]. # Афф., суф.: желез(о) + овј.

ЖЕЛУДЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – быть подобным желудям, лежать на земле под деревьями. ~ Б.Л. "Люди в пейзаже": *Желудеют ... по яблоням* [Бурлюк 1913: 63]. # Афф., суф.: желудь + е(ть).

ЖЁЛТО-БЛЕСТЯЩИЙ, -ее, -ая, н.ф. – золотой. ~ "Скрипач": *Вошла девушка с желто-блестящими глазами* [Большаков 1911: 10]. # Срращение наречия и причастия: желто + блестящий.

ЖЕЛТООКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – с желтыми глазами. ~ *Над желтоокой рекой* [Каменский 1911: 62]. # Сложносуф.: желт(ый) + ок(о) + Ø. Ср. Н.П.: желтоокий /з/ [I 129, 166] {ВГ 161}П МС: желтый; око ✧ Мой товарищ желтоокий / Посмотри на мир широкий (с. 157).

ЖИВЕСА, -□, с., н. (мн.) – действительные, реальные, "жизненные" события. ~ "Словоновы": *Живеса* [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: жив(ой) + ес; 2) Скорнение: живой + чудеса.

ЖИЗНЕДАТНОСТЬ, -и, ж., н. – способность воспроизводить жизнь, деторождение. ~ "План изумрудный": *Сохрани жизнедатность* [Каменский 1918: 14]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *жизнедатный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: жизнь + да(ть) + н → *жизнедатный*): жизнедатн(ый) + ость.

ЖИРОСКОП, -а, м., н. – гироскопический прибор. ~ "Разрез завода": *Жужжит жироскоп* [Крученых 1913 а: 3]. # Переогласовка: гироскоп → жироскоп.

ЖУЖЖАВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – издающий жужжание, жужжащий. ~ Пока жужжавой коляной пойму тебя [Асеев 1914: 3]. # Афф., суф.: жужжа(ть) + в.

ЖУРЧАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – издающий журчание, журчащий. ~ "Таится зов": Я у источника журчального [Каменский 1918: 24]. # Афф., суф.: журча(ть) + льн.

ЖУРЧЕЁК, -а, м., н. – маленький журчащий ручеек. ~ "Чурли-Журль": Дикий лесной журчеек [Каменский 1918: 84]. # 1) Афф., суф.: журча(ть) + еек (усеч. осн.). 2) м/б скорнение: журчать + ручеек.

ЖУРЧЕЙ, -ья, м., н. – журчащий ручей. ~ В.К. "От иероглифов до А": Энергии журчей [Футуристы 1914: 73]. # 1) Афф., суф.: журча(ть) + ей (усеч. осн.); 2) скорнение: журчать + ручей.

3

ЗАБОТЛИВО-СКРЫТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – тщательно спрятанный. ~ Из своих заботливо-скрытых событий [Большаков 1916 а: 13]. # Сращение наречия и прилагательного: заботливо + скрытый.

ЗАВУАЛЬ, -и, м., н., н.ф. – то, что скрыто за вуалью, м/б лицо. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": Завивая завуалями [Футуристы 1914: 74]. # Афф., преф.: за + вуаль.

ЗАГВАЗДАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – издавать лязгающий звук, например, звук пересыпаемых гвоздей. ~ "Скачки": Воздух вокруг загваздал [Асеев 1916: 8]. # Афф., преф.-суф.: за + гвоздь + а(ть) (о//а). Ср. В.Д.: загваздать - пск. кстр. запачкать, замарать, загрязнить, загадить, замочить грязью (I, с. 564).

ЗАДРУЖИТЬСЯ, -усь, -ишься, СВ, н.ф. – начать дружбу, подружиться. ~ "Солцень-ярцень": Задружилась карусель [Каменский 1918: 147]. # Афф., прес.-постф.: за + дружи(ть) + ся. Ср. В.Д.: задружиться (задружить) – начать дружить, подружиться (I, с. 547).

ЗАДЫМЬЮПАД, -а, м., н. – водопад, скрытый туманом испарений. ~ "Водотражали": *Рекачелится задымьюпад* [Каменский 1918: 7]. # Сложносуф. + преф.: за + дым + пада(ть) + Ø (усеч. осн).

ЗАДЫШ, -а, м., н. – то, что находится сзади, конец. ~ "Словоновы": *Задора задыши!* [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зад + ыш.

ЗАКОСТРИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – развести костер. ~ "Глубже неба поэзии": *Закострили огневые костры* [Каменский 1918: 154]. # Префиксальное образование от потенциального производящего глагола *кострить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: костер + и(ть) → *кострить*): за + кострить.

ЗАЛЕТАЙНЫЙ, -ое, -ая – относящийся к полету, залетевший. ~ "Над Грустинией": *В залетайный стан* [Каменский 1918: 42]. # Афф., преф.-суф.: за + лета(ть) + йн. М/б префиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *летайный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: лета(ть) + йн → *летайный*): за + летайный.

ЗАМОЛЧАЛЬ, -и, ж., н. – тишина. ~ "Память о Е.Гуро": *Святая замолчаль* [Каменский 1918: 54]. # Афф., преф.-суф.: за + молча(ть) + ль.

ЗАОЗЁРНЫЙ, -ое, -ая – находящийся за озером. ~ Б.Л. "Пьянителю рая": *Вдыхают заозерный мед* [Бурлюк 1913: 61]. # Афф., преф.-суф.: за + озер(о) + н. Ср. В.Д. Заозерный – что за озером (I, с. 610).

ЗАРЕРАЙСКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – освещенный зарей, небесный. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Зарерайских тростников* [Футуристы 1914: 74]. # Сложносуф.: зар(я) + рай + ск.

ЗАЯТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – производить действия, присущие зайцам: кувыркаться, прыгать, скакать. ~ "Наследство ржавое": *Заятятся зайки* [Каменский 1918: 39]. # Постфиксальное образование от потенциального производящего глагола *заять* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: заяц + а(ть) → *заять*): заять + ся.

ЗВЕЗДАЛЬ, -и, ж., н., н.ф. – долина звезд, небо. ~ "Звездолины": *Звездорожат звездали* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звездная + даль.

ЗВЕЗДЕРЕВО, -а, с., н., н.ф. – дерево звезд, созвездие. ~ "Звездолины": *Звездерева звездоят молоко* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звездное + дерево.

ЗВЕЗДИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – блестеть подобно звезде. ~ "Звездолины": *Утрованием звездятся росные травы* [Каменский 1918: 19]. # Афф., суф.-постф.: звезд(а) + и(ть) + ся. Ср. В.Д.: Звездиться (звезда) – безлич. быть звездам на небе, о ясной ночи (I, с. 673).

ЗВЕЗДОИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – струить свет. ~ "Звездолины": *Звездерева звездоят молоко* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звезда + доить.

ЗВЕЗДОКОПАТЕЛЬ, -я, м., о. – человек, изучающий ("копающий") звезды, астроном. ~ "В закрытой чаше": *Звездокопатель сидит на горе* [Гуро 1909: 195]. # Сложносуф.: звезд(а) + копа(ть) + тель.

ЗВЕЗДОЛИНА, -ы, ж., н., н.ф. – долина звезд, небо. ~ "Звездолины" [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звездная + долина.

ЗВЕЗДОЛИННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – небесный; звездолинный фонарь (фО) - звезда. ~ "Я поцелую по-цейлонски...": *До звездолинных фонарей* [Каменский 1918: 160]. # Афф., суф.: звездолин(а) + н.

ЗВЕЗДОМИК, -а, м., н., н.ф. – дом звезд, созвездие. ~ "Звездолины": *Звездомики звездорожат звездами* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение.: звезда + домик.

ЗВЕЗДОЧЕРЬ, -и, м., о., н.ф. – дочь звезд, комета. ~ "Звездолины": *Через веревочку прыгают звездочери* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звезда + дочь.

ЗВЕЗДРОЖАТЬ, -у, -ишь, НСВ, н.ф. – мерцать. ~ "Звездолины": *Звездомики звездорожат звездами* [Каменский 1918: 19]. # Скорнение: звезда + дрожать.

ЗВЕНИДЕНЬ, -я, м., н. – удачный, хороший ("звонкий") день. ~ "Степан Разин": Звенидень! [Каменский 1918: 104]. # Сложение корней: звон + день (о//е).

ЗВЕНИНОЧКА, -и, ж., н. – удачная, хорошая ("звонкая") ночь. ~ "Ночка": Звениночка - звени ночка [Каменский 1918: 41]. # Сложение основ: звон + ночк(а) (о//е).

ЗВЕНЧАЛКА, -и, ж., н., н.ф. – инструмент, издающий "звенчащие" звуки, гитара. ~ В.К. "Небovesную песнепьяный": Со венчалными венчалками [Футуристы 1914: 74]. # Афф., суф.: венча(ть) + лк.

ЗВЕНЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) песня под гитару; 2) звонкая печаль. ~ Звенчал [Асеев 1914: 4]; "Весенняя": Звенчал зовет [Каменский 1918: 152]. # 1) Афф., суф.: венча(ть) + ль; 2) Скорнение: звонкая + печаль.

ЗВЕНЧАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – 1) звучащий звонко; 2) относящийся к венчальному звону. ~ В.К. "Небovesную песнепьяный": Со венчалными венчалками [Футуристы 1914: 74]. # 1) Афф., суф.: венчал + н; 2) Скорнение: звон + венчальный.

ЗВОНЧАТО, нареч. – звонко. ~ "Таится зов": Хрустальность венчато ... душой оградить [Каменский 1918: 24]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного звончатый (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: звонк(ий) + ат → звончатый): звончат(ый) + о.

ЗВУКАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – издавать звуки. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": Все тукало, звукало, зьякало [Футуристы 1914: 22]. # Афф., суф.: звук + а(ть). Ср. Н.П.: звукать [с] /1/ [IV 154] Г МС: звук, звукнуть [СЦРЯ] ✧ Береза, подобная бескрылым гусям, звукает (с. 166).

ЗВУЧАЛЬ, -и, ж., н. – то, что звучит, речь; поэтическая звучаль (ФО) – стихотворение. ~ "Акафист": О поэтическая звучаль [Каменский 1918: 44]. # Афф., суф.: звуча(ть) + ль (к//ч). Ср. Н.П.: звучаль /2/ [IV 12, 33, 33; НП 321; SS 383, 392] {RV 108...; ВГ 136, 170} С-Ж [слово встречается у В. Каменского] МС: звучать ✧ В Яробе немоты /играли и журчали/ Двужвонской слепоты /жемчуженные звучали./ (инструментальные игры) <...> Звучаль /Скучаль/ Свирель/ Грохотня/ Стучаль/ Звенель/ Сопель/

Скрипель/ Визжалъ/ Свирель/ Выль/ Гудель/<...> см. также баймо, девинноперый, славобич (с. 167).

ЗВУЧАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – звучащий. ~ "Приехал в Ялту": Звучальную Ай-Петри радость [Каменский 1918: 78]. # Афф., суф.: звучаль + н.

ЗЕВЛАСТО, нареч. – громко, хором. ~ "Детство мое": Кого-то зевласто зовут [Каменский 1918: 89]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *зевластый* (при образовании слова пропущено два деривационных шага: зев + л → *зевлый*; зевл(ый) + аст → *зевластый*): зевласт(ый) + о.

ЗЕМЛЕЖИТЕЛЬ, -я, м., о., н.ф. – человек, живущий на земле. ~ *Утешает меня ... землежителя незаметного* [Каменский 1911: 47]. # Сложение основ: земл(я) + житель. Ср. Н.П.: землежитель /з/ [II 55] {ВГ 146} С-МО МС: земля; житель ✧ И в сумрака лучах /стоит беззлобный землежитель <...> (с. 169).

ЗЕМЛЯНЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – становится землей, разлагаться. ~ *Тело стынет, землянеет* [Каменский 1911: 3]. # Афф., суф.: землян(ой) + е(ть).

ЗИЙ, -я, м., о. – нечистый. ~ "Словоновы": Зий [Крученых 1913 а: 4]. # Скорнение: злой + Вий.

ЗЛЕЙ, -я, м., о. – некое злое существо. ~ "Словоновы": Злей зудавый! [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зл(ой) + ей; 2) переосмысление: злей (ст. сравн. прилаг.) → злей (сущ.)

ЗЛОСТЕБОЛЬ, -и, ж., н. – одновременное сочетание злости и боли. ~ "Словоновы": Злостеболь [Крученых 1913 а: 4]. # Сложение корней: злость + боль.

ЗМЕИНО-ЗЕЛЁНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – цвета зеленой змеи. ~ "Скрипач": *Вошла девушка со змеино-зелеными глазами* [Большаков 1911: 10]. # Сложение основ: змеин(ый) + зелен(ый).

ЗОВУНЬЯ, -и, ж., о., н.ф. – та, что зовет. ~ "Не": *Из плена Зовуньи* [Каменский 1918: 49]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *зовун* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: *зов* + *ун* → *зовун*): *зовун* + *ј*.

ЗОЙНЫЙ, -ое, -ая – 1) шумный; 2) жаркий ~ "Словоновы": *Зойный* [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: (от *зой* (диал.) – крик) *зой* + *н*; 2) Переогласовка: *знойный* → *зойный*. Ср. В.Д.: *зойный* (*зой*) – *озойный*, шумный, крикливый, зычный; // Сиб. *беспокойный*, *неукладистый*, *громоздкий* (I, с. 690).

ЗОЛОТИСТО-ФИОЛЕТОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – цвета звездного неба. ~ *В золотисто-фиолетовой глубине неба* [Каменский 1911: 17]. # Сложение основ: *золотист(ый)* + *фиолетов(ый)*.

ЗОЛОТО-РОССЫПЬ, -и, ж., н., н.ф. – песчаный пляж. ~ "Смотрите ясно": *На золото-россыпях берегореки* [Каменский 1918: 47]. # Сложение слов: *золото* + *россыпь*.

ЗОР, -а, м., н. – взор, взгляд. ~ "*Зор*" [Асеев 1914: 1]. # Афф., суф.: *зре(ть)* + ∅. Ср. Н.П.: *зор(/-ы)* [II 280, 280; НП 346; SS 380] {ВГ 144: *зоры* – *позоры*} С-М МС: *зариться*, *взор* ✧ *Зоры* – *позоры*. *Рыды* – *навзрыды* / *Чья там головка русеет?* / *Чей одучанчик развеет?* / *Это я. Горек мне мог* / *О, не избыть мне беды!* // *Зоры позоры* / *Рыды навзрыды* / *Чья там головка русеет?* *Чей одуванчик развеет?* – см. также *зорливец* (с. 175).

ЗУБЧАТО-СГРЫЗТЬСЯ, -усь, -ешься, СВ, н.ф. (ЗУБЧАТО-СГРЫЗШИЙСЯ – прич.) – сломаться; З.-с. колесо – шестерня с поломанными зубцами. ~ "Городу": *Зубчато-сгрызшихся колес* [Большаков 1916 б: 45]. # Сложение основ: *зубчат(ый)* + *сгрыз(ть)ся*.

ЗУДАВЫЙ, -ое, -ая – чешущийся. ~ "Словоновы": *Злей зудавый* [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: *зуд* + *ав*.

ЗУДАВЧИК, -а, м., н/о – 1) инструмент для "зудения"; 2) тот, кто зудит. ~ "Словоновы": *Ясавый зудавчик* [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: *зудав(ый)* + *чик*; 2) скорнение: *зудеть* + *красавчик*.

ЗУДАРИХА, -и, ж., о. – зудящее существо женского пола. ~ "Словоновы": Зудариха [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зударь + их.

ЗУДАК, -а, м., о. – 1) тот, кто зудит; 2) зудящий (занудный) дурак. ~ "Словоновы": Зудак [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф, суф.: зуд + ак; 2) скорнение: зудеть + дурак.

ЗУДАРКА, -и, ж., о. – зудящее существо женского пола. ~ "Словоновы": Зударка [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф, суф.: зударь + к; 2) скорнение: зудящая + сударка.

ЗУДАРЫНЯ, -и, ж., о. – зудящее существо женского пола. ~ "Словоновы": Зударыня [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зударь + ын; 2) скорнение: зудящая + сударыня.

ЗУДАРЬ, -я, м., о. – тот, кто зудит. ~ "Словоновы": Зударь [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + арь; 2) скорнение: зудящий + сударь.

ЗУДАХАРЬ, -я, м., о. – знаток "зуда". ~ "Словоновы": Зудахарь [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + ахарь; 2) скорнение: зудящий + знахарь.

ЗУДЕЙНЫЙ, -ое, -ая – относящийся к идее "зуда", к творчеству. ~ "Словоновы": Зудейный [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зуд + ейн; 2) скорнение: зуд + идейный.

ЗУДЕЛЬ, -и, ж., н. – 1) нечто, относящееся к "зуду"; 2) место крещение "зудом. ~ "Словоновы": Зудель – качество и время [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зуд + ель; 2) скорнение: зудеть + купель.

ЗУДЕСА, -□, с., н. – 1) "большие зудения" (А.К.); 2) жажда творчества. ~ "Словоновы": Зудеса - большие зудения [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + ес; 2) скорнение: зудеть + чудеса.

ЗУДЕСЕНИЕ, -я, с., н. – нечто, относящее к "зуду". ~ "Словоновы": Зудесение [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зудес(а) + ениј; 2) скорнение: зудеть + воскресение (вознесение).

ЗУДЕСИК, -а, м., н./о., н.ф. – небольшой "зуд". ~ "Словоно-вы": Зудесики [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зудес(а) + ик.

ЗУДЕСНИК, -а, м., о. – человек, творящий "зудеса". ~ "Словоно-вы": Зудесник [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зудес(а) + ник; 2) скорнение: зудящий + кудесник.

ЗУДЕСЬМА, нареч. – очень "зудяще". ~ "Словоно-вы": Зудесьма [Крученых 1913 а: 3]. # Скорнение: зудеть + весьма.

ЗУДЁЖКА, -и, ж., н. – процесс "зуда". ~ "Словоно-вы": Зудежка - качество и время [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного зудеж (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: зуд + еж → зудеж): зудеж + к; 2) скорнение: зудящая + зубрежка.

ЗУДЁНОК, -а, м., н./о. – 1) маленький зуд; 2) зудящий (занудливый) ребенок. ~ "Словоно-вы": Зуденок - сын зудука [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зуд + енок; 2) скорнение: зудящий + ребенок.

ЗУДЁНЫШ, -а, м., о. – 1) маленький зуд; 2) зудящий (занудливый) детеныш. ~ "Словоно-вы": Зуденыш - сын зудуна [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зуд + еныш; 2) скорнение: зудящий + детеныш.

ЗУДИВЕЦ, -а, м., о. – некто, творящий плохой "зуд". ~ "Словоно-вы": Зудивец - со злым оттенком [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + ивец; 2) скорнение: зудящий + убивец.

ЗУДИЙЦА, -ы, м., о. – некто, творящий плохой "зуд". ~ "Словоно-вы": Зудийца - со злым оттенком [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + ийц; 2) скорнение: зудящий + убийца.

ЗУДИК, -а, м., н./о., н.ф. – небольшой "зуд". ~ "Словоно-вы": Зудики [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зуд + ик.

ЗУДИЛА, -ы, о., о. – тот, кто издает "зуд". ~ "Словоно-вы": Зудила - кто зудит [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуде(ть) + ил (усеч. осн.); 2) афф., суф.: зуди(ть) + л. Ср. В.Д.: зудила (зудить) – об. Кто зудит, дразнит, поджигает; докучливый надоедала (I, с. 696).

ЗУДИЛИЦА, -ы, ж., о. – та, что "зудит". ~ "Словоновы": Зудилица [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зудил(а) + иц.

ЗУДИЛЕЦ, -а, м., о. – тот, кто издает "зуд". ~ "Словоновы": Зудилец [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зудил(а) + ец.

ЗУДИЛО, -а, с., н. – орудие "зуда", то, чем зудят. ~ "Словоновы": Зудило - чем зудят [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуде(ть) + ил (усеч. осн.); 2) афф., суф.: зуди(ть) + л.

ЗУДИЛЬНИК, -а, м., н. – 1) то, что "зудит"; 2) "зудящий" (назойливо звенящий) будильник. ~ "Словоновы": Зудильник - назойливый будильник!? [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зудил(о) + ник; 2) скорнение: зудящий + будильник.

ЗУДИМЧИК, -а, м., о. – тот, кто издает "зуд". ~ "Словоновы": Зудимчик! [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного зудимый (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: зуд + им → зудимый): зудим(ый) + чик; 2) скорнение: зудящий + любимчик.

ЗУДИНА, -ы, ж., н. – процесс зудения. ~ "Словоновы": Зудина - качество и время [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зуд + ин.

ЗУДИССИМО, междом. – требование повтора "зуда". ~ "Словоновы": Зудиссимо! [Крученых 1913 а: 3]. # Скорнение: зудеть + брависсимо.

ЗУДИТЕЛЬ, -я, м., о. – 1) тот, кто издает "зуд"; 2) человек, постоянно поучающий, читающий занудные наставления. ~ "Словоновы": Зудитель [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Суффиксальное образование от н потенциального производящего глагола зудить (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: зуд + и(ть) → зудить): зуди(ть) + тель; 2) скорнение: зудящий + учитель (родитель).

ЗУДИЧ, -а, м., о. – 1) тот, кто производит "зуд"; 2) производитель "зуда" знатного рода. ~ "Словоновы": Зудич - сын зудуна [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Афф., суф.: зуд + ич; 2) скорнение: зудящий + княжич.

ЗУДОДЕЙ, -я, м., о. – 1) тот, кто производит "зуд"; 2) "зудящий" (назойливый) злодей. ~ "Словоновы": Зудодей [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Сложносуф.: зуд + дея(ть) + Ø; 2) скорнение: зудящий + злодей.

ЗУДОК, -а, м., н. – 1) звук "зуда"; 2) "зудящий" (назойливый) гудок. ~ "Словоновы": Зудки трамваев [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: зуд + ок; 2) скорнение: зудящий + гудок.

ЗУДРЕЦ, -а, м., о. – творец "зуда". ~ "Словоновы": Зудрец [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного зудрый (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: зуд + р → зудрый): зудр(ый) + ец; 2) скорнение: зудящий + мудрец.

ЗУДУН, -а, м., о. – тот, кто "зудит". ~ "Словоновы": Сын зудуна [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зуд + ун.

ЗУДУНЧИК, -а, м., о. – небольшой "зудун". ~ "Словоновы": Зудунчик [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зудун + чик.

ЗУДУТНЫЙ, -ое, -ая – относящийся к "зуду". ~ "Словоновы": Зудутный [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зуд + утн.

ЗУДЫРНЫЙ, -ое, -ая – относящийся к "зуду". ~ "Словоновы": Зудырный [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: зуд + ырн. Ср. В.Д.: зудырный (зудить) - пен. Безотвязный, докучливый и настойчивый // сиб. неопрятный, грязный, нечистота (I, с. 696).

ЗУЙНЫЙ, -ое, -ая – связанный с "зудом". ~ "Словоновы": Зуйный [Крученых 1913 а: 4]. # 1) Переогласовка: зудный → зуйный; 2) скорнение: зуд + буйный.

ЗЫБА-КИТ, -а, ж., о. – рыба-кит, плавающая по волнам (по зыби). ~ "Словоновы": Чудо-зудо зыба-кит [Крученых 1913 а: 4]. # Переогласовка: рыба-кит → зыба-кит (скорнение: зыбь + рыба).

ЗЮЗЮМКА, -и, о., о. – тот, кто сюсюкает, т.е. подвержен "телячьим нежностям". ~ "Словоновы": *Зюзюмка!* [*Крученых 1913 а: 4*]. # Афф., суф.: зюзюка(ть) + мк (усеч. осн.) + переогласовка: сюсюкать → зюзюкать.

ЗЮРИЦА, -ы, ж., о. – та, "зюзюкает" (сюсюкает). ~ "Словоновы": *Зюрица!* [*Крученых 1913 а: 4*]. # Словоуподобленный окказионализм «затемненной» семантики (М/б скорнение: зюзюкать + курица).

И

ИЗРУБИНИТЬ, -ю, -ишь, СВ., н.ф. – сделать красным. ~ "Посвящение": *Фрукт изрубинит вазный пожар* [*Большаков 1916 б: 17*]. # 1) Афф., преф.-суф.: из + рубин + и(ть); 2) префиксальное образование от потенциального производящего глагола *рубинить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: рубин +и(ть) → *рубинить*): из + рубинить.

ИЗУМРУДНО-СВЯТОЙ, -ое, -ая, н.ф. – ассоциирующийся со светящейся, прозрачной аурой, небом. ~ "План изумрудный": *Изумрудно-святая, будто звездная ночь в Тегеране* [*Каменский 1918: 13*]. # Сложение слов: изумрудно + святой.

ИНЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – блестеть на солнце, подобно инею. ~ "Метель": *Иней инеет* [*Каменский 1918: 63*]. # Афф., суф.: иней + е(ть) (усеч. осн.). Ср. В.Д.: инеть (иней) – покрываться инеем (II, с. 44); Н.П.: инеть /2/ [III 203, 203, 282, 283; IV 311, 311] {RV 91...; ВГ 163, 215} Г МС: иной ✧ имеющий бытерик люда инеет и умнеет – см. также онять, розняка (с. 179).

ИНОПИСЕЦ, -а, м., о. – пишущий по-иному, не как все. ~ Н.А. "Брегобег": *Инописец старинных бытей* [*Асеев 1915: 14*]. # Сложение основ: ин(ой) + писец.

ИСКРЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – подобный искре, блестящий. ~ "Степан Разин": *Искры соколы* [*Каменский 1918: 105*]. # Афф., суф.: искр(а) + ∅.

ИСХРУСТАЛИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – сделать прозрачным. ~ "О, королева...": *Осень исхрусталила сердце* [*Большаков 1916 б: 11*]. # 1) Афф., преф.-суф.: ис + хрусталь+ и(ть); 2) префиксальное образование от

потенциального производящего глагола *хрусталишь* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: хрусталь + и(ть) → *хрусталишь*): ис + хрусталишь.

К

КАВКАЗИЯ, -и, ж., н., н.ф. – Кавказ. ~ "Пью за Кавказию" [*Каменский 1918*: 134]. # 1) Афф., суф.: Кавказ + иј; 2) скорнение: Кавказ + Азия.

КАРУСЕЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – веселиться, кружить, кататься на карусели. ~ "Весна в Крыму": *Со звоном радость карусельте* [*Каменский 1918*: 146]. # Афф., суф.: карусель + и(ть).

КЛИКУНЬЯ, -и, ж., о., н.ф. – та, что зовет, кличет. ~ "Не": *Из стана кликуний* [*Каменский 1918*: 49]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *кликун* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: клич + ун → *кликун*): кликун + ј. Ср. В.Д.: Кликунья (кликать) – ж. кто кличет; в севаст. губернии одержимый родом падучей, которой особенно подвержены бабы; при качках теряется сознание и больная кричит неистово звериными голосами, изрыгая брань; беснующая (II, с. 118).

КЛОНЬ, -и, ж., н., н.ф. – то, что склонилось. ~ Г.П. "Миросель": *Омищенной клонью разбужены* [*Асеев 1915*: 19]. # Афф., суф.: клони(ть) + Ø (усеч. осн.).

КОВУЙ, -я, м., о., н.ф. – кузнец, коварь. ~ *Не спасти седым ковуям* [*Асеев 1914*: 16]. # Афф., суф.: кова(ть) + уй (усеч. осн.).

КОЛБАСООБРАЗНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – вытянутый подобно колбасе. ~ В.Канд. "Фагот": *Форма ее была плотной, колбасообразной* [*Бурлюк 1913*: 82]. # Сложение основ: колбас(а) + образный.

КОЛОКОЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – звонить в колокола. ~ "Великое - простое": *И колоколят колокола* [*Каменский 1918*: 33]. # Афф., суф.: колокол + и(ть). Ср. В.Д. Колоколотить (колокол) - звонить, трезвонить; // * Скоро, звонко, без умолку говорить, тараторить // разносить вести (II, с. 140).

КОЛЫБАЙКА, -и, ж., н. – колыбельная песня. ~ "Колыбайка" [Каменский 1918: 57]. # Скорнение: колыбельная + байка.

КОМИТРАГИЧЕСКИЙ, -ое, -ая – и комический, и трагический одновременно. ~ "В.Каменский - живой памятник": Комитрагический моей души вой [Каменский 1918: 21]. # Сложение основ: комичн(ый) + трагическ(ий) (усеч. осн.).

КОРНЕРОГИЙ, -ое, -ая, н.ф. – с ветвистыми рогами, подобными корням деревьев. ~ "Стерегу": Корнерогие лани - пугливые дети[Каменский 1918: 71]. # Сложносуф.: корень + рог + Ø.

КОРНИСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к корням, глубокий. ~ "Чурли-Журль": В... корнистой глуши [Каменский 1918: 84]. # Афф., суф.: корень + ист.

КОРОЛЕВОЧКА, -и, ж., о. – маленькая королева, инфанта. ~ "Не надо плакать": Королевочка - девочка плакала [Каменский 1918: 82]. # Афф., суф.: королев(а) + очк.

КОСТРЫОГНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – гореть. ~ "Водотражали": Кострыогнутся под сосноскрипами [Каменский 1918: 70]. # Сложносуф. + постф.: костер + огонь + и(ть) + ся.

КОШУРАТИК, -а, м., о. – ласковое обращение к коту. ~ "Слова любви и тепла": Беловатик, кошуратик - потасик [Гуро 1914: 121]. # Словоуподобленный окказионализм "затемненной" семантики (м/б афф., суф.: кот + уратик (т//ш)).

КРАСКА-ЗВУК, -а, ж., н., н.ф. – красивая, хорошо выстроенная речь. ~ "Мне дарила сказки скрипка...": Чтоб вплетаясь в краски-звуки [Большаков 1911: 3]. # Сложение слов: краска + звук.

КРОВАВООДНООКИЙ, -ое, -ая – нечто (некто) с одним глазом, циклоп, здесь - Луна (месяц). ~ Б.Л. "Лунные паводы": Взгляни, кровавоодноокий! [Бурлюк 1913: 63]. # Сложение основ: кровав(ый) + одноок(ий).

КРУЖАЛЬ, -и, ж., н. – то, что кружится, процесс кружения. ~ "Карусель": *Кружаль* [Каменский 1918: 42]. # Афф., суф.: кружи(ть) + аль (усеч. осн.).

КРЫЛИСТО, нареч. – крылато. ~ "Над Грустинией": *Крылисто в небе на орлов кричат* [Каменский 1918: 43]. # Афф., суф.: крыл(о) + ист.

КРЫЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – летать. ~ "Пил безнадежный чай...": *Крылили вы, желаний мотыльки* [Большаков 1916 б: 13]. # Афф., суф.: крыл(о) + и(ть). Ср. В.Д.: Крылить (крыло) - перить или окрывать, снабжать крыльями (П, с. 205).

КРЫЛОВАНИЕ, -я, с., н., н.ф. – полет. ~ "Над грустинией": *В летных крылованиях* [Каменский 1918: 43]. # Афф., суф.: крылова(ть) + ниј.

КРЫЛОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ – летать. ~ "Над грустинией": *Будем мы крыловать* [Каменский 1918: 43]. # Афф., суф.: крыл(о) + ова(ть).

КРЫЛОВЕЙНО, нареч. – крылато, развевая крылья. ~ "Весна в Крыму": *Крыловейно рассыпьте души* [Каменский 1918: 145]. # Суффиксально образование от потенциального производящего прилагательного *крыловейный* (при образовании слова пропущено два деривационных шага: крыло + веять → *крыловеять*; *крыловея(ть)* + н → *крыловейный*): *крыловейн(ый)* + о.

КУДРОСОСНА, -ы, ж., н., н.ф. – кудрявая сосна. ~ "Смотрите ясно": *Под кудрососнами* [Каменский 1918: 47]. # Сложение корней: *кудр(и)* + *сосн(а)*.

КУЛЬТУРНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ, -ое, -ая – западно-европейский. ~ "Н.Филлипов": *Культурно-европейский* цвет [Каменский 1918: 6]. # Сравнение наречия и прилагательного: *культурно* + *европейский*;

КУСТООСТРОВ, -а, м., н. – остров, заросший кустарником. ~ "У реки на песке": *Кустоостров* далится [Каменский 1918: 12]. # Сложение корней: *куст* + *остров*.

Л

ЛАСКОВО-БЛИЗКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – родной. ~ "Овечка у дома": *Кто-то ласково-близкой любимой рукой гладит меня* [Каменский 1918: 65]. # Сращение наречия и прилагательного: ласково + близкий.

ЛЕБЕДИННОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – стройность. ~ "Стерегу": *В лебединности стройных изгибов* [Каменский 1918: 65]. # Афф., суфф.: лебедин(ый) + ность.

ЛЕГКОТУМАННЫЙ, -ое, -ая – находящийся в легком (утреннем) тумане. ~ "День сквозь облако-дюна...": *Видится лес легкотуманный* [Гуро 1914: 39]. # Сращение наречия и прилагательного: легко + туманный.

ЛЕСИНКА, -и, ж., о. – жительница леса. ~ "Чурли-Журль": *Не видит лесная лесинка* [Каменский 1918: 85]. # Афф., суфф.: лес + инк.

ЛЕСНИЯНКА, -и, ж., о., н.ф. – жительница леса. ~ "Заячья мистерия": *А в лесу живут леснянки* [Каменский 1918: 3]. # Афф., суфф.: лесн(ой) + иянк.

ЛЕТАЙНО, нареч. – 1) крылато; 2) летать незамеченным (тайно). ~ "Над Грустинией": *Летайно над Грустинией летан* [Каменский 1918: 43]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *летайный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: лета(ть) + йн → *летайный*): летайн(ый) + о; 2) скорнение: летать + тайно.

ЛЕТАЙНОСТЬ, -и, ж., н. – 1) полет; 2) таинство полета. ~ "Лечу": *Летайность совершаю* [Каменский 1918: 32]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *летайный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: лета(ть) + йн → *летайный*): летайн(ый) + ость; 2) скорнение: летать + тайность.

ЛЕТАН, -а, м., о. – тот, кто летает, авиатор, летчик. ~ "Над Грустинией": *Летайно над Грустинией летан* [Каменский 1918: 43]. # 1) Афф., суфф.: лета(ть) + ан (усеч. осн.).

ЛЕТАТЕЛЬ, -я, м., о. – 1) летчик; 2) летающий мечтатель. ~ "Вет-
рого́н, сумасбро́д, летатель..." [Гуро 1914: 15]. # 1) Афф., суф.: лета(ть) +
тель; 2) скорнение: летающий мечтатель. Ср. В.Д.: летатель (летать) – м. Кто
летает, более в знач. Иносказат. Кто мысленно летает или мечтает (II, с.
249); Н.П.: летатель [с] /2/ [V 253] С-Мо МС: летать АС: летатель (обычно
в значении 'мечтатель') [Даль] ✧ Летатель удобно для общего обозначения,
но для суждения о данном полете лучше брать свой, каждый отдельный,
оттенок, например, "неудачный летун" (бегун), "знаменитый летай" хода-
тай, оратай и летчий (кравчий, гончий). Наконец, еще возможно лтец, лти-
ца, по образу чтец (читатель) (с.194-195).

ЛЕТВИСТОСТЬ, -и, ж., н. – легкость, подобная полету (падению)
ветки. ~ "Лечу": Летвистость *вы мыслях* [Каменский 1918: 32]. # Скорне-
ние: летать + ветвистость.

ЛЕТИВЫЙ, -ое, -ая – 1) относящийся к полету; 2) быстро, стреми-
тельно летящий. ~ "Лечу": Летивый *дух летит со мной* [Каменский 1918:
32]. # 1) Афф., суф.: лета(ть) + ив (усеч. осн.); 2) скорнение: летать + рети-
вый.

ЛЕТИМОСТЬ, -и, ж., н. – 1) полет; 2) решимость полета. ~ "Лечу":
Летимость *отражаю* [Каменский 1918: 32]. # 1) Суффиксальное образо-
вание от потенциального производящего прилагательного *летимый* (при
образовании слова пропущен один деривационный шаг: лета(ть) + им →
летимый): летим(ый) + ость; 2) скорнение: летать + решимость.

ЛЕТИНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к полету. ~ "Над Грусти-
нией": *В летиных крылованиях* [Каменский 1918: 43]. # Афф., суф.: лета(ть)
+ ин (усеч. осн.).

ЛЕТИННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к полету. ~ "Лечу": Ле-
тинною *весной* [Каменский 1918: 32]. # Афф., суф.: летин(ый) + н (м/б
суффиксальное образование от потенциального производящего существи-
тельного *летина* (при образовании слова пропущен один деривационный
шаг: лета(ть) + ин → *летина*): летин(а) + н.

ЛЕТИНОЧКА, -и, ж., н. – летящая ночь, ночь в небе, ночной полет.
~ "Ночка": Летиночка – *лети ночка* [Каменский 1918: 42]. # 1) Сложно-
суф.: лета(ть) + ночь + к (усеч. осн.); 2) скорнение: летина + ночка.

ЛЕТИСТИННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – настоящий; ЛЕТИСТЕННАЯ радость – настоящая радость полета. ~ "Лечу": *Летистинная радость* [Каменский 1918: 32]. # Скорнение: летать + истинная.

ЛЕТИСТО, нареч. – крылато. ~ "Лечу": *Летисто улетать* [Каменский 1918: 32]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *летистый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: лета(ть) + ист → *летистый*): летист + о.

ЛЕТОЖАР, -а, м., н. – летняя жара, зной. ~ "Мне нравится моя новая прическа...": *Летожар. Окно полураскрыто* [Ивнев 1913: 12]. # Сложение корней: лет(о) + жар(а).

ЛЕТОКЕАН, -а, м., н. – небо, океан полета. ~ "Лечу": *Летокеан широк* [Каменский 1918: 32]. # Сложение корней: лета(ть) + океан.

ЛЕТОРЕЙ, -я, м., н. – полет. ~ Н.А., Г.П. "*Леторей*" [Асеев 1915: 1]. # Сложносуф.: лета(ть) + ре[ja](ть) + ∅.

ЛЁТКИЙ, -ое, -ая – относящийся к полету, верткий в небе. ~ "Лечу": *Леткий ветер глубок* [Каменский 1918: 32]. # Афф., суф.: лета(ть) + к (усеч. осн.).

ЛИЛЕЙНО-ТОНКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – тонкие, подобные стеблям лилии. ~ "Готическая миниатюра": *Дамы, сжав лилейно-тонкие руки* [Гуро 1909: 139]. # Сложение слов: лилейно + тонкий.

ЛОЗОБЫРЬ, -я, м., н./о., н.ф. – нечто (некто), связанное с вином, м/б пьяница. ~ *Врематые дружины лозобырей* [Асеев 1914: 6]. # Афф., суф.: лоз(а) + обырь.

ЛУННО-КРАСНЫЙ, -ое, ая, н.ф. – диск красной Луны (народные приметы: к заморозкам, к ветренной погоде). ~ "Баллада о королеве Май": *На лунно-красном ... диске* [Большаков 1916 б: 22]. # Сложение основ: лунн(ый) + красн(ый).

ЛУНОМЕРЦАНИЕ, -я, с., н., н.ф. – мерцание Луны. ~ "Любовь поэта": *Луномерцанием волнятся волны* [Каменский 1918: 129]. # Сложение основ: лун(а) + мерцание.

ЛУЧЕЗВОННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к звенящему лучу, яркому лучу Солнца. ~ *Песня... разливалась лучезвонной струей* [Каменский 1911: 107]. # Сложносуф.: луч + звон + н.

ЛУЧИСТО-ХРУСТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – прозрачный. ~ "Зимний соснострой": *Значит воздух лучисто-хрустален* [Каменский 1918: 50]. # Сращение наречия и прилагательного: лучисто + хрустальный.

ЛЮБИЛИЯ, -и, ж., н., н.ф. – 1) любовь; 2) любовная идилия. ~ "Не": *В любитных любиллях* [Каменский 1918: 49]. # 1) Афф., суф.: люби(ть) + лиј; 2) скорнение: любовная + идилия.

ЛЮБИЛЬ, -и, ж., н., н.ф. – любовь. ~ "Не": *Губы любилью спаял* [Каменский 1918: 50]. # Афф., суф.: люби(ть) + ль. Ср. Н.П.: любиль /2/ [IV 317; SS 392] {RV 109; ВГ 136} С-Ж МС: любить ✧ Разлюбил любиль зане-любил любилца любоя любаны люббною любкой, любкой // (Инструмент игры) <...> Любиль (лира) / Ревень / Урчаль / Ворчаль / Реукница / Скрипельница <...> см. также любило (с. 206).

ЛЮБИННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к любви. ~ "Улыбнись": *Сердце любинное* [Каменский 1918: 74]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *любина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: люби(ть) + ин → *любина*): любин(а) + н. Ср. Н.П.: любинный /2/ [НХ - III 14, 15 ...] П МС: любить ✧ Любовой / Высь - высокий любокий. Любинная зима. / Любинный зови голос. / Дева любинных глубин, не устающая ворожить оттуда. / Любинных глубей даль заманчивая, даль сладкогласая, ославляющая себя, тебя и нас. / И в пьяностях дымчатых далее виднелись мне иные, новые и следкие небеса. / ... веяли зовущими крыльями любеса. / Любинных дум любинные уста. / Любинных дум зовущая свирель. Любинные глуби покрылись льдом – см. также любовь (с. 206).

ЛЮБИНОЧКА, -и, ж., н. – ночь любви. ~ "Ночка": *Любиночка - ночка моя* [Каменский 1918: 42]. # Сложение основ: люби(ть) + ночк(а).

ЛЮБИТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к любви. ~ "Не": *В любитный любилых* [Каменский 1918: 50]. # Афф., суф.: любви(ть) + тн.

ЛЮБНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к любви. ~ "Не": *Нелюбности любные* [Каменский 1918: 50]. # Афф., суф.: любви(ть) + н(усеч. осн.). Ср. Н.П. Любный /1/ [IV 317, 317] ПМС: любить ✧ Принелюбливать любом любное любить (с. 208).

М

МАЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – майский. ~ "Развесень": *Крылья майные* [Каменский 1918: 32]. # Афф., суф.: май + н.

МАЛЬЧИШЕСКИ-ЗАДОРНО, нареч. – бесшабашно, с задором подростка. ~ *Он мальчишески-задорно взломачен* [Каменский 1911: 120]. # Сложение основ: мальчишеск(ий) + задорн(ый).

МАРСЕЛЬЕЗНО, нареч. – под музыку "Марсельезы". ~ "Чудо – республика – Россия": *И торжествует марсельезно* [Каменский 1918: 96]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *марсельезный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: марсельеза + н → *марсельезный*): марсельезн(ый) + о.

МГЛИСТО-ЖЁЛТЫЙ, -ое, -ая – скрытый в желтой мгле, туманный. ~ "Скрипач": *Мглисто-желтый сумрак вечера* [Большаков 1911: 9]. # Сращение наречия и прилагательного: мглисто + желтый.

МЕЖМИРНЫЙ, -ое, -ая – находящийся между мирами, тот, на котором держится мир (м/б – нереальный). ~ Н.А. "И последнее море": *И может оборваться межмирный волосок* [Асеев 1915: 15]. # Сложносуф.: меж + мир + н.

МЕЛЕНДЕВЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – замерзать. ~ *День мелендевет* [Асеев 1914: 12]. # Скорнение: мелеть + индеветь.

МЕЧТАЛЬ, -и, ж., н. – 1) мысль, процесс мечтания; 2) печальная мечта. ~ "И вдруг": *В шуме сосновом родилась мечталь* [Каменский 1918: 29]. # 1) Афф., суф.: мечта(ть) + ль; 2) скорнение: мечта + печаль.

МИЛЕСА, -□, с., н. – 1) нечто милое; 2) милые чудеса. ~ "Словоно-вы": *Милеса* [Крученых 1913 а: 3]. # 1) Афф., суф.: мил(ый) + ес; 2) скорне-ние: милый + чудеса.

МИЛЫБАТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ – мило улыбаться. ~ *Устам улыбаются сладко* [Асеев 1914: 12]. # Скорнение: милый + улыбаться.

МИЛЯНКА, -и, ж., о., н.ф. – милая девушка. ~ *И целуй..., как вер-ную, желанную милянку* [Каменский 1911: 76]. # Афф., суф.: мил(ый) + янк.

МИРОКРУГ, -а, м., н. – круг мира, вселенная. ~ "Моя карьера": *Я горизонтальный мирокруг* [Каменский 1918: 34]. # Сложение корней: мир + круг.

МИРОРЕЙ, -я, м., н. – стремительный полет мира, м/б вращение Земли вокруг собственной оси. ~ *Окличье - мирорей!* [Асеев 1914: 7]. # Сложносуф.: мир + ре[я](ть) + ∅.

МИРОСЕЛЬ, -и, ж., н. – сельская тишина. ~ Г.П. "*Миросель*" [Асеев 1915: 19]. # Сложносуф.: мир + сел(о) + ∅.

МИРУТР, -а, м., н. – утренняя тишина, небесный свод (небо). ~ В.К. "От иероглифов до А": *Мирутр взорвет цветистую рекламу* [Футу-ристы 1914: 73]. # Сложение корней: мир + утр(о).

МОЛНЕДАВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. (МОЛНЕДАЮЩИЙ - прич.) – 1) блестящий; 2) отказывающий. ~ "Влюбленность - и движение, и схватка...": *Молнедающих черных глаз* [Ивнев 1913: 4]. # 1) Сложение ос-нов: молниј([а]) + давать (усеч. осн.); 2) сращение: мол + не + давать.

МОЛОЧНО-НЕЖНО, нареч. – туманно. ~ "Этим днем...": *Этим днем было молочно-нежно* [Гуро 1914: 139]. # Сложение слов: молочно + нежно.

МОЛЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) тишина; 2) молчаливая (тихая) печаль. ~ "Акафист": *О поэтическая молчаль* [Каменский 1918: 44]. # 1) Афф., суф.: молча(ть) + ль; 2) скорнение: молчать + печаль. Ср. Н.П.: молчаль /2/ [IV 12] {ВГ 132, 136} С-Ж МС: молчать, молчаливый [СЦРЯ] ✧ Молчаль она

оплетена небесочеством, и была их голубизна сильна, как железо или серебро (с. 234).

МОРЕВОЛЬНО, нареч. – как вольное море, широко. ~ "Приехал в Ялту": *И улыбнулся моревольно* [Каменский 1918: 78]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *моревольный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: море + вольный → *моревольный*): моревольн(ый) + о.

МОРЕСВИНКА, -и, ж., о. – морская свинка. ~ "Смотрите ясно": *Гладится моресвинка на животе чудака* [Каменский 1918: 48]. # Сложение основ: мор(е) + свинк(а).

МОРИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – широко разливается. ~ "В Крыму кофе": *Под нами море морится* [Каменский 1918: 18]. # Афф., суф.-постф: мор(е) + и(ть) + ся.

МУДРОРАДОСТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – радостный от знания, и мудрый, и радостный. ~ *Проявление мудрорадостной вольности* [Каменский 1911: 121]. # Сращение наречия и прилагательного: мудро + радостный.

Н

НАБЕРЕГОНЕБО, -а, с., н., н.ф. – горизонт. ~ "Водотражали": *Горастояль наберегонебе* [Каменский 1918: 6]. # Сложение корней + преф.: на + берег + неб(о).

НАИВНО-ЯРКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – ярко-синий, ассоциирующийся с наивными голубыми глазами. ~ "Еду домой": *Наивно-яркие небеса* [Каменский 1918: 68]. # Сращение наречия и прилагательного: наивно + яркий.

НАСТРУНИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – налить по струйке (подобно струне). ~ К.Б. "Девушки": *Наструнили стаканы ... вина* [Футутисты 1914: 121]. # Афф., преф.-суф.: на + струн(а) + и(ть).

НАЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) начало; 2) печальное начало. ~ "Акафист": *О поэтическая началь* [Каменский 1918: 45]. # 1) Афф., суф.: нача(ть) + ль; 2) скорнение: начало + печаль.

НЕБОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ. – жить под небом. ~ "Над Грустинией": *Будем мы ... небовать* [Каменский 1918: 45]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *небовый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: небо + ов → *небовый*): небов(ый) + а(ть).

НЕБОВЕСНИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – быть подобным весеннему небу, светиться. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Небовеснит, манит далями* [Футуристы 1914: 74]. # Сложносуф.: неб(о) + весн(а) + и(ть).

НЕБОВЕСНОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – быть подобным весеннему небу, светиться. ~ В.К. "*Небовесную песнепьяный*": [Футуристы 1914: 74]. # Сложносуф.: неб(о) + весн(а) + ова(ть).

НЕБОВОДИТЬСЯ, -усь, -ишься, НСВ, н.ф. – дождить. ~ "Водотражали": *Водонебится небоводится* [Каменский 1918: 7]. # Постфиксальное образование от потенциального производящего глагола *небоводить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: небо + водить → *небоводить*): небоводи(ть) + ся.

НЕБОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – небесный. ~ "Слова и слова": *Моя небовая покорность* [Каменский 1918: 24]. # Афф., суф.: неб(о) + ов.

НЕБОГЛАЗЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – сине-(голубо-)глазый. ~ "Степан Разин": *А Степан будто птица – небоглазая птица* [Каменский 1918: 122]. # Сложение корней: неб(о) + глаз.

НЕБОЖАВОРОНОК, -а, м., о., н.ф. – жаворонок в небе. ~ "Кто Я": *Я - вроде небожаворонка* [Каменский 1918: 7]. # Сложение слов: небо + жаворонок.

НЕБОЗЕРОМУТ, -а, м., н. – высокое широкое небо, его отражение в воде. ~ "Небо + озеро + омут": *Небозеромут* [Каменский 1918: 13]. # Сложение корней: неб(о) + озер(о) + омут.

НЕБОЗЁМ, -а, м., н., н.ф. – горизонт, "небесная твердь". ~ Г.П. "Норов": *Горюн распластан на небоземе* [Асеев 1915: 18]. # Сложение основ: неб(о) + земл(я) (усеч. осн.).

НЕБОКРАЙ, -я, м., н. – горизонт. ~ "Овечка у дома": *Небокрай голубится* [Каменский 1918: 65]. # Сложение слов: небо + край.

НЕВИННИЦА, -ы, ж., о. – невинная девушка, девственница. ~ "Грустинница": *Томись и сти, невинница* [Каменский 1918: 59]. # Афф., суф.: невинн(ый) + иц.

НЕВИННО-ГОЛУБОЙ, -ое, -ая, н.ф. – нежно-голубого цвета. ~ "Потом времени исщупанный...": *Скромная чайница с невинно-голубым ободком* [Большаков 1916 б: 37]. # Срращение наречия и прилагательного: невинно + голубой.

НЕВЫНОСИМОВЕСЕННИЙ, -ее, -ая, н.ф. – подобный синеве неба, яркости весеннего солнца, режущий глаза весной. ~ "Утро": *Его красота невыносимовесенняя* [Гуро 1914: 95]. # Срращение наречия и прилагательного: невыносимо + весенний.

НЕДОВИДЕТЬ, -у, -ишь, СВ, н.ф. (НЕДОВИДЕННЫЙ – прич.) – не досмотреть до конца. ~ "Странное": *Недовиденного сна* [Каменский 1918: 59]. # Префиксальное образование от потенциального производящего глагола *довидеть* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: до + видеть → *довидеть*): не + довидеть.

НЕЖНО-СВЕТЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся и к нежности, и к теплу души (свету). ~ "Я в глазах твоих прочту...": *В легкой дымке воспоминанья нежно-светлую черту* [Большаков 1911: 62]. # Срращение наречия и прилагательного: нежно + светлый.

НЕЗАВИСИМО-ОДИНОКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – холостой, не обремененный супружеством. ~ "Перед весной": *Такими бывают только независимо-одинокие* [Гуро 1909: 12]. # Срращение наречия и прилагательного: независимо + одинокий.

НЕЗВОННИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – молчать. ~ "В Гдетотамии Нетамии": *Звон незвоннит* [Каменский 1918: 6]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *незвонный* (при образовании слова пропущено два деривационных шага: не + звон → *незвон*; *незвон* + н → *незвонный*): незвонн(ый) + и(ть).

НЕЗНАННЫЙ, -ое, -ая – незнакомый. ~ "Баллада о королеве Май": *Незнанный друг* [Большаков 1916 б: 21]. # Афф., преф.-суф.: не + зна(ть) + нн(ый).

НЕЛЮБА, -ы, ж., н., н.ф. – нелюбовь, ненависть. ~ "Не": *Нелюбины нелюбы* [Каменский 1918: 49]. # Афф., преф.: не + люби(ть) (усеч. осн.). Ср. Н.П.: нелюба /2/ [III 336] С-ж МС: любить АС: нелюбие [СЦРЯ] ✧ Конечно, нелюба старого ведет к выуму (с. 254).

НЕЛЮБИВА, -ы, ж., о., н.ф. – та, что не любит. ~ "Не": *Нелюбивы в любитных любиллях* [Каменский 1918: 49]. # Афф., суф.: нелюб(а) + ив.

НЕЛЮБИНЫ, мн.ч., н. – зарождение, начало нелюбви, ее именины. ~ "Не": *Нелюбины нелюбы* [Каменский 1918: 49]. # Афф.,суф.: нелюб(а) + ин. Ср. Н.П.: нелюбины /3/ [IV 317; Xr 7] С-МН МС: любить ✧ см. любляться, нелюбок (с. 254).

НЕЛЮБНОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – нелюбовь, ненависть. ~ "Не": *Нелюбности ... нелюбянниц* [Каменский 1918: 50]. # Афф., суф.: нелюб(а) + ность.

НЕЛЮБЯННИЦА, -ы, ж., о., н.ф. – та, что не любит, нелюбимая. ~ "Не": *Нелюбности ... нелюбянниц* [Каменский 1918: 50]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *нелюбяна* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: нелюб(а) + ян → *нелюбяна*): нелюбян(а) + ниц.

НЕМОЛЧНО-ПЛЕЩУЩИЙ, -ее, -ая, н.ф. – взволнованный, морской. ~ "Сонет": *Вы вдаль несетесь, за собой маня немолчно-прещущим волненьем* [Большаков 1911: 21]. # Сращение наречия и причастия: немолчно + плещущий.

НЕОТДАВА, -ы, ж., н., н.ф. – то, что не отдают. ~ "Не": *Неотдавы украденных ласк* [Каменский 1918: 49]. # Афф., преф.-суф.: не + отдава(ть) + Ø.

НЕОТЗОВНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – неотзывающийся. ~ "Не": *Неотзовны зовы* [Каменский 1918: 49]. # Афф., преф.-суф.: не + отозва(ть) + н.

НЕОТКЛИКНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – безответный. ~ "Не": *Неотклик-ные клики* [Каменский 1918: 49]. # Афф., преф.-суф.: не + откликну(ть)ся + н (усеч. осн.).

НЕОТКРЫВНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – крепко закрытый, еще не открытый. ~ "Карнавал Аэронц": *Еще страны неоткрывные* [Каменский 1918: 9]. # Афф., преф.-суф.: не + открыва(ть) + н (усеч. осн.).

НЕПОРОЧНО-ЧИСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – белоснежный. ~ "Так жизнь идет": *А у мужчин были непорочно-чистые манжеты* [Гуро 1909: 44]. # Сращение наречия и прилагательного: непорочно + чистый.

НЕПОСТОЯННИЦА, -ы, ж., о., н.ф. – непостоянная, ветренная женщина. ~ "Не": *Непостоянницы* [Каменский 1918: 49]. # Афф., суф.: непостоянн(ый) + ниц. Ср. В.Д.: Непостоянница (непостоянный) – ж. непостоянный человек (II, с. 529).

НЕПРИКОСНОВЕННО-САМОДОВОЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – гордый. ~ "Так жизнь идет": *Они шли, неприкосновенно-самодовольные* [Гуро 1909: 49]. # Сращение наречия и прилагательного: неприкосновенно + самодовольный.

НЕПРИЛЮБНЫЙ, -ое, -ая – нелюбимый, находящийся без (не при) любви. ~ "Не": *Один я неприлюбный остался* [Каменский 1918: 49]. # Префиксально-суффиксальное образование от потенциального производящего глагола *прилюбить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: при + любить → *прилюбить*): не + прилюби(ть) + н.

НЕРАССТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – не расстающийся никогда. ~ "Любовь поэта": *Где-то пути нерастальные* [Каменский 1918: 130]. # Афф., преф.-суф.: не + расста(ть)ся + льн (усеч. осн.).

НЕРВНОКОЛКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – истерический, осторожный. ~ "Маяковский": *Нервноколкая девушка* [Каменский 1918: 85]. # Сращение наречия и прилагательного: нервно + колкий.

НЕСОННИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – не спать. ~ "В Гдетотамии Нетамии": *Сон несоннит* [Каменский 1918: 6]. # Афф., суф.: несонн(ый) + и(ть).

НЕТАМИЯ, -и, ж., н., н.ф. – страна, находящаяся "не там", неизведанная. ~ "В Гдетотамии Нетамии" [Каменский 1918: 6]. # Афф., преф.-суф.: не + там + иј.

НЕТЕРПЕЛИВО-ЯСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – чистый (о небе). ~ "Порыв": *И нежданное и нетерпеливо-ясное небо* [Гуро 1909: 85]. # Сращение наречия и прилагательного: нетерпеливо + ясный.

НЕУГАСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – неугасимый. ~ "Развесенье": *Загорелись неугасные, на росистых зеленях* [Каменский 1918: 32]. # Афф., преф.-суф.: не + угаса(ть) + н (усеч. осн.). Ср. В.Д.: неугасный (неугасаемый) – вечно горящий, неугасающий, негасимый, вечно поддерживаемый (II, с. 540).

НЕУЛОВИМО-СКОРЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – стремительный. ~ "Автопортрет": *Мелькнет из глаз неуловимо-скорым* [Большаков 1916 б: 22]. # Сращение наречия и прилагательного: неуловимо + скорый.

НЕУСТАВАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – без усталости, никогда не устающий. ~ "Дарю": *Неуставальной стаей лет* [Каменский 1918: 93]. # Афф., преф.-суф.: не + устава(ть) + льн.

НЕУСТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая – действующий без усталости. ~ "Вольный рыбак": *Как хрустальный журчей, неустальный, ничей* [Каменский 1918: 70]. # Афф., преф.-суф.: не + уста(ть) + льн.

НОЖАЛЬ, -и, ж., н. – 1) отталкивание ногами; 2) стремительность ножа. ~ "Карусель": *Ножаль* [Каменский 1918: 42]. # 1) Афф., суф.: (от нога) ног(а) + аль (г//ж); 2) афф., суф.: (от нож) нож + аль.

НОЖЕВЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – быть подобным ножу. ~ "О коченей...": *О коченей, коченей, ножевей* [Ивнев 1916: 12]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *ножевый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: нож + ов → *ножевый*): *ножев(ый) + е(ть)*.

НОЧЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – быть подобным ночи, темнеть. ~ В.Ш. "Прямо в небо качнул я вскрик свой...": *Темновато ночает* [Футуристы 1914: 21]. # Афф., суф.: ночь + е(ть).

О

ОБЕЗЖИЗНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, СВ, н.ф. (ОБЕЗЖИЗНИВШИЙСЯ – прич.) – лишенный способности жить, мертвый, умерший. ~ "Я стихами залью свою душу...": Обезжизнившийся старик [Ивнев 1913: 3]. # Постфиксальное образование от потенциального производящего глагола *обезжизнить* (при образовании слова пропущено два деривационных шага: без + жизнь + и(ть) → *безжизнить*; о + безжизнить → *обезжизнить*): *обезжизнить* + ся.

ОБЫКНОВЕННО-РОВНЫЙ, -ое, -ая – ровный, такой же как у всех. ~ "Смотреть на глуповатые лица...": Обыкновенно-ровные зубы [Ивнев 1913: 2]. # Сращение наречия и прилагательного: *обыкновенно* + *ровный*.

ОБЪИМ, -а, м., н., н.ф. – объятие. ~ Г.П. "Ветрогон": *Скрываясь в обымы* [Асеев 1915: 17]. # Афф., суф.: *обня(ть)* + *ым* (усеч. осн.). Ср. В.Д.: *обым* (*обнимать*) – м. Действие по глаголу *обнимать*, более в значении охвата, окружения (II, с. 607).

ОГНЕВЕЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – веющий огнем. ~ "Степан Разин": *Дни настали огневейные* [Каменский 1918: 126]. # Афф., суф.: *огнев(ой)* + *ейн*.

ОГНИСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – блестящий. ~ "К услугам скалы каменистым...": *И солнце блистаньем огнистым в дробящейся влаге дрожит* [Большаков 1911: 23]. # Афф., суф.: *огонь* + *ист*. Ср. В.Д.: *Огнистый* (*огнь*) – *огонь* в себе держащий (II, с. 645).

ОГНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – блестеть. ~ "Солнцегреюсь": Огнится бокал [Каменский 1918: 79]. # Афф., суф.-постф.: *огонь* + *и(ть)* + *ся*.

ОДИНОЧЕВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – ночевать, спать одному. ~ "Один + ночую": *Один + ночую = одиночую* [Каменский 1918: 6]. # Скоренение: один + ночевать.

ОДНОИТЕЖНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – одни и те же, одинаковые (лица). ~ "Есть прелесть в этих домах ожидания...": *В этих зигзагах лиц одноитежных* [Ивнев 1913: 14]. # Сложносуфф.: одн(и) + и те же + н.

ОЗНОИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. (ОЗНОЕННЫЙ – прич.) – залитый зноем, жаркий. ~ В.М. "Любовь": *Озноенный июльский тротуар* [Хлебников 1913: 22]. # Афф., преф.-суфф.: о + зной + и(ть) (усеч. осн.).

ОКЛИЧЬЕ, -я, с., н. – имя. ~ *Мучит ... окличье* [Асеев 1914: 7]. # Афф., преф.-суфф.: о + клич + j.

ОКЛОНИТЬСЯ, -юсь, -ишья, СВ, н.ф. (ОКЛОНЯСЬ – деепр.) – отклониться, наклониться. ~ "Иммортель": *Оклонясь на медлительности речной* [Большаков 1916 б: 19]. # Афф., преф.: о + клониться.

ОКУРГУЗИТЬ, -ю, -ишь, СВ – сделать, куцом (кургузым), укоротить, одеть в неудобную одежду. ~ "Вася": *Вы скорей поторопились окургузить его в мундирчики и погонцы* [Гуро 1914: 27]. # Афф., преф.-суфф.: о + кургуз(ый) + и(ть).

ОМИРЩИТЬ, -у, -ишь, СВ, н.ф. (ОМИРЩЕННЫЙ – прич.) – умиротворить. ~ Г.П. "Норов": *Омирщенный старью* [Асеев 1915: 19]. # Афф., преф.-суфф.: о + мирск(ой) + и(ть) (ск//щ).

ОПЬЯНИТЕЛЬ, -я, м., о. – тот, кто пьянит (опьяняет). ~ "Ветрогон, сумасброд, летатель...": *Нескованный опьянитель бурь* [Гуро 1914: 15]. # Афф., преф.-суфф.: о + пьяни(ть) + тель.

ОСНЕЖИТЬ, -у, -ишь, н.ф. (ОСНЕЖЕННЫЙ – прич.) – засыпать снегом. ~ "План изумрудный": *Оснеженная, как рождественская ель* [Каменский 1918: 14]. # Афф., преф.-суфф.: о + снег + и(ть) (г//ж).

ОСОЛНЦЕПАЛИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. (ОСОЛНЦЕПАЛЁННЫЙ – прич.) – опалить солнцем. ~ "Вольный рыбак": *Друга осолнцеपालенной любви* [Каменский 1918: 17]. # Префиксальное образование от потенциального производящего глагола *солнцеपालить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: солнце + палить → *солнцеपालить*): о + солнцеपालить.

ОСТАТНЫЙ, -ое, -ая – оставшийся. ~ "Странное": *Остатный пламень отдай в заклад* [Каменский 1918: 60]. # Афф., суф.: остаток + н (усеч. осн.).

П

ПАВОДЬ, -и, ж., н., н.ф. – 1) отражение на воде; 2) печальная заводь. ~ Б.Л. "Лунные паводы" [Бурлюк 1913: 62]. # 1) Скорнение: пасть на воду; 2) скорнение: печальный + заводь. Ср. В.Д.: Паводь – ж. паводье ср. паводок м. половодье, внезапное наводнение от ливня; небольшой, проходящий поток от дождей, не в половодье (III, с. 5).

ПАРУСЕЛ, -а, м., н., н.ф. – парус. ~ Г.П. "Русла": *Паруслом слез* [Асеев 1915: 19]. # 1) Афф., суф.: парус + ел; 2) скорнение: парус + весел (р.п. мн.ч. от весло).

ПЕВЕНЬ, -я, м., н., н.ф. – 1) то, что поют, песня; 2) песня, которая льется, ливень песен. ~ "Не": *Необревные певни* [Каменский 1918: 49]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *певый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: пе(ть) + ев → *певый*): пев(ый) + ень; 2) Скорнение: песня + ливень. Ср. Н.П.: /1/ [II 279] {RV 49...} С-МО МС: петь, певать АС: парень, (укр) півень 'петух' /гребень ✧ см. восстаница (с. 279).

ПЕРЕЗВУЧАЛЬНО, нареч. – подобно звукам (перезвукам), широко. ~ "Весна в Крыму": *Раскиньте души перезвучально* [Каменский 1918: 145]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *перезвучальный* (при образовании слова пропущено два деривационных шага: пере + звучаль → *перезвучаль*; *перезвучаль* + н → *перезвучальный*): *перезвучальн(ый)* + о.

ПЕРЕЛЁТНОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – перелет. ~ "Карнавал Аэронц": *Нам остались ... перелетности вершин* [Каменский 1918: 9]. # Афф., суф.: перелет + ность.

ПЕРЕПЕНЬ, -я, м., н. – мотив, перепев, песня. ~ "Тифлис": *Готов орать стихи под перепень зурны* [Каменский 1918: 159]. # Афф., суф.: перепе(ть) + нь.

ПЕРЕПОНЧАТО, нареч. – громко, до боли в перепонках. ~ "Таится зов": *Мыслью взрывной перепончато футуристически пронзить* [Каменский 1918: 24]. # Афф., суф.: перепончат(ый) + о.

ПЕСНЕПЬЯНСТВОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – быть пьяным от пения, петь в пьяном виде. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *На ступенях песнепьянствуют* [Футуристы 1914: 74]; "Кто я": *Я песнепьянствую* [Каменский 1918: 17]. # Сложение основ: песн(я) + пьянствова(ть) (в этом случае (*песнепьянствовать, песнепьяный, песница, песнянка, песнянно-героический, песнянный, песнобоец, песноскитание*), очевидно, мы можем говорить о целом окказиональном словообразовательном гнезде).

ПЕСНЕПЬЯНЫЙ, -ое, -ая – пьяный от пения, поющий в пьяном виде. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": [Футуристы 1914: 74] # Сложение основ: песн(я) + пьян(ый).

ПЕСНИЦА, -ы, ж., н., н.ф. – песня. ~ "Любовь поэта": *Солнцецветением яснятся песницы* [Каменский 1918: 129]. # Афф., суф.: песн(я) + иц.

ПЕСНИЯНКА, -и, ж., о., н.ф. – девушка, поющая песни. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *На ступенях песнепьянствуют песнянки бо-сиком* [Футуристы 1914: 74]. # Афф., суф.: песн(я) + иянк.

ПЕСНИЯННО-ГЕРОИЧЕСКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – подобный герою песни, воспетый в песнях. ~ "Пермь": *Весь песнянно-героический, в Перми непризнанный герой* [Каменский 1918: 129]. # Сложение основ: песнянн(ый) + героическ(ий).

ПЕСНИЯННЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к песне, песенный. ~ "Слова и слова": *Песнянных легенд волшебства* [Каменский 1918: 25]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *песняна* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: песн(я) + иян → *песняна*): песнян + н.

ПЕСНОБОЕЦ, -а, м., о., н.ф. – автор песен, поэт. ~ "В. Каменский - живой памятник": *Пора возводить песнобойцев при жизни на пьедестал* [Каменский 1918: 22]. # 1) Сложносуф.: песн(я) + бой + ец; 2) скорнение: песня + боец.

ПЕСНОСКИТАНИЕ, -я, с., н., н.ф. – скитание песен, пение песен на ходу. ~ "Любовь поэта": В песносчитаниях утрокрыляется песни [Каменский 1918: 130]. # Сложение основ: песн(я) + скитание.*

ПЕСТРОПОЛОСЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – страстный, подобный тигру. ~ В.М. "Несколько слов о моей жене": Крикливо тянется любовь пестрополосая [Хлебников 1913: 24]. # Сложносуф.: пестр(ый) + полос(а) + Ø.

ПЕСТРОЦВЕТНО, нареч. – с сочетанием нескольких ярких цветов. ~ Дни мелькают пестроцветно [Каменский 1911: 110]. # Афф., суф.: пестроцветн(ый) + о.

ПЕСТРОШЕРСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – разноцветный, с пестрой шерстью. ~ В.М. "Ночь": Толпа – пестрошерстая быстрая кошка [Бурлюк 1913: 91]. # Сложносуф.: пестр(ый) + шерсть + Ø.

ПЕЧАЛЬНО-СВЯТОЙ, -ое, -ая, н.ф. (ПЕЧАЛЬНО-СВЯТ – кр. ф.) – сочетающий в себе святость и печаль, спокойный. ~ "Вчера мы солнце хоронили...": И вечер был печально-свят [Большаков 1911:49]. # Сращение наречия и прилагательного: печально + святой.

ПЛЁСКО, нареч. – с плеском блестя. ~ "Любовь поэта": Плеско плескаются ... челны [Асеев 1916 а: 129]. # Скорнение: плескать + блеск.

ПОБЕДНО-УВЕРЕННЫЙ, -ое, -ая – уверенный в победе, непобедимый. ~ "Выпили! Выпили! - жалобно плачем мы...": Победно-уверенный вылез черный туз [Большаков 1916 б: 38]. # Сращение наречия и прилагательного: победно + уверенный.

ПОВАГА, -и, ж., н., н.ф. – отвага победителя, храбрость. ~ За былую повагу [Асеев 1914: 14]. # Скорнение: победа + отвага.

ПОВЕЧЕРИЕ, -я, с., н., н.ф. – то, что бывает вечером, темнота, сумрак. ~ "Печаль творит красоту": В тишине повечерия [Каменский 1918: 53]. # Афф., преф.-суф.: по + вечер + иј. Ср. В.Д.: Повечерие (повечеру) – вечерняя церковная служба, ко сну; обычно соединяется в вечернею, вечернями (III, с. 143).

ПОИМЧИВЫЙ, -ое, -ая – относящийся к поимке (ловле), пойманный, ловящий. ~ Н.А. "Грозува": *Стекает поимчивый путь* [Асеев 1915: 12]. # Афф., суф.: пойма(ть) + чив (усеч. осн.).

ПОЛНОМЕСЯЦ, -а, м., н. – Луна. ~ "У реки на песке": *Полномесяц* [Каменский 1918: 12]. # Сложение основ: полн(ый) + месяц.

ПОЛУТОРОГЛАЗЫЙ, -ое, -ая – субст. – человек в монокле (м/б Давид Бурлюк). ~ Б.Л. "Люди в пейзаже": *Полутороглазый на реке* [Бурлюк 1913: 64]. # Сложносуф.: полтора + глаз + Ø.

ПОМОЛВЬЕ, -я, с., н., н.ф. – слово, предание. ~ *Помолвьями иными рудая свищет брага* [Асеев 1914: 6]. # Афф., преф.-суф.: по + молв(а) + j.

ПОРОЧНО-НЕЖНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – сочетающий нежность и порок, любвеобильный, сладострастный. ~ "Автопортрет": *Юноша с порочно-нежным взором* [Большаков 1916 б: 22]. # Сращение наречия и прилагательного: порочно + нежный.

ПОСЛЕОБЕДА, неизм., с., н. – послеобеденное время, послеобеденный сон. ~ "Домашние": *Длинное, как вязанный чулок, тянулось послеобеда* [Гуро 1909: 123]. # Сложение корней: после + обед(а).

ПОТАСИК, -а, м., о. – кот-игрун, воришка, любящий все таскать. ~ "Слова любви и тепла": *Беловатик, кошурастик – потасик* [Гуро 1914: 121]. # Афф., преф.-суф.: по + таска(ть) + ик (усеч. осн.).

ПОЦЕЛУЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к поцелую, свадебный. ~ "Блондинка": *Поцелуйную песню пою* [Каменский 1918: 141]. # Афф., суф.: поцелуй + н. Ср. В.Д.: Поцелуйный (поцеловать) – поцелуйный привет, свдбн., пес. (III, с. 368).

ПОЭМИЯ, -и, ж., н., н.ф. – поэма. ~ "Моя карьера": *Из жизни создал я поэмию* [Каменский 1918: 36]. # Афф., суф.: поэм(а) + иj.

ПРЕДВКУСЬЕ, -я, с., н. – ожидание, предчувствие вкуса, м/б голод. ~ "Песни города": *Предвкусье вечерних, ламповых пиршеств* [Гуро

1909: 17]. # Афф., преф.-суф.: пред + вкус + j. Ср. В.Д.: предвкусье (предвкусать) – самое чувство предвкушения (Ш, с. 385).

ПРЕЗРИТЕЛЬНО-САМОДОВОЛЬНЫЙ, -ое, -ая – самодовольный до презрения ко всему окружающему, эгоистичный. ~ "Так жизнь идет": *Он был еще презрительно-самодовольным* [Гуро 1909: 36]. # Сращение наречия и прилагательного: презрительно + самодовольный.

ПРОВОЖАЙКА, -и, ж., н., н.ф. – прощание. ~ "Покурим что ли": *Песни провожайки* [Каменский 1918: 10]. # Афф., суф.: провожа(ть) + йк.

ПРОЛЕТАРЩИК, -а, м., о., н.ф. – рабочий, пролетарий (возможны также ассоциативные связи с корнем -лет-). ~ "На Великий Пролом": *Платки из девичьих ласк для нас, пролетарщиков* [Каменский 1918: 132]. # Афф., суф.: пролетарий + щик.

ПРОНЗИТЕЛЬНО-ДОЛГИЙ, -ое, -ая – длинный, прямой. ~ *Вонзив в свое сердце пронзительно-долгий путь* [Большаков 1916 а: 14]. # Сращение наречия и прилагательного: пронзительно + долгий.

ПРОРУБИНИТЬ, -ю, -ишь, СВ – окрасить в красный цвет. ~ "О, королева...": *Влагу ее прорубинить рубиновой паутиной* [Большаков 1916 б: 11]. # Афф., преф.-суф.: про + рубин + и(ть).

ПРОЧЕЛИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – пролететь надо лбом (челом). ~ *Мимо чела прочелила пчела* [Каменский 1911: 59]. # Афф., преф.-суф.: про + чел(о) + и(ть).

ПУШАТИК, -а, м., о. – маленькое пушистое существо (кот). ~ "Слова любви и тепла": *Котик, пушатик, пушончик* [Гуро 1914: 121]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *пушатый / пухатый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: пух + ат → *пушатый / пухатый*): пухат(ый) + ик.

ПУШОНЧИК, -а, м., о. – маленькое пушистое существо (кот). ~ "Слова любви и тепла": *Котик, пушатик, пушончик* [Гуро 1914: 121]. # Афф., суф.: пух + ончик (х//ш); М/б суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *пушоня* (при образовании

слова пропущен один деривационный шаг: пух + он → *пушоня*): пушон(я) + чик.

ПЫШНО-СМУГЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – полный смуглый (человек). ~ "Странное": *Пышно-слуглых девчонуш* [Каменский 1918: 59]. # Сращение наречия и прилагательного: пышно + смуглый.

ПЬЯНИТЕЛЬ, -я, м., о., н.ф. – тот, что опьяняет (м/б собутыльник). ~ Б.Л. "*Пьянителю рая*" [Бурлюк 1913: 61]. # Афф., суф.: пьяни(ть) + тель.

Р

РАЗВЕСЕЛИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. – сделать веселым. ~ "Весна в Крыму": *Сердца и души вы развеселите* [Каменский 1918: 146]. # Афф., преф.-суф.: раз + весел(ый) + и(ть).

РАЗВЕСЕЛЬ, -и, ж., н. – то, что способно развеселить. ~ "Солнцень – Ярцень": *Задружижилась развесель* [Каменский 1918: 147]. # Афф., преф.: раз + весель.

РАЗВЕСЕНЬЕ, -я, с., н. – веселая (дружная) весна, весенняя погода. ~ "*Развесенье*" [Каменский 1918: 32]. # Афф., преф.-суф.: раз + весн(а) + j.

РАЗВЕСНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, СВ, н.ф. – начать веселую весну. ~ "*Развесенье*": *Развеснились весны ясные* [Каменский 1918: 32]. # Постфиксальное образование от потенциального производящего глагола *развеснить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: раз + весн(а) + и(ть) → *развеснить*): развеснить + ся.

РАЗГУЛЬДЕНЬ, -я, м., н. – день разгула, выходной (воскресение), праздник. ~ "Наследство ржавое": *И разгульдень деннится невтерпеж* [Каменский 1918: 39]. # Сложение основ: разгул + день.

РАЗГУЛЬНО-БОЙКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – безудержный в разгуле. ~ "Тройка": *В колокольцев разгульно-бойком звоне* [Большаков 1911: 32]. # Сращение наречия и прилагательного: разгульно + бойкий.

РАЗГУЛЬНО-ДРУЖНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – дружный в разгуле. ~ "Тройка": *И тройки бег коней разгульно-дружный* [Большаков 1911: 32]. # Сращение наречия и прилагательного: разгульно + дружный.

РАЗДОБЫРДЫВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – м/б делать что-либо бесконтрольно, не подчиняясь никаким правилам. ~ "Степан Разин": "*Раздобырдывай!*" [Каменский 1918: 105]. # Словоуподобленный окказионализм "затемненной" семантики, происхождение слова установить не представляется возможным. Ср. В.Д.: раздобырдывать (растабаривать) (с еврейского ?) разговаривать, беседовать, болтать; раздобаривание, действие по глаголу. тары-бары раздобары, пустая болтовня, беседа (IV, с. 27).

РАЗДОЛЬ, -и, ж., н. – раздолье. ~ "Солнцень – Ярцень": *Бесшабашную раздоль* [Каменский 1918: 146]. # 1) Афф., преф.-суф.: раз + дол + Ø; 2) м/б усеченное от раздолье. Ср. В.Д. раздоль – м. раздолица ж. раздолье ср. (от доля, судьба) простор, обилие и воля, свобода (IV, с. 27).

РАЗЛЕТАЙНОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – небо, небесное пространство. ~ "Над Грустинией": *В разлетайности ... летаю* [Каменский 1918: 43]. # Афф., преф.: раз + летайность (см. летайность).

РАЗЛИВЬЕ, -я, с., н. – разлив реки. ~ "Солнцегреюсь": *Вечерится разливьё* [Каменский 1918: 79]. # Афф., суф.: разлив + j.

РАЗЛУННОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – лунный свет. ~ "Печаль творит красоту": *В тихой разлунности* [Каменский 1918: 53]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *разлунь* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: раз + лун(а) + Ø → *разлунь*): *разлунь* + ность.

РАЗЛУЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) разлука, то, что разлучает; 2) печаль разлуки. ~ "Память о Е. Гуро": *Катится к розтали разлучаль* [Каменский 1918: 54]. # 1) Афф., суф.: разлуча(ть) + ль; 2) скорнение: *разлука* + *печаль*.

РАЗНОЦВЕТ-ФЛАЖОК, -а, м., н., н.ф. – разноцветный флажок. ~ "Шумный смех, опьяняющий и ласковый...": *Разноцветы-флажки* [Ивнев 1913: 11]. # Сложение основ: разноцветн(ый) + флажок (усеч. осн.).

РАЗОКОНЧИТЬСЯ, -усь, -ишься, СВ, н.ф. – прийти к окончательному завершению. ~ А.К. "Мир окончился...": *Мир разокончился* [Хлебников 1913: 17]. # Афф., преф.-постф.: раз + окончи(ть) + ся.

РАННЕУТРЕННИЙ, -ее, -ая, н.ф. – присущий раннему утру. ~ "Жду": *Улыбаюсь... раннеутренней заре* [Каменский 1918: 79]. # Сложение основ: ранн(ий) + утренн(ий).

РАСКАЧАЛЬ, -и, ж., н. – то, что раскачивает (раскачивается); ритмически организованная речь. ~ "Акафист": *О поэтическая раскачаль* [Каменский 1918: 45]. # Афф., суф.: раскача(ть) + ль.

РАСКРЫЛЁННОСТЬ, -и, ж., н. – размах крыльев. ~ "Над Грустнией": *Раскрыленность укрывая* [Каменский 1918: 43]. # Афф., суф.: раскрыленн(ый) + ость.

РАСКРЫЛЯТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – делать более длительным полет при помощи крыльев (планирование). ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Раскрыляет мой полет* [Футуристы 1914: 74]. # Афф., преф.-суф.: рас + крыл(о) + я(ть). Ср. В.Д.: Раскрылять – раскинуть, расширить, размахнуть подобно крыльям (IV, с. 64).

РАСТЕРЯТИК, -а, м., о. – тот, кто теряет. ~ "От счастья легко рождаются слова!": *Верблюдик, растерятик, парходик* [Гуро 1914: 48]. # Афф., суф.: растеря(ть) + тик.

РАСЦВЕЧАТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – расцветиваться. ~ "С тобой": *Когда с тобою я встречаюсь, я мечтаю расцветачуюсь* [Большаков 1911: 46]. # Афф., суф.-постф.: расцвети(ть) + а(ть) + ся (т//ч).

РЕЖУЩЕСИНИЙ, -ее, -ая, н.ф. – ясный, режущий глаза синею. ~ В. Канд. "Фагот": *Режущесиним стало небо* [Бурлюк 1913: 22]. # Сложение основ: режущ(ий) + син(ий).

РЕКАМЕНЬ, -я, м., н. – речной камень. ~ "Камень": *Клин - клинок - рекамень* [Каменский 1918: 9]. # Скорнение: река + камень.

РЕКАЧЕЛИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – расходится волнами по реке. ~ "Водотражали": *Рекачелится* *задымьюпад* [Каменский 1918: 7]. # Суффиксально-постфиксальное образование от потенциального проитзводящего существительного *рекачель* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: *река* + *качель* – скорнение): *рекачель* + и(ть) + ся.

РЕЧАРЬ, -я, м., о., н.ф. – тот, кто говорит, поэт, творец речи. ~ Г.П. "Примерение": *Всех замолчал речарей* [Асеев 1915: 24]. # Афф., суф.: *речь* + *арь*. Ср. Н.П.: *Речар* (колл.) /1/2/ [IV 248] С-МО МС: *речь* ✧ Понятно, необязательно, чтобы речар был бы и писцом книги саморунной, пожалуй, лучше, если бы сей поручил это художнику (с. 306).

РЕЧЕВИТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – подобный речи. ~ Г.П. "Крестовое": *Как речевита одежда из шуй* [Асеев 1915: 27]. # Афф., суф.: *речев(ой)* + *ит*. Ср. В.Д.: *речевитый* (речи) - *речистый*, *красно*, *хорошо говорящий* (IV, с. 94).

РЕЧЕТВОРЕЦ, -а, м., о., н.ф. – творец речи, поэт, писатель. ~ "Черт и речетворцы" [Крученых 1913 б: 1]. # Сложение основ: *речь* + *творец*. Ср. Н.П.: *речетворец* (колл.) /3/ [IV 247; Слово 11] С-МО МС: *речь*, *творить* АС: *речеточец* 'красноречивый человек' [СЦРЯ] ✧ Нас спрашивают об идеале, пафосе? - ни хулиганство, ни подвиг, на фанатик, ни монах, – все Талмуды одинаково губительны для речетворца, и остается всегда с ним лишь слово как <такое> оно. // <...> до нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой "душе" <...> (с. 306).

РОЖДЕСТВЕЛЬ, -и, ж., н., н.ф. – 1) рождество, новогодний праздник с елкой; 2) рождественские ели. ~ "Заячья мистерия": *Мой праздник - северные рождествели* [Каменский 1918: 3]. # 1) Афф., суф.: *рождеств(о)* + *ель*; 2) скорнение: *рождество* + *ель*.

РОЗОГУБЫ, -□ мн.ч., н. – розовые губы, подобные розе. ~ "Блондинка": *Спеть в розогубы поцелуйную песню* [Каменский 1918: 141]. # Сложение корней: *роз(а)* + *губ(а)*.

РОЗОСНЕЖНЫЙ, -ое, -ая – бело-розовый цвет цветущих яблонь. ~ "На пляже в Симеизе": *Как яблони цвет розоснежный* [Каменский 1918: 11]. # Сложносуф.: *роз(а)* + *снег* + *н* (г//ж).

РОЗСТАЛЬ, -и, ж., н., н.ф. – шип розы. ~ "Память о Е. Гуро": *Катится к розстали разлучаль* [Каменский 1918: 54]. # Сложение корней: роз(а) + сталь.

РУШАТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – разрушающий. ~ *Рушатое имя* [Асеев 1914: 8]. # Афф., суф.: руши(ть) + ат (усеч. осн.).

С

САЖАЛЬ, -и, ж., н. – сидение. ~ "Карусель": *Сажаль* [Каменский 1918: 42]. # Афф., суф.: сажа(ть) + ль.

СВЕЖЕЯСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – утренний. ~ "Жду": *Солнце выйдет свежаясное* [Каменский 1918: 80]. # Сложение основ: свеж(ий) + ясн(ый).

СВЕРКАЛЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – светящий, сверкающий красным. ~ Г.П. "Миросель": *Какой-то сверкалой дружины* [Асеев 1915: 19]. # 1) Афф., суф.: сверка(ть) + л; 2) скорнение: сверкать + алый.

СВЕРКАТ, -а, м., н., н.ф. – сверкающий раскат, гроза, гром и молния. ~ *Огневые сверкаты* [Асеев 1914: 14]. # Скорнение: сверкать + раскат.

СВЕРЛОГОЛОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с головой, подобной сверлу, заостренной. ~ "Детство мое": *Сверлоголовые угланы* [Каменский 1918: 92]. # Сложносуф.: сверл(о) + голов(а) + Ø.

СВЕТЛООТПЛЁВЫВАТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. (СВЕТЛООТПЛЁВЫВАЯСЬ – деепр.) – расплевывать расплавленный металл. ~ "*Светлоотплевываясь сталью...*" [Асеев 1916 б: 9]. # Сложение основ: светл(ый) + отплевываться.

СВЕТЛОШАПЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – в белой (светлой) шапке. ~ *Верхоглавье весны светлошапой* [Асеев 1914: 9]. # Сложение основ: светл(ый) + шапк(а) (усеч. осн.).

СВЕТОЛЕТКА, -и, о., о. – молодой, со светлыми (не старыми) летами. ~ "Вольный рыбак": *А я вольный рыбак светолетка* [Каменский 1918: 71]. # Сложносуф.: свет + лет(о) + к.

СВИРЕЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – играть на свирели. ~ "Память о Е. Гуро": *Свирельют пастухи* [Каменский 1918: 55]. # Афф., суф.: свирель + и(ть). Ср. В.Д.: свирелить (свирещать) – играть на свирели // издавать звук, как глиняная уточка, налитая водой (IV, с. 150).

СЕРДЦЕВЗРЫВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. (СЕРДЦЕВЗРЫВНЫЙ – прич.) – разрывать сердце. ~ "Карнавал Аэронц": *Нам остались сердцевзрывные перелетности вершин* [Каменский 1918: 9]. # Сложносуф.: сердц(е) + взрыв + а(ть).

СИНЕОЗЁРИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – осматривать синими (цвета синевы озера) глазами. ~ "Посвящение": *Синеозерит усталым взглядом бульвар* [Большаков 1916 б :17]. # Сложносуф.: син(ий) + озер(о) + и(ть).

СИНЕУСЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с синими усами водорослей. ~ Н.А. "У самого синего...": *Синеусое море* [Асеев 1915: 14]. # Сложносуф.: син(ий) + ус + Ø.

СИНЕХРЕБТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с потемневшей от пота (посиневшей) спиной. ~ *Синели синехребтые мужики* [Каменский 1911: 95]. # Сложение корней: син(ий) + хребет + Ø.

СКВОЗИНА, -ы, ж., н. – пустота. ~ "Выплывали в море упоенное...": *Небо - нежная сквозина* [Гуро 1914: 99]. # Афф., суф.: сквозь + ин.

СКВОЗЬ, -и, ж., н., н.ф. – пустота. ~ "Косарская": *Ветки, сквозью излучённые* [Каменский 1918: 47]. # Морфологич. окказионализм (термин Д.М.): сквозь (нареч.) → сквозь (сущ.).

СКОНЧАЛЬ, -и, ж., н. – финал, окончание. ~ "Акафист": *О поэтическая скончаль* [Каменский 1918: 45]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего глагола *скончатъ* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: с + кончать → *скончатъ*): сконча(ть) + ль.

СЛОВОНОВА, -ы, ж., н., н.ф. – неологизм, окказионализм. ~ "*Словоновы на 3*" [Крученых 1913 а: 3]. # Сложение корней: слов(о) + нов(ый).

СЛУДСКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – слюдяной; С. улицы – с домами, в которых окна со слюдой. ~ "Детство мое": *Со слудских улиц* [Каменский 1918: 92]. # Афф., суф.: слюд(а) + ск (у//ю). Ср. В.Д.: слуда – ж. влгд. слюда, слоистое, стеклянное ископаемое, слюдяной сланец (IV, с. 223).

СМЕЖАЛЬ, -и, ж., н. – нечто смежное, граница. ~ "Карусель": *Смежаль* [Каменский 1918: 92]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего глагола *смежать* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: с + меж(а) + а(ть) → *смежать*): смежа(ть) + ль.

СМЕЛОГРУДЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – храбрый, идущий вперед. ~ "Выплывали в море упоенные...": *Смелогрудые корабли* [Гуро 1914: 99]. # Сложносуф.: смел(ый) + грудь + Ø.

СНЕЖИНА, -ы, ж., н., н.ф. – только что выпавший (нежный) снег. ~ Н.А. "А мы убежим!": *Апрели стынут крыльями снежины* [Асеев 1915: 6]. # Афф., суф.: снег + ин (г//ж).

СНЕЖНО-СОЛНЕЧНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – заснеженный, но освещенный солнцем, режущий глаза. ~ "Жду": *Я стою на снежно-солнечной... боргоре* [Каменский 1918: 79]. # Срращение наречия и прилагательного: снежно + солнечный.

СНЕЖОНОК, -а, м., н. – небольшой снежок, остаток нераствявшего снега. ~ "Девичья": *Снеженок таленький* [Каменский 1918: 137]. # Афф., суф.: снег + онок (г//ж).

СОЗДАВАТЕЛЬ, -я, м., о. – создатель, автор. ~ "Ветрогон, сумасброд, летатель...": *Создатель весенних бурь* [Гуро 1914: 15]. # Афф., суф.: создава(ть) + тель.

СОЛНЕЧНО-ЯРКИЙ, -ое, -ая – присущий яркому солнцу. ~ "Мираж": *Солнечно-яркий призрак встал между нею и жизнью* [Большаков 1911: 89]. # Срращение наречия и прилагательного: солнечно + яркий.

СОЛНИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – светиться. ~ "Наследство ржавое": *Солнится солнце* [Каменский 1918: 39]. # Афф., суф.-постф.: солнц(е) + и(ть) + ся (усеч. осн.).

СОЛНЦЕАЛЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. (СОЛНЦЕАЛЕЮЩИЙ – прич.) – освещать красным на восходе (закате) солнца. ~ В.К. "Небовесную песнепьяный": *Я лечу солнцеалеющим* [Футуристы 1914: 74]. # Сложение слов: солнце + алеть.

СОЛНЦЕВЕЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – веющий (овеянный) солнцем. ~ "Слова и слова": *Солнцевейное солнце стихов* [Каменский 1918: 24]. # Сложносуф.: солнц(е) + ве[ja](ть) + н (усеч. осн.).

СОЛНЦЕВСТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к восходу солнца, утренний. ~ "План изумрудный": *Твоя жизнь солнцевстальная* [Каменский 1918: 14]. # Сложносуф.: солнц(е) + вста(ть) + льн (усеч. осн.).

СОЛНЦЕВСХОД, -а, м., н. – рассвет, восход солнца. ~ "Чудо – республика -- Россия": *И сердцем чуют солнцевсход* [Каменский 1918: 96]. # Сложение слов: солнце + всход.

СОЛНЦЕГЕНИЙ, -я, м., о. – гений "высшей пробы", подобный Солнцу. ~ "Моя карьера": *И стал подобен солнцегению* [Каменский 1918: 36]. # Сложение слов: солнце + гений.

СОЛНЦЕГРЕТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – греться под солнцем, загорать. ~ "*Солнцегреюсь*" [Каменский 1918: 79]. # Сложение слов: солнце + греться.

СОЛНЦЕДАТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – дарованный солнцем, дарующий солнце. ~ "Тифлис": *О солнцедатная ты гор столица* [Каменский 1918: 158]. # Сложносуф.: солнц(е) + да(ть) + тн.

СОЛНЦЕДЕНЬ, -я, м., н. – солнечный день. ~ "Осенью": *Золотится песок, отражая солнцедень* [Каменский 1918: 77]. # Сложение слов: солнце + день.

СОЛНЦЕЗАРНО, нареч. – подобно солнечной заре. ~ "На пляже в Симеизе": *Я пригнал солнцезарно скитается* [Каменский 1918: 11]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *солнцезарный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: солнц(е) + зар(я) + н → *солнцезарный*): _солнцезарн(ый) + о.

СОЛНЦЕКОЖИЙ, -ее, -ая, н.ф. – загорелый. ~ "Я - в Индии": *Приехал мудрости учится у солнцекожих дикарей* [Каменский 1918: 133]. # Сложносуф.: солнц(е) + кож(а) + Ø.

СОЛНЦЕКУДРЫЙ, -ое, -ая – рыжеволосый, кучерявый. ~ "Пою": *Стою на тропинке, солнкудрый* [Каменский 1918: 41]. # Сложносуф.: солнц(е) + кудр(и) + Ø.

СОЛНЦЕЛЕЙ, -я, м., н. – свет солнца. ~ "Яснокрылый": *Льется с небес солнцелей* [Каменский 1918: 60]. # 1) Сложносуф.: солнц(е) + ли(ть) + ей (усеч. осн.); 2) сложение корней: солнц(е) + елей.

СОЛНЦЕЛЕЙНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – относящийся к свету солнца. ~ "Степан Разин": *Пойте песни солнцелейные* [Каменский 1918: 126]. # Афф., суф.: солнцелей + н.

СОЛНЦЕЛОВАНИЕ, -я, с., н., н.ф. – поцелуй солнца, день. ~ "Небо + озеро + омут": *В солнеловании дней* [Каменский 1918: 13]. # Скорнение: солнце + целование.

СОЛНЦЕЛУЧ, -а, м., н., н.ф. – луч солнца. ~ "Кто Я": *Я звеню солнцелучами* [Каменский 1918: 17]. # Сложение слов: солнце + луч.

СОЛЦЕНЬ, -я, м., н. – солнечный день. ~ "Солцень – Ярцень" [Каменский 1918: 146]. # Скорнение: солнце + день.

СОЛНЦЕПАД, -а, м., н., н.ф. – свет солнца. ~ "Бурли журчей": *Солнцападом буди сердца* [Каменский 1918: 49]. # Сложносуф.: солнц(е) + пада(ть) + Ø (усеч. осн.).

СОЛНЦЕПУТЬ, -и, м., н., н.ф. – путь солнца. ~ "Наследство ржавое": *На солнцепути веселится душа* [Каменский 1918: 39]. # Сложение слов: солнце + путь.

СОЛНЦЕСВЕТ, -а, м., н., н.ф. – свет солнца. ~ "У реки на песке": *Блестя в воздухе на солнцесвете* [Каменский 1918: 11]. # Сложение слов: солнце + свет.

СОЛНЦЕЦВЕТЕНИЕ, -я, с., н., н.ф. – цветение солнца, солнечный день. ~ "Любовь поэта": *Солнцецветением яснятся песницы* [Каменский 1918: 129]. # Сложение слов: солнце + цветение.

СОСНОСКРИП, -а, ж., н., н.ф. – скрип сосен. ~ "Водотражали": *Кострыогняются под сосноскрипами* [Каменский 1918: 6]. # Сложение корней: сосн(а) + скрип.

СОСНОСТРОЙ, -я, м., н. – сосновый лес, бор. ~ "Зимний соснострой" [Каменский 1918: 50]. # Сложение корней: сосн(а) + строй.

СПОКОЙ, -я, м., н., н.ф. – тишина, спокойствие, покой. ~ "Память о Е. Гуро": *На седьмой этаж заоблачных спокоев* [Каменский 1918: 54]. # Афф., преф.: с + покой. Ср. В.Д.: покой – м. спокойствие ср. спокойность ж. покой, отсутствие тревог, забот; удобства жизни, достаток и уход, услуга; отдых, роздых от сует, работ, трудов; сон (IV, с. 294).

С-РЫЖА-БУРСА-МАХОРТИНЬКИЙ, -ое, -ая – неизвестно какой. ~ *А тепер я ни то, ни это, так, какой-то с-рыжа-бурса-махортинький* [Каменский 1911: 147]. # Словоуподобленный окказионализм "затемненной" семантики, установить способ образования не представляется возможным.

СТИХОПИС, -а, м., о. – поэт. ~ *Один мой товарищ – молодой стихопис* [Каменский 1911: 14]. # Сложносуфф.: стих + писа(ть) + Ø (усеч. осн.).

СТОГЛАЗЬЕ, -я, с., н). – толпа. ~ В.Ш. "Это вы привязали мою голую душу...": *Стоглазье трамвайное хохотало над прыткою пыткою* [Футуристы 1914: 20]. # Сложносуфф.: ст(о) + глаз + j.

СТОГЛАСНО, нареч. – очень громко. ~ Д.Б. "Я строю скрытных монастырь...": *И все кричит стогласно вокруг* [Футуристы 1914: 122]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *стогласный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: ст(о) + глас + н → *стогласный*): стогласн(ый) + о.

СТОЗОРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – за всеми следящий, всеми видимый. ~ Г.П. "Валы": *Стозорная* доля козыря [Асеев 1915: 26]. # Сложносуф.: ст(о) + зор + н.

СТРАДАЮЩЕ-СПОКОЙНО-БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – внешне (но не внутренне) спокойный. ~ В.М. "Раба костров *страдающе-спокойно-безразличных*" [Бурлюк 1913: 92]. # Сложение основ: страдающ(ий) + спокойн(ый) + безразличн(ый).

СТРАННООКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – с удивленным взглядом, с удивленными глазами. ~ "Лампада": *Согревает душу странноокою* [Каменский 1918: 87]. # Сложение основ: странн(ый) + ок(о) + Ø.

СТРАННО-ОРИГИНАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – нестандартный. ~ "Перед весной": *Стороной проходит девушка, чистая, странно-оригинальная* [Гуро 1909: 12]. # Срощение наречия и прилагательного: странно + оригинальный.

СТРОГО-МНОГОЯРУСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с упорядоченными этажами (ярусами), небесный. ~ Б.Л. "Июль": *В строго-многоярусные строи* [Бурлюк 1913: 62]. # Срощение наречия и прилагательного: строго + многоярусный.

СУРОВО-ГРУБЫЙ, -ое, -ая – обветренный. ~ "Смотреть на глуповатые лица...": *Цвет лица сурово-грубый* [Ивнев 1913: 2]. # Срощение наречия и прилагательного: сурово + грубый.

СУТЁМ, -и, ж., н. – темное время суток. ~ *А тугую сутем раньше света разметем* [Асеев 1914: 4]. # Скорнение: сутки + темень. Ср. В.Д.: Сутемь (сутеменки) – ж. тул. пен. тмб. полусвет на закате солнца, до темени, вечерние сумерки (IV, с. 364).

СЫРЬ, -и, ж., н., н.ф. – сырость. ~ "Приезд в деревню": *Из лесной опушки веяло сырью* [Гуро 1909: 12]. # Афф., суф.: сыр(ой) + Ø. Ср. В.Д.: сырь (сырой) – ж. сиб. молозево; молоко, в первое время после родин и отела, жидкое // сырь, сырость, мокредь в доме, в воздухе, в покоях (IV, с. 376).

Т

ТАТАРЁНОК, -а, м., о., н.ф. – мальчик татарин. ~ "Детство мое": *Татарята ревут* [Каменский 1918: 89]. # Афф., суф.: татарин + енок.

ТЕЛЕСНО-РОЗОВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – телесного цвета. ~ *Телесно-розовых облаков* [Большаков 1916 а: 15]. # Сложение основ: телесн(ый) + розов(ый).

ТЁМНОВЕТВИСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с темными ветвями. ~ "В лесу темноветвистом..." [Асеев 1916 а: 21]. # Сложение основ: темн(ый) + ветвист(ый).

ТЕМНОГРИВО-ЗЕЛЁНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – с гривой черного цвета с зеленым отливом. ~ "Днем": *Превратилась в лошадь боевую темногриво-зеленую* [Гуро 1909: 141]. # Сложение основ: темногрив(ый) + зелен(ый).

ТОЛИЧЕСТВО, -а, с., н., н.ф. – малое количество. ~ Г.П. "Туманы": *Большая мера толичеств* [Асеев 1915: 20]. # Скорнение: (малая) толика + количество.

ТОЛСТОКОРИЧНЕВЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – дождевой, грозовой. ~ В.Канд. "Видеть": *Толстокоричневое повисло, будто на все времена* [Бурлюк 1913: 81]. # Сложение основ: толст(ый) + коричнев(ый).

ТОМЯЩЕ-СЛАДКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – сладостный до истомы. ~ "О темный шелк кудрей...": *Предчувствием томяще-сладких мук* [Большаков 1916 б: 12]. # Сложение основ: томящ(ий) + сладк(ий).

ТОПОКОПЬГИТЬ, -у, -ишь, НСВ, н.ф. – издавать при движении звук, похожий на топот копыт. ~ В.Ш. "Прямо в небо качнул я вскрик свой...": *Топокопытит по рельсам трамвай* [Футуристы 1914: 20]. # Скорнение: топот + копытить.

ТОПОЛЕЦВЕЛЬ, -и, ж., н. – цветение тополя, тополиный пух. ~ "У реки на песке": *Пушится белилами тополецвель* [Каменский 1918: 11]. # Сложносуф.: тополь + цвет + ль (усеч. осн.).

ТОРЖЕСТВЕННО-КОНЦЕРТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – предназначенный для торжеств и концертов. ~ "Песни города": *Рояль черный, торжественно-концертный* [Гуро 1909: 29]. # Сращение наречия и прилагательного: торжественно + концертный.

ТРЕПЕТВИННОСТЬ, -и, ж., н. – трепетная невинность. ~ "Печаль творит красоту": *Трепетвинность ветвей* [Каменский 1918: 52]. # Скорнение: трепет + невинность.

ТРИНЕВЛАСТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – невластный над тремя, неподвластный троим, выдержавший три смены власти (нападения). ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Триневластная твердыня* [Асеев 1915: 11]. # Сложение слов: три + невластный.

ТРОГАТЕЛЬНО-ЧИСТЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – очень чистый. ~ "Так жизнь идет": *Трогательно-чистые воротнички у ... розовой шеи* [Гуро 1909: 44]. # Сращение наречия и прилагательного: трогательно + чистый.

ТРУВЕРИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. (ТРУВЕРЯ - дееприч.) – верить с трудом. ~ "Мягко в моторе...": *Сладко труверить* [Большаков 1916 б: 18]; "Святое ремесло": *Давно мечтательность, труверя, кончена* [Большаков 1916 б: 23]. # Скорнение: трудно + верить.

ТРЯСКАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – трястись, издавая звуки. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": *Что юнело и тряскало* [Футуристы 1914: 22]. # Афф., суф.: тряск(а) + а(ть).

У

УГЛАН, -а, м., о., н.ф. – находящийся, живущий на углу. ~ "Детство мое": *Сверлоголовые угланы* [Каменский 1918: 92]. # Афф., суф.: угол + ан. Ср. В.Д.: Углан – м. (татарск. угл, сыл или от уголь?) взгл. вят., прм., наз. Парень, малый, подросток, бороноволок // болван, повеса, шалун, баловник // неуклюжий толстяк?// нелюдим ? сиб (IV, с. 465).

УЕЗДНО-МОДНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – одетый безвкусно, по провинциальной моде. ~ "Приехал в Ялту": *Уездно-модные провинциалы* [Каменский 1918: 78]. # Сращение наречия и прилагательного: уездно + модный.

УКАЧАЛКА, -и, ж., н. – то, что укачивает, колыбель. ~ В.К. "Небесную песнепьяный": *Раскачают укачалками* [Футуристы 1914: 74]. # Афф., суф.: укача(ть) + лк.

УКРЫЛИТЬ, -ю, -ишь, СВ, н.ф. (УКРЫЛЯЯ - деепр.) – улететь. ~ "Над Грустинией": *Нас укрылят корабли* [Каменский 1918: 43]; "Над Грустинией": *Раскрыленность укрыляя* [Каменский 1918: 43]. # Афф., преф.-суф.: у + крыл(о) + и(ть).

УЛЫБАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. (УЛЫБАЮЩИЙ – прич.) – оглядывать с улыбкой. ~ "Посвящение": *Метродотель, улыбающий равнодушную люстру* [Большаков 1916 б: 17]. # Афф., суф.: улыбка(а) + а(ть) (усеч. осн.).

УМЧАЛЬ, -и, ж., н. – бывшее, то, что умчалось. ~ "Степан Разин": *Развеют веселым умчаль* [Каменский 1918: 105]. # Афф., суф.: умча(ть) + ль.

УМЧАЛЬНЫЙ, -ое, -ая – прошедший, умчавшийся. ~ Г.П. "Ветрогон": *В умчальных верстах* [Асеев 1915: 17]. # Афф., суф.: умчаль + н.

УПОЕВАТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – упиваться песнями, наслаждаться. ~ Г.П. "Русла": *Упоеваясь ... в струях* [Асеев 1915: 19]. # Афф., суф.-постф.: упоение + ва(ть) + ся (усеч. осн.).

УСЧИТЫВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ – контролировать. ~ "В закрытой чаше": *Невозможно, мальчик, всю жизнь себя усчитывать* [Гуро 1909: 205]. # Афф., преф.: у + считывать. Ср. В.Д.: усчитывать – просматривать и проверять; // скидывать со счетов, исправляя их (IV, с. 517).

УТРОБЕРЕГОВОБОР, -а, м., н. – утро в лесу (бору) на берегу реки. ~ "Берег": *Утроберегобор* [Каменский 1918: 65]. # Сложение корней: утр(о) + берег + бор.

УТРОВАНИЕ, -я, с., н., н.ф. – восход солнца. ~ "Звездолины": *Утрованием звездятся росные травы* [Каменский 1918: 19]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего глагола *утр(о)вать* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: утр(о) + ова(ть) → *утр(о)вать*): утрова(ть) + ниј.

УТРОВЕТЕР, -а, м., н., н.ф. – утренний ветер, небо. ~ "Кто Я": *Я - вроде утроветра* [Каменский 1918: 7]. # Сложение корней: утр(о) + ветер.

УТРОВЕЧЕРИЕ, -я, с., н., н.ф. – заря. ~ В.К. "От иероглифов до А": *Электрическая люстра - утровечерия сестра* [Футуристы 1914: 73]. # Сложносуф.: утр(о) + вечер + иј.

УТРОВСТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – рассветный. ~ "Весна в Крыму": *И радость утровстальна* [Каменский 1918: 146]. # Сложносуф.: утр(о) + вста(ть) + льн.

УТРОКРЫЛИТЬСЯ, -юсь, -ишься, НСВ, н.ф. – летать утром. ~ "Любовь поэта": *В пеноскитаниях утрокрылятся песни* [Каменский 1918: 130]. # Постфиксальное образование от потенциального производящего глагола *утрокрылить* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: утр(о) + крыл(о) + и(ть) → *утрокрылить*): утрокрылить + ся.

УТРОНЕЖНЫЙ, -ое, -ая – относящийся к утренней нежности (свежести). ~ "Зимний соснострой": *Я – весной утронежный поэт* [Каменский 1918: 50]. # Сложение основ: утр(о) + нежн(ый).

УТРОСНЕЖНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – чистый, подобный утреннему снегу. ~ "Пью за Кавказию": *Пусть наши души утроснежны* [Каменский 1918: 134]. # Сложение основ: утр(о) + снежн(ый).

УТРОУТЁС, -а, м., н., н.ф. – начало утра, утренняя заря, рассвет. ~ "Наследство ржавое": *На утроутесе устья Камы* [Каменский 1918: 39]. # Сложение корней: утр(о) + утес.

Ф

ФИОЛЕТИТЬСЯ, -усь, -ишься, НСВ, н.ф. – подниматься вверх с фиолетовым сиянием. ~ "Любовь поэта": *К звездам фиолетятся лестницы* [Каменский 1918: 129]. # Афф., суф.-постф.: фиолетов(ый) + и(ть) + ся (усеч. осн.).

ФИОЛЕТОВО-СУМЕРЕЧНЫЙ, нареч. – вечерний, происходящий в сумерках (поздним вечером). ~ К.Б. "Девушки": *Фиолетово-сумеречно*

наструнили стаканы ... вина [*Футуристы 1914*: 121]. # Сложение основ: фиолетов(ый) + сумеречн(ый).

ФУТУРОРАЗБОЙНИК, -а, м., о., н.ф. – футуристический разбойник. ~ "В. Каменский – живой памятник": *А теперь обзываете футуро-разбойниками гениальных Детей Современности* [*Каменский 1918*: 22]. # Сложение основ: футурист + разбойник (усеч. осн.).

Х

ХОЛОДНО-НЕМОЙ, -ое, -ая, н.ф. – мертвый. ~ "Я вдохнул в мои песни...": *Отгоня холодно-немое раздумье* [*Большаков 1911*: 29]. # Срращение наречия и прилагательного: холодно + немой.

ХРУСТАЛЬНО-ЧЁТКИЙ, -ое, -ая, н.ф. – прозрачный. ~ "О, королева...": *Над хрустально-четким городом плывет* [*Большаков 1916 б*: 11]. # Срращение наречия и прилагательного: хрустально + четкий.

Ц

ЦВЕТАНСТВОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – 1) цвести; 2) путешествовать с цветами. ~ В.К. "Небovesную песнепьяный": *Расцветанием цветанствуют* [*Футуристы 1914*: 74]. # Скорнение: цветы + странствовать.

ЦВЕТЁНОК, -а, м., н. – маленький цветок. ~ "Девичья": *Цветенок аленький* [*Каменский 1918*: 137]. # Афф., суфф.: цвет + енок.

ЦВЕТИНКА, -и, ж., н. – цветок. ~ "Чурли-Журль": *Не слышит цветинка* [*Каменский 1918*: 85]. # Афф., суфф.: цвет + инк. М/б суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *цветина* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: цвет + ин → *цветина*): цветин(а) + к.

ЦВЕТИНОЧКА, -и, ж., н. – 1) маленький цветок; 2) ночь цветения, ночь цветов. ~ "Ночка": *Цветиночка - цвети ночка* [*Каменский 1918*: 42]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего существительного *цветина* (при образовании слова пропущен один деривацион-

ный шаг: цвет + ин → *цветина*): цветин(а) + очк; 2) скорнение: цветы + ночка.

ЦВЕТЛЯНА, -ы, ж., н. – поляна цветов. ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Дивится дому цветляна* [Асеев 1915: 11]. # Скорнение: цветы + поляна.

ЦВЕТОПЛАТОЧЕК, -а, ж., н. – цветной (цветастый) платок, шаль. ~ "Дарю": *Дарю... цветоплаточек* [Каменский 1918: 92]. # Сложение основ: цвет + платочек.

Ч

ЧАНИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – кипятить в чане. ~ "Детство мое": *Чан ... чанил воду* [Каменский 1918: 90]. # Афф., суф.: чан + и(ть).

ЧАЯТЬСЯ, -юсь, -ешься, НСВ, н.ф. – вести себя подобно чайке, громко кричать. ~ "Наследство ржавое": *Чаятся чайки* [Каменский 1918: 39]. # Афф., суф.-постф.: чайк(а) + а(ть) + ся (усеч. осн.).

ЧЕКАННО-ХРУСТАЛЬНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – чистый, прозрачный. ~ "На Великий Пролом": *Душой... чеканно-хрустальной* [Каменский 1918: 131]. # Срращение наречия и прилагательного: чеканно + хрустальный.

ЧЕРНОВОДЬЕ, -я, с., н., н.ф. – черная вода, м/б озеро. ~ "Он доверчив - не буди...": *Маленькую зарю над черноводьем* [Гуро 1914: 33]. # Сложносуф.: черн(ый) + вод(а) + j. Ср. В.Д.: черноводье (черный) – ср. мутная, грязная вода половодья (IV, с. 517).

ЧЕРНОЛАПА, -ы, ж., н., н.ф. – черная лапа, поломанный лес, валяжник. ~ "Бурли журчей": *Чурли журчей ... в чернолапах диким эхом* [Каменский 1918: 48]. # Сложение корней: черн(ый) + лап(а).

ЧЁРНО-СТЕКЛЯРУСНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – блестящий. ~ "Загородного сада расходились посетители...": *Сказали черно-стеклярусным взором* [Большаков 1916 б: 24]. # Срращение наречия и прилагательного: черно + стеклярусный.

ЧЕРНУЩЕ-ДОЛГИЙ, -ое, -ая, н.ф. – черный, подобный ночи. ~ "Детство мое": *Ночи ... чернуще-долгие* [Каменский 1918: 91]. # Сложение основ: чернущ(ий) + долг(ий).

ЧЕРНОШЁЛКОВЫЙ, -ое, ая, н.ф. – подобный черному шелку, из черного шелка. ~ "Смена событий": *Ночь в черношелковом платье* [Каменский 1918: 51]. # Сложение основ: черн(ый) + шелков(ый).

ЧЁРНО-ШУРШАЩИЙ, -ее, -ая – из черного шуршащего материала. ~ "Загородного сада расходились посетители...": *Одетый в тысячи черно-шуршащих юбок* [Большаков 1916 б: 24]. # Сращение наречия и причастия: черно + шуршащий.

ЧЁТКО-ХРУСТАЛЬНО, нареч. – прозрачно. ~ "Все четко-хрустально" [Большаков 1916 б: 12]. # Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *четко-хрустальный* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: четко + хрустальный + н → *четко-хрустальный*): четко-хрустальн(ый) + о.

ЧУДО-ЗУДО, неизм., с., н./о. – нечто чудесное, относящееся к "зуду". ~ "Словоновы": *Чудо-зудо зыба-кит* [Крученых 1913 а: 4]. # Релятивный словоуподобленный окказионизм "затемненной" семантики: чудо-юдо → чудо-зудо.

ЧУРЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – издавать звук отпугивающий кого-либо, ассоциирующийся с "Чур меня!". ~ "Бурли журчей": *Чурли, журчей* [Каменский 1918: 48]. # Афф., суф.: чурль + и(ть).

ЧУРЛЬ, -я, м., н., н.ф. – нечто оберегающее. ~ "Бурли журчей": *Пусть помнят ярко Журчая-Чурля-игреца* [Каменский 1918: 49]. # 1) Афф., суф.: чур + ль; 2) скорнение: чур + бурлить.

Ш

ШАРО-ПРАВИТЕЛЬСТВО, -а, с., н., н.ф. – правительство земного шара. ~ "Весная народная": *Единственная голова у Единого Шара-Правительства* [Каменский 1918: 86]. # Сложение основ: шар + правительство.

ШЕЛЕСТИННОСТЬ, -и, ж., н., н.ф. – скромность. ~ "Печаль творит красоту": *В шелестинности детских лет* [Каменский 1918: 52]. # Скорнение: шелест + невинность.

ШЕЛКОВОАЛЫЙ, -ое, -ая – подобный красному знамени; шёлковоалый кусок (ФО) – знамя. ~ "Пью": *Шелковоалый кусок* [Каменский 1918: 20]. # Сложение основ: шелков(ый) + ал(ый).

ШЕЛКОВОШУМ, -а, м., н. – тихий шум. ~ "Любовь поэта": *Где-то шелковошум облаков* [Каменский 1918: 130]. # Сложение основ: шелков(ый) + шум.

ШПИЛИТЬ, -ю, -ишь, НСВ, н.ф. – прикалывать. ~ "Мягко в моторе...": *Шпильте гвоздикой трепет загрёзный* [Большаков 1916 б: 18]. # Афф., суф.: шпиль + и(ть). Ср. В.Д.: шпилить (шпиль) – прикалывать шпильками, булавками // досаждать колкостями, обидняками (IV, с. 643).

Ю

ЮНЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – делаться юным, молодым. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": *Что юнело и трескало* [Футуристы 1914: 22]. # Афф., суф.: юн(ый) + е(ть). Ср. В.Д.: юнеть (юный) – становиться юным, молодеть, моложаветь на вид (IV, с. 667).

Я

ЯРЕСТВОВАТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – 1) делаться яростным; 2) блестеть. ~ Н.А. "Заповедная Буща": *Ярествуют на груди* [Асеев 1915: 11]. # 1) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного *ярествый* (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: ярост + в (о/е) → *ярествый*): яреств(ый) + ова(ть).

ЯРКОДИВНЫЙ, -ое, -ая – удивительный. ~ "Н.Филлипов": *Создатель яркодивный художественного салона* [Каменский 1918: 67]. # Срещенные наречия и прилагательного: ярко + дивный.

ЯРКОПЛАТОК, -а, м., н., н.ф. – платок яркой расцветки, цветастая шаль. ~ "Кто Я": *Я - вроде яркоплатка* [Каменский 1918: 17]. # Сложение основ: ярк(ий) + платок.

ЯРКО-РАДОСТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – ярко одетый, радостный (ЯРКО-РАДОСТНЫЕ ДЕТИ (ФО) – м/б пионеры). ~ "Чудо – республика – Россия": *Ярко-радостные дети* [Каменский 1918: 96]. # Сращение наречия и прилагательного: ярко + радостный.

ЯРКОЦВЕТНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – яркого цвета, ярко освещенный, мозаичный. ~ "Во имя океанское Н.Н.Евреинова": *Нас неслучайно видели за яркоцветным окном* [Каменский 1918: 45]. # Сложносуф.: ярк(ий) + цвет + н(ый).

ЯРОСТНОКРЫЛЫЙ, -ое, -ая – стремительный, быстрый (ГОНЩИК ЯРОСТНОКРЫЛЫЙ (ФО) – летчик). ~ "Безумная песня": *Гонщик яростнокрылый* [Асеев 1916 а: 17]. # Сложносуф.: яростн(ый) + крыл(о) + Ø.

ЯРЦЕНЬ, -я, м., н. – 1) нечто яркое, светящееся; 2) яркий, солнечный день. ~ "Солнцень - Ярцень" [Каменский 1918: 146]. # 1) Афф., суф.: ярк(ий) + ень (к//ц); 2) скорнение: яркий + день.

ЯРЧАЛЬ, -и, ж., н. – 1) нечто яркое; 2) свежее (яркое) воспоминание. ~ "Акафист": *О поэтическая ярчаль* [Каменский 1918: 44]. # 1) Афф., суф.: ярк(ий) + аль (к//ч); 2) Скорнение: яркий + печаль.

ЯСАВЫЙ, -ое, -ая – ясный. ~ "Словоновы": *Ясавый зудаичик* [Крученых 1913 а: 4]. # Афф., суф.: ясн(ый) + ав (усеч. осн.).

ЯСНИТЬСЯ, -юсь, -ишся, НСВ, н.ф. – светиться. ~ "Любовь поэта": *Солнцецветением яснятся песницы* [Каменский 1918: 129]. # Афф., суф.-постф.: ясн(ый) + и(ть) + ся.

ЯСНОКРЫЛЫЙ, -ое, -ая – с белыми, светлыми (ясными) крыльями. ~ "Яснокрылый" [Каменский 1918: 62]. # Сложносуф.: ясн(ый) + крыл(о) + Ø.

ЯСНОЛАЗУРНЫЙ, -ое, -ая, н.ф. – нежно-(светло-)голубой. ~ У нее ... яснолазурные глаза [Каменский 1911: 123]. # Сращение наречия и прилагательного: ясно + лазурный.

ЯСНООЧИ, -ей, мн.ч., с., н., н.ф. – светлые (м/б голубые) глаза. ~ "Блондинка": Блондинка ясноочами отражает молчаль берегов [Каменский 1918: 141]. # Сложение основ: ясн(ый) + оч(и).

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ:

- 1) слово;
- 2) часть речи, грамматические пометы:
 - а) для изменяемых частей речи – окончания (Р.П., ед.ч – для имен существительных; И.П. ср., ж. р. – для имен прилагательных; 1 л., ед.ч., 2 л., ед.ч. – для глаголов);
 - б) для глаголов – вид, для существительных – род, одушевленность - неодушевленность;
 - в) начальная форма, если она восстановлена;
- 3) предполагаемое значение слова;
- 4) через помету «~» дается иллюстративный материал:
 - а) автор, если слово встречается в сборнике;
 - б) название произведения;
 - в) цитата;
 - г) номер по списку источников и страница;
- 5) через помету «#» дается схема словообразования;
- 6) соотнесенность слова со словарями: 1) В. Даль "Толковый словарь живого великорусского языка" (4 т.), М., 1979 – 1980; 2) Н. Перцова – Словарь неологизмов Велимира Хлебникова, М. – Vien, 1995.

НАПРИМЕР:

ЮНЕТЬ, -ю, -ешь, НСВ, н.ф. – делаться юным, молодым. ~ В.Ш. "Церковь за оградой...": Что юнело и трескало [Футуристы 1914: 22]. # Афф., суф.: юн(ый) + е(ть). Ср. В.Д.: юнеть (юный) – становиться юным, молодеть, моложаветь на вид (IV, с. 667). Что означает следующее:

- 1) юнеть;
- 2) глагол (даны грамматические пометы);
- 3) несовершенный вид;
- 4) начальная форма восстановлена;
- 5) значение слова – делаться юным, молодеть;
- 6) автор окказионализма – Вадим Шершеневич;

7) слово встречается в сборнике Футуристы. К.Большаков, Бурлюки: Давид, Владимир, Николай и др. "Дохлая луна" (2 изд.), М., 1914, с. 22 [*Футуристы 1914*: 22];

8) употреблено в стихотворении "Церковь за оградой...";

9) цитата: *Что юнело и трескало*;

10) слово оразовано по аффиксальному, суффиксальному способу: Афф., суф.: юн(ый) + е(ть);

11) слово встречается в 4 томе «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: юнеть (юный) – становиться юным, молодеть, моложаветь на вид (IV, с. 667).

ИСТОЧНИКИ:

1. *Асеев 1914* – Асеев Н. "Зор", М., 1914.
2. *Асеев 1915* – Асеев Н., Петников Г. "Леторей", М., 1915.
3. *Асеев 1916 а* – Асеев Н. "Ночная флейта", М., 1916.
4. *Асеев 1916 б* – Асеев Н. "Ой конин дан окейн", М., 1916.
5. *Большаков 1911* – Большаков К. "Мозаика", М., 1911.
6. *Большаков 1916 а* – Большаков К. "Поэма событий", М., 1916.
7. *Большаков 1916 б* – Большаков К. "Солнце на излете", М., 1916.
8. *Бурлюк 1913* – Бурлюк Д. и др. "Пощечина общественному вкусу", М., 1913.
9. *Гуро 1914* – Гуро Е. "Небесные верблюжата", СПб., 1914.
10. *Гуро 1909* – Гуро Е. "Шарманка", СПб., 1909.
11. *Ивнев 1916* – Ивнев Р. "Золото смерти", М., 1916.
12. *Ивнев 1913* – Ивнев Р. "Пламя пышет", М., 1913.
13. *Каменский 1918* – Каменский В. "Звучаль веснянки", М., 1918.
14. *Каменский 1911* – Каменский В. "Землянка", М., 1911.
15. *Крученых 1913 а* – Крученых А. "Поросята", СПб., 1913.
16. *Крученых 1913 б* – Крученых А. "Черт и речетворцы", СПб., 1913.
17. *Футуристы 1914* – Футуристы. К.Большаков, Бурлюки: Давид, Владимир, Николай и др. "Дохлая луна" (2 изд.), М., 1914.
18. *Хлебников 1913* – Хлебников В. и др. "Дохлая луна. Сборник единственных футуристов мира!" (1 изд.), М., 1913.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ СЛОВАРЯ:

I. Авторы:

А.К. – Алексей Крученых.

Б.Л. – Бенедикт Лившиц.

В.К. – Василий Каменский.

В.Канд. – Василий Кандинский.

В.М. – Владимир Маяковский.

В.Ш. – Вадим Шершеневич.

Г.П. – Григорий Петников.

Д.Б. – Давид Бурлюк.

К.Б. – Константин Большаков.

Н.А. – Николай Асеев.

II. Части речи и их особые формы:

деепр. – деепричастие;

междом. – междометие;

нареч. – наречие;

прич. – причастие.

III. Морфологические признаки:

Для глаголов: НСВ – несовершенный вид; СВ – совершенный вид;

Для существительных : род:

ж. – женский род;

м. – мужской род;

о. – общий род;

с. – средний род;

одушевл. – неодушевл.;

н. – неодушевл.;

о. – одушевл.

IV. Способы словообразования:

афф. – аффиксальный;

преф. – префиксальный;

преф.-постф. – префиксально-постфиксальный;

преф. - суф. – префиксально-суффиксальный;

преф.-суф.-постф. – префиксально-суффиксально-постфиксальный;

постф. – постфиксальный;

сложносуф. – сложносуффиксальный;

суф. – суффиксальный;

суф. - постф. – суффиксально-постфиксальный.

Общее количество слов в словаре – 834. Они размещены следующим образом:

а) по авторской принадлежности:

В. Каменский – 448 слов,
А. Крученых – 92 слова,
К. Большаков – 81 слово,
Н. Асеев – 70 слов,
Е. Гуро – 52 слова,
Г. Петников – 28 слов,
В. Шершеневич – 26 слов,
Б. Лившиц – 19 слов,
Р. Ивнев – 10 слов,
В. Маяковский – 4 слова,
В. Кандинский – 3 слова,
Д. Бурлюк – 1 слово;

б) по алфавиту:

А – 3 слова,
Б – 55 слов,
В – 92 слова,
Г – 52 слова,
Д – 25 слов,
Ж – 16 слов,
З – 117 слов,
И – 8 слов,
К – 40 слов,
Л – 43 слова,
М – 24 слова,
Н – 60 слов,
О – 29 слов,
П – 54 слова,
Р – 44 слова,
С – 73 слова,
Т – 27 слов,
У – 20 слов,
Ф – 3 слова,
Х – 2 слова,
Ц – 8 слов,
Ч – 19 слов,
Ш – 6 слов,
Ю – 1 слово,

Я – 13 слов.

в) по частеречной принадлежности:

существительных – 443,

прилагательных – 254,

глаголов и глагольных образований (причастий и деепричастий) –
103 (из них причастий – 7, деепричастий – 3),
наречий – 33 и 1 междометие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, 1986: Агеев В.С. Психологические исследования социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1.
2. Агеев, 1988: Агеев В.С. Перспективы развития этнопсихологических исследований // Психологический журнал. – Т. 9. – М., 1988. – № 3.
3. Александров, 1985: Александров А. Октябрьский хронограф Велимира // Звезда. – 1985. – № 12.
4. Александрова, 1973: Александрова О.И. О формировании моделей поэтического словотворчества // Актуальные вопросы лексики, словообразования, синтаксиса и стилистики современного русского языка. – Куйбышев, 1973.
5. Александрова, 1978: Александрова О.И. Русское поэтическое словотворчество // Традиции и новаторство в поэтическом языке: Науч. тр. Куйбышевского государственного педагогического института. – Т. 218. – Куйбышев. 1978.
6. Александрова, 1979: Александрова О.И. Индивидуальное словообразование на базе имен собственных // Лексическое и семантическое словообразование в русском языке: Науч. тр. Куйбышевского государственного педагогического института. – Т. 228. – Вып.1 – Куйбышев, 1979.
7. Александрова, 1980: Александрова О.И. Русское поэтическое словотворчество: Организация плана выражения // Художественная речь: Традиции и новаторство. – Куйбышев, 1980.
8. Айги, 1992: Айги Г. Предисловие к книге А.Крученых «Кукиш прошлякам». – Москва–Таллин. – 1992.
9. Андриевский, 1985: Андриевский А.Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. – 1985. – № 12.
10. Анненков, 1991: Анненков Ю. Велимир Хлебников // Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т.1 – М., 1991.
11. Аристов, 1992: Аристов В. Звонкий вестник добра // Татарстан. – 1992. – №№ 2, 3.
12. Арутюнова, 1987: Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3.
13. Бакина, 1975: Бакина М.А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества // Русский язык в школе. – 1975. – № 5.

14. Бакина, 1977: Бакина М.А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы; Поэзия. – М., 1977.
15. Барлас, 1985: Барлас В. Чистая музыка слова // Нева. – 1985. – № 10.
16. Башмакова, 1987: Башмакова Н. Слово и образ: О творческом мышлении Велимира Хлебникова: Дисс. ... докт. филол. наук. – Хельсинки, 1987.
17. Березарк, 1965: Березарк И. Встречи с Хлебниковым // Звезда. – 1965. – № 12.
18. Берковский, 1985: Берковский Н.Я. О русской литературе. – Л., 1985.
19. Богуславский, 1988: Богуславский В.М. В защиту делового штампа // Русская речь. – 1988 – № 6.
20. Борисовский, 1956: Борисовский Г. О красоте и стандарте // Новый мир. – 1956. – № 8.
21. Брагина, 1973: Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. – М., 1973.
22. Будагов, 1959: Будагов Р.А. Против словесных штампов. – Вопросы культуры речи. – 1959. – Вып. 2.
23. Ваншенкин, 1985: Ваншенкин К. Поэт для читателя // Литературная учеба. – 1985. – № 6.
24. Верещагин, 1980: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
25. Виноградов, 1963: Виноградов В.В. Стилистика: Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
26. Виноградов, 1966: Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. – 1966 – № 6.
27. Винокур, 1991: Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991.
28. Габинская, 1985: Габинская О.А. Причины современного русского словотворчества: Дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 1985.

29. Гарбуз, 1988: Гарбуз А.В. Карнавальная природа поэмы Хлебникова и Крученых «Игра в аду» // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1988.
30. Гарбуз, 1991: Гарбуз А.В., Зарецкий В.А. Несколько ключевых образов Хлебникова // Фольклор народов СССР: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 1991.
31. Гончаров, 1976: Гончаров Б.П. Маяковский и Хлебников: К проблеме концепции слова // Филологические науки. – 1976. – № 3.
32. Гончаров, 1983: Гончаров Б.П. Поэзия революции и «самовитое слово» // Вопросы литературы. – 1983. – № 7.
33. Горбачевич, 1971: Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. – Л., 1971.
34. Горбачевич, 1975: Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: Дисс. ... докт. филол. наук. – Л., 1975.
35. Григорьев, 1976: Григорьев В.П. Ономастика Велимира Хлебникова // Ономастика и норма. – М., 1976.
36. Григорьев, 1979 а: Григорьев В.П. Вкус слова // Литературное обозрение. – 1979. – № 4.
37. Григорьев, 1979 б: Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979.
38. Григорьев, 1982: Григорьев В.П. Воображаемая филология Велимира Хлебникова // Стилистика художественной речи. – Калинин, 1982.
39. Григорьев, 1983: Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: Велимир Хлебников. – М., 1983.
40. Григорьев, 1985 а: Григорьев В.П. Лобачевский слова // Русская речь. – 1985. – № 5.
41. Григорьев, 1985 б: Григорьев В.П. Свобода и необходимость поэта // Литературная учеба. – 1985. – № 4.
42. Григорьев, 1986: Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. – М., 1986.
43. Григорьев, 1987: Григорьев В.П. К эстетике неологизма // Русский язык: Языковые значения в функциональных и эстетических аспектах. – М., 1987.
44. Дельская, 1990: Дельская Т.Ф. Речевые стереотипы в языке газеты: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1990.

45. Добродомов, 1987: Добродомов И.Г. Окказиональное новообразование или узуальное заимствование? // Эволюция семантических и других свойств русской лексики: Межвузовский сборник науч. тр. – М., 1987.
46. Дуганов, 1985: Дуганов Р.В. Поэт, история, природа // Вопросы литературы. – 1985. – № 10.
47. Дудин, 1985: Дудин М. Вольные птицы Велимира Хлебникова // Аврора. – 1985. – № 11.
48. Елисеева, 1984: Елисеева В.В. К уточнению термина «окказионализм» // Термины в языке и речи: Межвузовский сборник науч. тр. – Горький, 1984.
49. Ельмслев, 1962: Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. – Вып. 2. – М., 1962.
50. Жадова, 1976: Жадова Л. «Толпа прозрачно-светлых сот...» // Наука и жизнь. – 1976. – № 8.
51. Земская, 1963: Земская Е.А. Как делаются слова. – М., 1963.
52. Земская, 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992.
53. Золотова, 1966: Золотова Г.А. Слово и штампы // Вопросы культуры речи. – Вып. 7. – 1966.
54. Изотов, 1997: Изотов В.П., Панюшкин В.В. Неузуальные способы словообразования: Конспекты лекций к спецкурсу. – Орел, 1997.
55. Кедров, 1982: Кедров К. "Звуковая азбука" Велимира Хлебникова // Литературная учеба. – 1982. – № 3.
56. Кедров, 1985: Кедров К. Столетний Хлебников // Новый мир. – 1985. – № 11.
57. Ковалевская, 1986: Ковалевская Е.Г. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе // Узуальное и окказиональное в тексте художественных произведений : Межвузовский сборник науч. тр. – Л., 1986.
58. Корнеева, 1971: Корнеева Н.И. Неологизмы в советской поэзии: (Опыт стилистического анализа) // Писатель и жизнь. – Вып. 6. – М., 1971.
59. Коршунова, 1972: Коршунова Я.Б. Ситуация и узус речи // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. – М., 1972.

60. Костецкий, 1975: Костецкий А.Г. Лингвистическая теория Хлебникова // Структурная и математическая лингвистика. – Вып. 3 – Киев, 1975.
61. Костомаров, 1967: Костомаров В.Г. Слова-сигналы // Русская речь. – 1967. – № 3.
62. Костомаров, 1968: Костомаров В.Г. Эстетствующее фразерство и проблемы стандартизации // Вестник МГУ. – 1968. – № 4.
63. Кузьмин, 1985 а: Кузьмин Е. Необычный человек // Учительская газета. – 1985. – 14 ноября.
64. Кузьмин, 1985 б: Кузьмин Е. Вестник добра // Литературная газета. – 1985 – 18 декабря.
65. Левин, 1991: Левин А., Строчков В. В реальности иного мира. Лингвосемантический текст: (Попытка анализа и систематизации) // Лабиринт-эксцентр. – 1991. – № 3.
66. Лейтес, 1973: Лейтес А. Хлебников – каким он был // Новый мир. – 1973. – № 1.
67. Лопатин, 1973: Лопатин В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973.
68. Лыков, 1974: Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? // Русский язык в школе. 1974 – № 2.
69. Лыков, 1972: Лыков А.Г. Русское окказиональное слово: Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1972.
70. Лыков, 1976: Лыков А.Г. Современная русская лексикология: (Русское окказиональное слово). – М., 1976.
71. Лыков, 1972: Лыков А.Г. Целесообразен ли термин «окказиональное слово»? // Единицы различных уровней языка: Науч. тр. Кубанского Государственного Университета. – Краснодар, 1972.
72. Лыков, 1977: Лыков А.Г. Окказионализм и норма // Грамматика и норма. – М., 1977.
73. Маковский, 1989: Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М., 1989.
74. Малахов, 1987: Малахов В.А. Художественный образ как феномен культуры // Искусство в системе культуры. – Л., 1987.
75. Мандельштам, 1987: Мандельштам О.Э. Слово и культура. – М., 1987.

76. Масленников, 1996: Масленников Д.Б. Опыт лингвистического толкования окказионализмов поэтического языка В.Хлебникова // Семантика и функционирование единиц языка и речи: Межвузовский сборник науч. тр. – Уфа, 1996.

77. Масленников, 1997: Масленников Д.Б. «Словоновы на «З» Алексея Крученых // Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи: Межвузовский сборник науч. тр. – Уфа, 1997.

78. Маяковский, 1988: Маяковский В.В. Собр. соч.: В 2-х т. – Т.2. – М., – 1988.

79. Мисьхевич, 1970: Мисьхевич Г.И., Чельцова Л.К. Новые слова, их принятие и нормальная оценка: (Проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970.

80. Михайлов, 1988: Михайлов А.А. Маяковский. – М., – 1988.

81. Намитокова, 1988: Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: Структура и функционирование: Дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 1988.

82. Никитченко, 1983: Никитченко Н.С. Лексико-фразеологические и семантические неологизмы: Указатель литературы, изданной в СССР на русском языке с 1976 по 1981 г.г. // Новые слова и словари новых слов. – М., 1983.

83. Олеша, 1965: Олеша Ю.К. Ни дня без строчки. – М., 1965.

84. Парнис 1978: Парнис А. Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. – Л., 1978.

85. Перцов, 1966: Перцов В.О. О Велимире Хлебникове // Вопросы литературы. – 1966. – № 7.

86. Перцов, 1977: Перцов В.О. От свидетеля счастливого. – М., 1977.

87. Познин, 1985: Познин В. Рычаги слов повернул незаметно // Советская культура. – 1985. – 12 ноября.

88. Поэзия, 1999: Поэзия русского футуризма. – СПб., 1999.

89. Поэтический мир, 1992: Поэтический мир Велимира Хлебникова: Межвузовский сборник науч. тр. – Астрахань, 1992.

90. Ревзина, 1996: Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. – М., 1996.
91. Ревякин, 1974: Ревякин Н.И. О заумном «речетворчестве»: (Из истории поэтического языка) // Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М., 1974.
92. Розенталь, 1968: Розенталь Д.Э. К итогам обсуждения вопроса о штампах // Вестник МГУ. – 1968. – № 6.
93. Рыжков, 1982: Рыжков В.А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 1982.
94. Рыжков, 1988: Рыжков В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающие социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: Стереотипы и творчество. – М., 1988.
95. Самойлов, 1982: Самойлов Д. Книга о русской рифме. – М., 1982.
96. Седакова, 1985: Седакова О.А. Велимир Хлебников – поэт скорости // Русская речь. – 1985. – № 5.
97. Солганик, 1968: Солганик Г.Я. О штампах в газетном языке // Вестник МГУ. – 1968. – № 2.
98. Степанов, 1975: Степанов Н.Л. Велимир Хлебников «Жизнь и творчество» – М., 1975.
99. Стереотипы, 1988: Стереотипы в общественном сознании. – М., 1988.
100. Струнин, 1985: Струнин В. Поэма глаз Велимира Хлебникова // Литературная учеба. – 1985. – № 5.
101. Тартаковский, 1985: Тартаковский П. Горят две яркие звезды // Звезда Востока. – 1985. – № 3.
102. Томашевский, 1959: Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – Л., 1959.
103. Турбин, 1985: Турбин В. Свободный ум // Октябрь. – 1985. – № 11.
104. Тынянов, 1965: Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка. – М., 1965.
105. Тынянов, 1977: Тынянов Ю. Поэтика. – М., 1977.

106. Улуханов, 1996: Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996.
107. Улуханов, 1977: Улуханов И.С. Обратное словообразование: (Образование окказионализмов путем усечения) // Русская речь. – 1977. – № 2.
108. Улуханов, 1984: Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. – 1984. – №1.
109. Урбан, 1979: Урбан А. Философская утопия: Поэтический мир Хлебникова // Вопросы литературы. – 1979. – № 3.
110. Урбан, 1983: Урбан А. Мечтатель и практик: Хлебников и Маяковский // Звезда. – 1983. – № 4.
111. Фельдман, 1957: Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4.
112. Филин, 1966: Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. – 1966. – Вып. 7.
113. Фомин, 1977: Фомин Ф.П. Язык художественной литературы // Русская речь. – 1977. – № 4.
114. Ханпира, 1966: Ханпира Э.И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования русского языка. – М., 1966.
115. Ханпира, 1972: Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования на материале современного русского языка: Межвузовский сборник науч. тр. – М., 1972.
116. Харджиев, 1975: Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. – М., 1975.
117. Хейзинга, 1992: Хейзинга Й. Homo ludens. – М., 1992.
118. Хлебников, 1987: Хлебников В. Творения. – М., – 1987.
119. Шмелев, 1977: Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.
120. Языковая норма, 1981: Языковая норма и вариантность: Межвузовский сборник науч. тр. – Днепропетровск, 1981.
121. Языковая норма, 1977: Языковая норма и статистика. – М., 1977.

122. Языковое сознание, 1988: Языковое сознание: Стереотипы и творчество: Межвузовский сборник науч. тр. – М., 1988.

123. Якобсон, 1921: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Виктор Хлебников. – Прага, 1921.

124. Якобсон, 1987: Якобсон Р. Поэтика. – М., 1987.

125. Яковлева, 1996: Яковлева Е.А. К проблеме генезиса словотворчества в русской разговорной речи // Семантика и функционирование единиц языка и речи: Межвузовский сборник науч. тр. – Уфа, 1996.

126. Янечек, 1999: Янечек Дж. Тысяча форм Ры Никоновой // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35.

127. Янко-Триницкая, 1975: Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образы окказионального словообразования // Учен. зап. Ташкентского Государственного Педагогического Института. – Ташкент, 1975. – Вып. 143.

СЛОВАРИ

128. Даль, 1979-1980: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. – М., 1979 – 1980.

129. Кузнецова, Ефремова, 1986: Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М., 1986.

130. Перцова, 1995: Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. – Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 40. – Wien – Moskau, 1995.

ИСТОЧНИКИ

1. *Асеев 1914* – Асеев Н. "Зор", М., 1914.
2. *Асеев 1915* – Асеев Н., Петников Г. "Леторей", М., 1915.
3. *Асеев 1916 а* – Асеев Н. "Ночная флейта", М., 1916.
4. *Асеев 1916 б* – Асеев Н. "Ой конин дан окейн", М., 1916.
5. *Большаков 1911* – Большаков К. "Мозаика", М., 1911.
6. *Большаков 1916 а* – Большаков К. "Поэма событий", М., 1916.
7. *Большаков 1916 б* – Большаков К. "Солнце на излете", М., 1916.
8. *Бурлюк 1913* – Бурлюк Д. и др. "Пощечина общественному вкусу", М., 1913.
9. *Гуро 1914* – Гуро Е. "Небесные верблюжата", СПб., 1914.

10. *Гуро 1909* – Гуро Е. "Шарманка", СПб., 1909.
11. *Ивнев 1916* – Ивнев Р. "Золото смерти", М., 1916.
12. *Ивнев 1913* – Ивнев Р. "Пламя пышет", М., 1913.
13. *Каменский 1918* – Каменский В. "Звучаль веснянки", М., 1918.
14. *Каменский 1911* – Каменский В. "Землянка", М., 1911.
15. *Крученых 1913 а* – Крученых А. "Поросята", СПб., 1913.
16. *Крученых 1913 б* – Крученых А. "Черт и речетворцы", СПб., 1913.
17. *Футуристы 1914* – Футуристы. К.Большаков, Бурлюки: Давид, Владимир, Николай и др. "Дохлая луна" (2 изд.), М., 1914.
18. *Хлебников 1913* – Хлебников В. и др. "Дохлая луна. Сборник единственных футуристов мира!" (1 изд.), М., 1913.

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
1.1. КАК И О ЧЁМ? МЕТОДОЛОГИЯ ВОПРОСА	5
1.2. ЯЗЫК И РЕЧЬ. ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ	9
1.3. ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ.....	14
1.4. ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....	27
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	30
ГЛАВА 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА	
2.1. ИСТОКИ И СВОЕОБРАЗИЕ ФУТУРИСТИЧЕСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА.....	33
2.2. ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА	39
2.3. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КРУЧЕННЫХ И В. КАМЕНСКОГО.....	49
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
ПРИЛОЖЕНИЕ	
СЛОВАРЬ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФУТУРИЗМА	71
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	149

Научное издание

Масленников Дмитрий Борисович

**РУССКОЕ
ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО
Ч.1. ФУТУРИСТЫ**

Редактор Н.Р. Ахтямова

Технический редактор И.В. Пономарев

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 06.08.2009.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 10,0. Уч.-изд. л. – 10,8.

Тираж 500 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, За